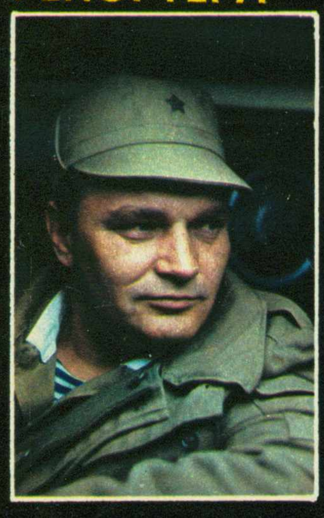
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 30 ИЮЛЬ 1987

АФГАНИСТАН: ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ ЕСЕНИНА

СТАСИС КРАСАУСКАС— ХУДОЖНИК ПОЭТОВ

РАССКАЗ ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА

УЛЫБНИТЕСЬ ГАЛИНЕ НАУМОВОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (3131)

25 ИЮЛЯ — 1 АВГУСТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

«Счастье — в пути»,— утверждает водитель такси Галина Наумова (см. в номере материал «Миллион километров по Москве»).

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии О. Б. ХРОМОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

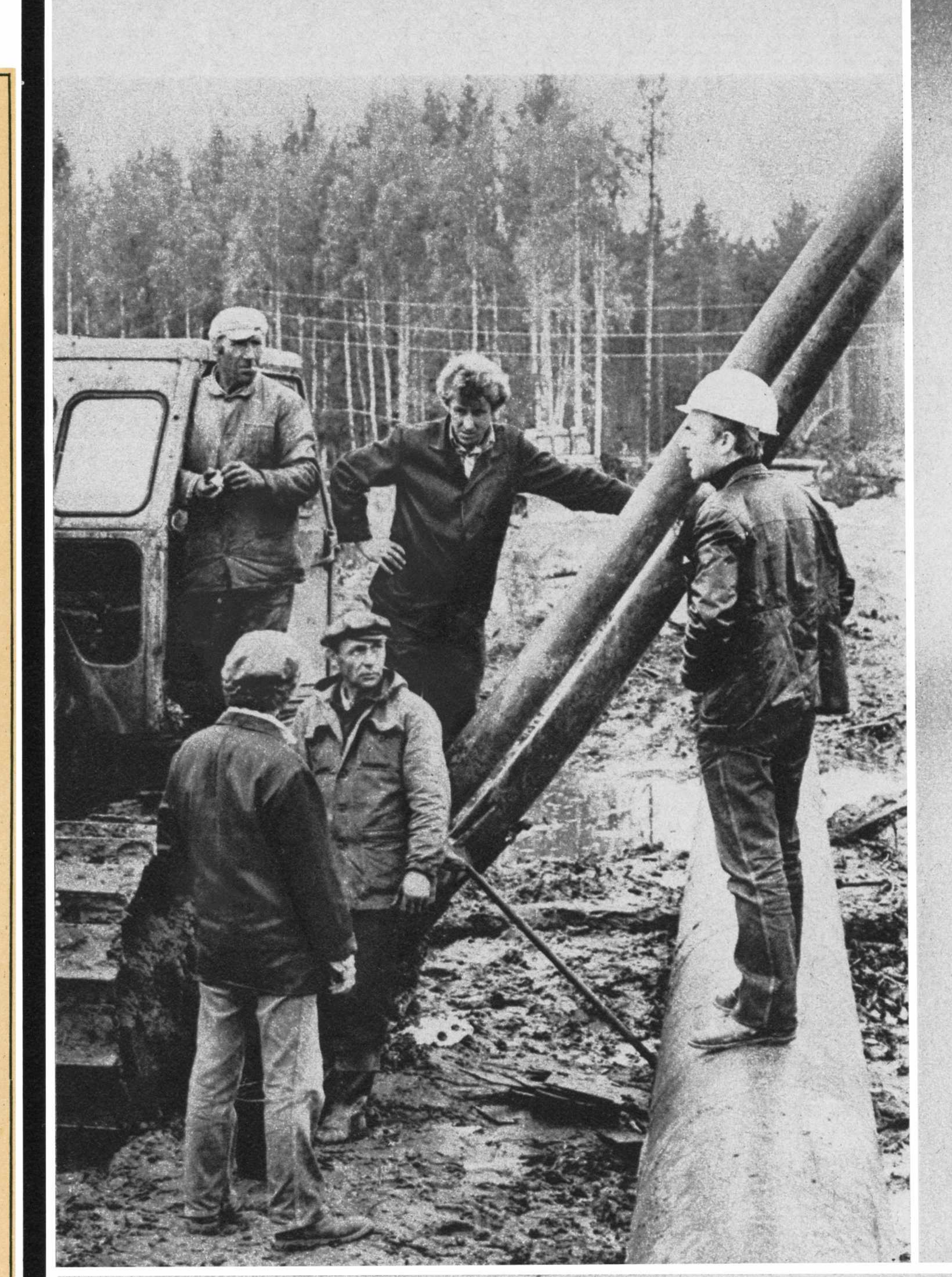
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

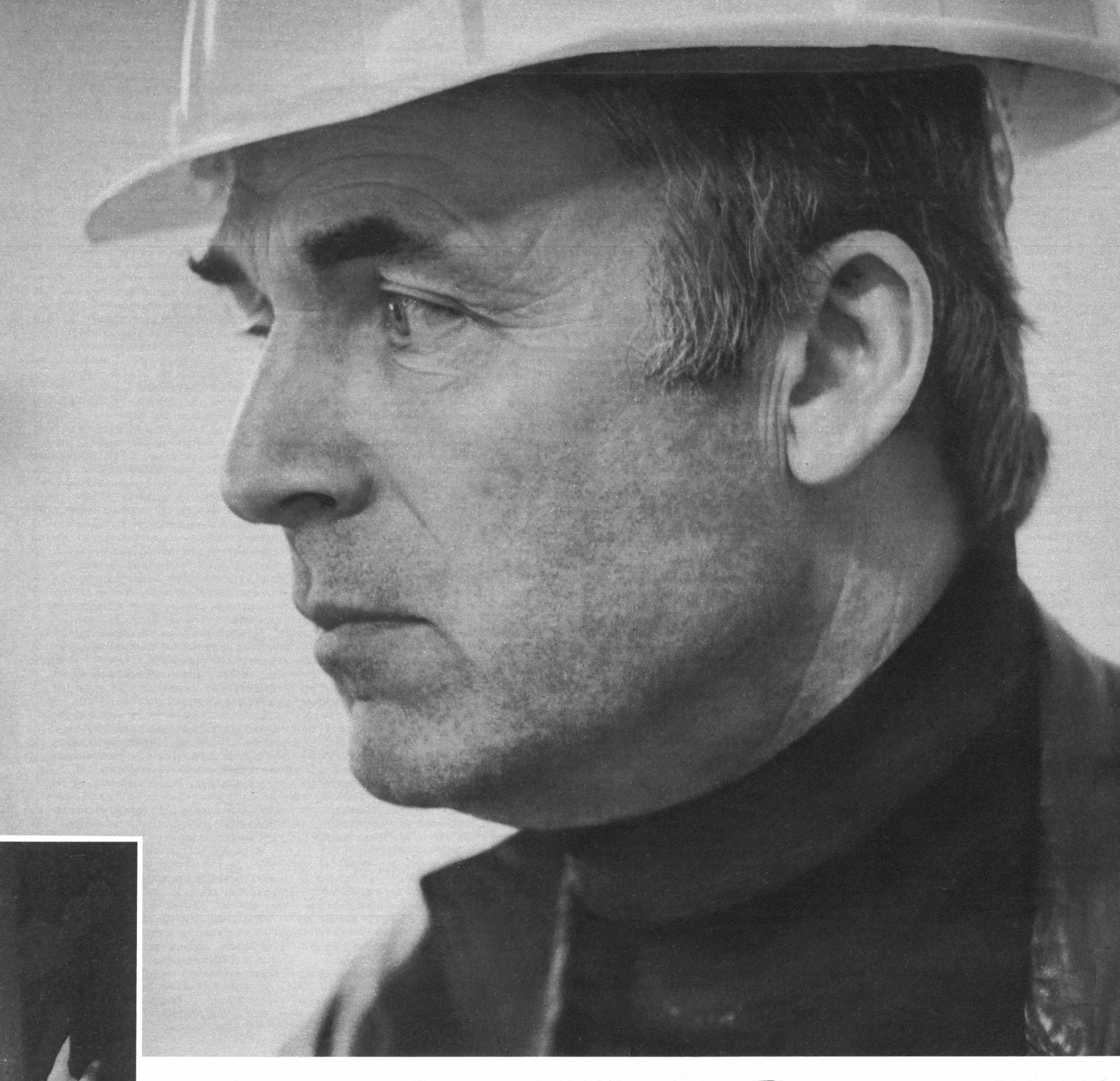
Сдано в набор 03.07.87. Подписано к печати 21.07.87. А 00399. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1798. Заказ № 908.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

«До каких пор начальник участка гидромеханизации Виктор Иванович Воробьев будет срывать нам работу?» — жалуются строители.

Началось строительство бетонного завода. Иногда Василию Михайловичу приходится наступать на горло самолюбию, как в этом разговоре с бригадиром монтажников В. Г. Слотиным (слева).

Главный инженер строительства Костромской АЭС Василий Михайлович Никипелов

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

КОМПАС

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Генри Форд говорил, что не может отличить карбюратор от радиатора. Правда, у него было в достатке время, чтобы посмотреть на дело со стороны, подумать о будущем. И еще он утверждал, что если захочет погубить конкурентов, то даст им побольше узких специалистов.

К чему я все это вспомнил? Просто хочу сказать всем тем, кто приходит домой поздно, без сил, встает чуть свет, «горит на работе», что ничуть им не сочувствую. Надоело, устал восхищаться. Мы научились видеть за подвигом чью-то халатность, но не научились видеть за «подвижничеством» неумение думать, работать, управлять.

Я слышу сейчас хрипловатый басок Никипелова: «Да им так просто удобно жить. Он пришел с работы к программе «Время», съел тарелку супа и заснул. Детьми ему заниматься некогда, а умеет он заниматься-то? Тоже ведь непросто, и думать надо. Вникать. А он вникать не привык. Он привык командовать и подчиняться. И днем то же самое. Люди работать должны, а им — совещание. Одного полчаса разбирают, остальные слушают. Да и какое это совещание? Никто там не советуется. Сплошной разнос. Кто чином выше, тот всегда прав. Тут не партнеры в одном деле, а исполнители — маленькие люди. Какой спрос с маленьких людей? У меня, кстати, два года оперативок не было. И времени свободного — вагон, а показатели в два раза выше, чем у иных героев поневоле. По «Компасу» работал».

Прежде чем объяснить, что такое

«Компас», расскажу о Никипелове.

Отец его был известным человеком в большом городе. Молодой Никипелов в этом городе до конца жизни остался бы сыном своего отца — не больше. А он хотел быть самим собой. И отправился в Заполярье с женой и с новеньким дипломом инженера-строителя. Уехал он из Норильска главным инженером монтажного управления, перевели на строительство Калининской АЭС.

Еще один штрих. Как-то отдыхал Никипелов в Карелии. Там финны на специальных плотах преодолевали пороги и водопады. Никипелов изумил их тем, что проделал то же самое на надувном матрасе.

Одним словом, человек он смелый. Но сколько мы знаем людей, которые не задумываясь бросятся в воду или в огонь и в то же время ночей не спят из-за недоброго взгляда начальника! Так что, по моему разумению, самый решительный свой поступок Василий Михайлович совершил не тогда, когда на надувном матрасе пороги прошел, а когда уже на Калининской АЭС пришел в гостиницу, где сидел, не зажигая света, человек, и сказал, руку ему на плечо положив: «Не отчаивайся, возьмем мы твой «Компас». Как там говорили? Гильотина для управленца? Ничего, рискнем головой».

Пора выводить на сцену Валерия Михайловича Водянова с его системой «Компас». Если изложить ее коротко и упрощенно,— это два разграфленных листа бумаги. Получил бригадир задание и в этих графах пишет, от кого зависит его работа, что ему надо от смежника. Все в бумагах согласовано и расписано. А на другой стороне бланка он выставляет оценки тем, от кого зависела его работа, в том числе и руководству. Впрочем, слова «получил задание» не подходят. Рабочие в лице бригадира задание принимают. Если выяснится, что оно нереально, то могут и не принять. Зачем, например, бетонировать, если нет бетона нужной марки? Давайте планировать лишь то, что можно сделать.

Вот так все на первый взгляд просто. Телевизором тоже просто управлять, а поди в нем разберись. За простотой — своеобразная революция и в мышлении, и в организации производства.

Ах, какое недоверие вызывают и вызывали эти бумажки! Во-первых, потому, что они бумажки, а мы от писанины уже устали, во-вторых, потому, что ничего нового вроде бы и нет. Вот они, сетевые графики, в любом кабинете их за шкафами накопилось сколько угодно.

Начнем с того, что бланк бригадир заполняет пять минут, а на писание заявок уходили часы. К тому же «Компас» — не последовательность работ, а система микродоговоров. Не нужно ни совещаний, ни оперативок, достаточно посмотреть бланк, чтобы выяснить обстановку.

А при чем здесь психология? Ответ на вопрос нужно искать на совете бригадиров. Здесь нет ни стучанья кулаком по столу, ни угроз типа «зарплатой ответишь», ни заверений, что все будет готово к первому числу, хотя все знают, что готово не будет. Здесь не нужен начальник, который «создает напряжение». Здесь все партнеры — от рабочего до руководителя управления. Люди советуются друг с другом, заключают договоры. В спорных случаях обращаются к арбитру — Никипелову.

Совет бригадиров собирается раз в две недели. После не нужно ни одной планерки. Любой бюрократ проголосует за такой порядок обеими руками. Слава богу, не надо вникать, а только командовать. Пусть и разбираются сами в мелочах на бригадном уровне. Крамола обнаружилась в другом — в системе оценок. Мы забыли про обратную сторону бланка, а там есть экран, который высвечивает, кто есть кто. Если бы только друг другу ставили оценки бригадиры, а то ведь и начальству вплоть до первого руководителя.

Сначала «Компас» Водянова приняли на строительстве Калининской АЭС. Он помогал выжать порядок на уровне бригад. Но когда руководители стали получать двойки, то Водянову просто сказали: «Знаешь что, потуши свои экраны».

И вот сидел он в гостинице, не зажигая света, со своей ненужной идеей, на корню подрывающей штурмовые традиции наших строек. Сидел и не знал, что со всем этим делать. Тогда и пришел к нему Никипелов.

И стало управление «Гидромонтаж» работать по «Компасу». Странные вещи высвечивал экран. Разбуди ночью любого руководителя и спроси, кто виноват в грядущем срыве, и он ответит, не распутав лицо от сна: снабженцы. А вот у Никипелова по его экранам снабженцы выходили на первое место в соревновании, а сам он иногда оказывался на двенадцатом, а то и на семнадцатом. Выходило, что не привычные, набившие оскомину «объективные причины» виноваты, а он сам, его привычка работать по-старому. Если бы это только по самолюбию било (знал, на что шел), а то ведь и по карману.

Можно пройти по цепочке на любом заводе от рабочего до начальника цеха, главного инженера, директора, задавая один и тот же вопрос: «Многое ли зависит в работе лично от вас?» — и в большинстве случаев в ответ услышим: «Нет, немного». А это не так. Ученые, специалисты по системам управления могут с цифрами в руках доказать, что пятая часть продукции зависит от того, как работают директор и ближайшие его помощники.

А кто определит, как они работают? Какой есть критерий? Планы мы выполнять научились. Но цифирные вершины и уровень экономики — вещи разные.

Но вернемся к «Компасу». Что он дал самим рабочим, бригадам? Для начала подойдите к зеркалу. Какая у вас будет реакция? Вы расправите плечи и постараетесь сделать свое лицо более привлекательным, таким, каким вы его представляете. Это первые секунды. А если постоять подольше, то начнете считать — то ли годы, то ли обиды, то ли свои просчеты. А «Компас» — это постоянная оценка всех и каждого, сбоку, сверху, снизу. Это зеркала, направленные всегда и со всех сторон. Подтянешься, вытащишь из себя все лучшее. Люди хозяевами стали, когда в них увидели не исполнителей, а партнеров, научились им доверять, позволили выразить свое «я».

Однако все это в прошлом. Сейчас «Компас» работает неверно, будто попал в зону магнитной аномалии. Договоры бригадиры заключают, но оценок не ставят. И Никипелова нет на строительстве Калининской АЭС...

Годами отрабатывалась система борьбы со всякого рода новациями, что там два каких-то энтузиаста? Не с такими справлялись. Взвинтили управлению план. Его Никипелов не принял, вспылил и ушел. На что и рассчитывали. А как он мог его принять, когда сам приучал бригадиров и рабочих брать только реальное задание. Значит, теперь он должен был требовать от них невозможного, штурмовать. Рубить, что посадил?

Никипелов зашел в редакцию с глазами, красными от бессонницы. Он теперь работал в другом месте, как все, чуть свет вставал, поздно ложился, мотался с утра до вечера по объектам, уставал и физически, и нравственно от бессмысленности этой круговерти.

Все дело заглохло бы, если бы не Водянов — сотрудник «Оргэнергостроя». Он добрался со своим «Компасом» до руководителей подмосковных строек и заместителя министра энергетики СССР Юрия Ивановича Кириллова. Для Водянова и Никипелова наступило время больших надежд. Тут еще и на ЦТ решили снять передачу про «Компас». Поехали на Калининскую АЭС, взяли с собой и Никипелова. Надо было видеть, как его там встречали. Приглашали опять на работу. Странная закономерность обнаружилась во время съемок: все рабочие и бригады — за «Компас», а руководители — против с разного рода оговорками.

— Да поймите вы,— говорили они перед камерой,— что «Компас» — система не универсальная, масштабы ее ограничены рамками управления.

Знакомые мотивы. Но есть ли вообще универсальные системы? Например, в технике? Нет. Есть конструктивные элементы, одинаковые, скажем, для кофемолки и бетономешалки. Есть двигатели для стиральной машины и есть для «Жигулей», было бы что двигать, было бы желание, был бы заказ, а как применить тот же «Компас» на более высоком уровне по вертикали или раздвинуть его границы по горизонтали — это уже дело второстепенное. Специалистам по управлению на такую работу понадобятся считанные месяцы.

Система Водянова — одна из попыток на деле реализовать самоуправление, контроль за руководством. Если уж вести перестройку, то не только сверху вниз. В. И. Ленин писал, что «масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности. Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции». Не думаю, что эти слова устарели, может быть, они сейчас даже более современны.

Конец у нашей истории довольно оптимистичный. Телевизионщики заканчивали съемку в студии. Там были и ученые, и партийные работники, и слушатели Академии народного хозяйства. Показали им кадры о «Компасе», высказали свое мнение (большей частью положительное) ученые. Юрий Иванович Кириллов пообещал, что даст развернуться Никипелову на большой стройке. Водянов по обыкновению чуть было не взорвал передачу, бросившись объяснять каждому, кто хотел, что такое «Компас», а объяснять надо было зрителям. Но суть не в этом.

В конце передачи режиссер сказал слушателям Академии народного хозяйства — руководителям заводов и трестов: «Кто за систему «Компас» — встаньте». Встали почти все.

Кириллов сдержал обещание. Сейчас Никипелов работает главным инженером строящейся Костромской АЭС. Работает по «Компасу». Дела идут отлично.

Владимир КУЗЬМИЩЕВ

Будущий город энергетиков.

КРИК О ПОМОЩИ

Предлагаем вашему вниманию два письма из США. Эти послания — крик о помощи. Но что можно сделать для этих людей и для тысяч других, направляющих в отчаянии похожие письма в адрес посольства СССР в США! Ведь даже опубликовав их, вряд ли что-либо удастся исправить. К тому же один из авторов, опасаясь последствий, просил не называть своего имени. В мире накопилось много несправедливости, но ее невозможно искоренить взаимными упреками противоборствующих сторон. Нам кажется, что единственный способ развития демократических прав — это широкий и откровенный диалог, свободный от стереотипов обмен мнениями, исходящий из реального положения дел в каждой из наших стран.

Советскому послу в США
Юрию В. Дубинину.

Уважаемый посол Дубинин!

В мае я видел программу «Фил Донахью-шоу», в которой принимал участие Владимир Познер, и на меня произвело большое впечатление то, как он держался перед аудиторией, которую вполне можно было считать настроенной враждебно. Американцы в целом настроены враждебно по отношению к Советскому Союзу просто потому, что им это внушили.

Большинство американцев выставляют Советскому правительству низкие оценки в области прав человека в основном потому, что, по их мнению, вы у себя ограничиваете свободу передвижения, миграции и эмиграции, особенно в отношении евреев. Для меня загадка, почему они так озабочены тем, что происходило и происходит с евреями. Американцев ведь не так беспокоят другие так называемые угнетенные народы в мире и уж тем более в самой Америке. А сами они повинны в том, что в Америке множество людей погибло во времена рабства.

Американцы сами заслуживают низких оценок в области прав человека из-за того, как у нас обращаются с бедными, особенно с афроамериканцами. Их права на передвижение, миграцию и эмиграцию ограничены, поскольку у черных нет денег даже на то, чтобы переехать из одного района города в другой, не говоря уже о другой стране.

Я посмел обратиться к вам, потому что утопающий хватается за руку любого человека и голодному безразлична разница между коммунизмом и демократией, демократами и республиканцами. Утопающие — это мы, афроамериканцы. Мы лишены самого насущного — питания, одежды, жилища. Мы лишены наших так называемых конституционных прав на жизнь, на свободу, на стремление к счастью, может быть, потому, что на нас не смотрят как на американцев и не считают нас таковыми. Мы приехали в эту страну не по своей воле.

Как вы видите, мы — это усталость и бедность Америки, ее толпа, жаждущая свободно вздохнуть. Передайте это народу Советского Союза, и если там есть люди с темным цветом кожи, я бы им посоветовал оставаться у себя в стране. Я не думаю, что коммунизм может быть чем-то хуже, чем то, что происходит с нами в Америке.

Я слышал, как г-н Познер говорил, что в Советском Союзе нет или почти нет безработных. А для афроамериканцев, как я говорил, проблема безработицы стоит очень, очень остро. Познер также говорил, что в Советском Союзе нет голодных и бездомных. Проблема жилья для афроамериканцев — это бедствие. Американцы — как черные, так и белые — знают, что покуда у афроамериканцев нет работы, денег и жилья, они останутся в Америке никем. Кто-то, наверное, скажет, что г-н Познер преувеличивает или занимается пропагандой, но это не так важно, поскольку наши так называемые руководители постоянно твердят нам, что все идет к лучшему. Они заявляют, что в Америке голоден только тот, кто не хочет работать. Это не преувеличение, а самая настоящая ложь, и они сами знают об этом.

Я хорошо понимаю, что настоящая свобода для каждого человека начинается изнутри и что американские негры должны сами освободить себя. Нам было бы просто сделать это, если бы не институционализированный расизм, с которым мы сталкиваемся по каждому поводу. Нам не было позволено переплавиться и смешаться с другими в этом американском «тигле». Так называемая демократическая система не была задумана для черных, и белые американцы думают, что если с нами достаточно плохо обращаться, мы сами исчезнем.

**Искренне ваш,
афроамериканец
Адюл МУХАММАД
516—West 34 street New York
N. Y. 10001**

Представителю советской прессы.

Я пишу вам из тюрьмы. Мое преступление заключается в том, что я — американская женщина, вернее, американская мать.

Мой бывший муж — натурализованный американец, уроженец СССР. Он эмигрировал в 1973 году и быстренько начал использовать в своих интересах людей и разные организации моей страны, ликуя, что американцы настолько глупы, что позволяют ему (и таким же паразитам, как он) добиваться успеха в своих аферах.

В 1978 году у нас родился ребенок, и Владимир (мой бывший муж) сразу попытался лишить меня возможности заботиться о нашем сыне Дэниеле. Он хотел, чтобы сына воспитывала мать Владимира. Я не согласилась, но он стал настаивать, чтобы я вернулась на работу. Он хотел поскорее стать миллионером — собственно, он для этого и приехал в США. Софья, его престарелая мать, получала вспомоществование, продовольственные талоны. Наши американские бедные, безработные и бездомные и то не могут получать их! На продовольственные талоны она даже покупала икру! Не проходило ни дня, чтобы у нас за столом не была выпита бутылка водки, за которую заплатили американские налогоплательщики.

Я сама вскармливала сына и не соглашалась его отдавать. Я сказала Владимиру, что право моего ребенка на хороший уход и мои материнские чувства более для меня важны, чем деньги.

С тем, чтобы заставить меня отказаться от сына, Владимир и его семья стали очень со мной грубы.

Я уехала от Владимира в 1979 году, не взяв ничего из денег, оставив ему дом, купленный нами совместно. Я пошла работать в чужой дом служанкой, потому что Владимир совсем не помогал мне. Потом он решил, что я еще недостаточно наказана, и подал в суд, заявив, что я запрещаю ему видеться с ребенком, хотя я разрешала ему приезжать три раза в неделю.

И тогда я была подвергнута трехлетнему испытанию нашей славной судебной системой. Правосудие в нашей стране — это то, сколько ты можешь заплатить. Когда судья назначил меня опекуном, Владимир подал иск на судью. Это ему сошло с рук. Кроме того, он отказался выплачивать деньги на содержание ребенка и не выполнял судебные распоряжения.

Пока раскручивалось дело, Владимир подал ходатайство о получении американского гражданства. Хотя он должен был доказать, что он всегда содержал ребенка, наше правительство все-таки предоставило ему гражданство.

В сентябре 1982 года после постоянной травли я взяла ребенка и убежала. Я его растила в одиночестве. Но тогда Владимир добился решения суда о назначении себя опекуном. По телевизору стали показывать фотографии моего сына, объявив, что я его похитила. Владимир вовсю твердил нашей глупой прессе, что он уехал из России, чтобы найти справедливость, и что ему в ней отказывают, так как ФБР не может найти меня! Пресса печатала эту ложь (в нашей прессе печатают любую ложь). Нас нашли в сентябре 1986 года. Сына забрали из дома, из школы и поместили его в дом отца. Он мне оттуда звонил и отчаянно просил, чтобы я его забрала.

Его лишили и этих «телефонных привилегий», а когда я подала апелляцию, меня бросили в тюрьму без права освобождения под залог, без суда, а ведь я не нарушала никаких законов.

И вот я заключенная, без какой бы то ни было надежды на справедливый суд, как это предусмотрено нашими законами, а мой сын оторван от меня и ему не разрешают поддерживать со мной отношения — даже обмениваться письмами.

В камере со мной находятся пять женщин, две из них вынуждены спать на полу. Мы не видим солнечного света и не получаем медицинской помощи. Ни одна из нас не предстала перед судом, ни одна!

Вы можете подробнее узнать о моем деле, запросив соответствующее досье в суде округа... Только, пожалуйста, сделайте это втайне — ради моего сына, этого беспомощного пленника. Если здесь узнают о том, что я написала вам, нас с сыном скорее всего разлучат навсегда, а меня продержат в тюрьме до самой смерти.

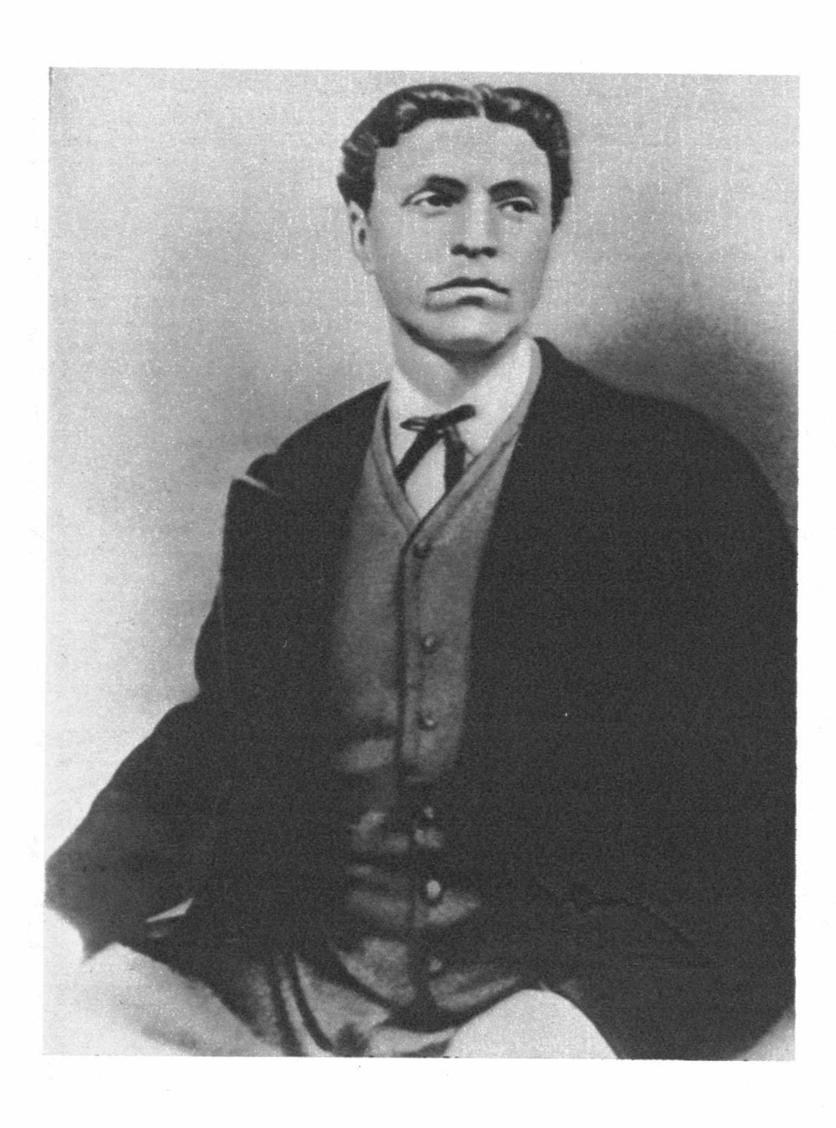
Я надеюсь выбраться отсюда, чтобы многое-многое рассказать об ужасных условиях, созданных для детей и женщин в этом обанкротившемся, больном обществе.

Правда сделает нас свободными.

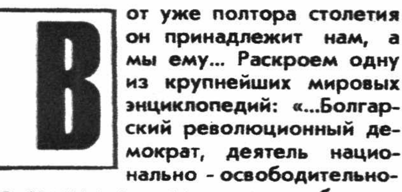
**М. Е.,
заключенная №...**

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛА ЛЕВСКОГО

АПОСТОЛ СВОБОДЫ

Серафим СЕВЕРНЯК, болгарский публицист

Вот уже полтора столетия он принадлежит нам, а мы ему... Раскроем одну из крупнейших мировых энциклопедий: «...Болгарский революционный демократ, деятель национально-освободительного движения... первым среди болгарских революционеров сформулировал и осуществил идею создания революционной организации... предпринял поездки по Болгарии, в результате которых была образована широкая сеть подпольных комитетов, центром подпольного движения стал возглавленный Левским Ловечский комитет... Левский разработал устав Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК), содержавший ряд программных положений... Левский стремился объединить силы внутреннего и эмигрантского центров... в апреле — мае 1872 года в Бухаресте собрание болгарских революционеров, состоявшееся по инициативе Левского, санкционировало создание единого центра. По возвращении в Болгарию Левский был схвачен... турецкими властями и повешен».

Не скрою, меня долгие годы искушает образ Левского. В течение десятилетий я собирал каждую книгу, каждый манускрипт, каждую газетную вырезку, где встречалось его имя. Среди эпистолярного наследия Левского, как известно, есть автобиография в стихах. Как поэтическое произведение некоторые склонны его толковать снисходительно: литературные качества слишком скромны и не превосходят достижений наших лучших стихотворцев. Как источник исторических сведений автобиография также довольно скудна, поскольку это личное жизнеописание, личная исповедь. Перечитывал однажды, в который раз, автобиографические стихи Левского, и вдруг третий стих блеснул в моем сознании как озарение, как золотой ключ, при помощи которого единственно можно заглянуть в таинство души Левского!

> Я — Васил Левски, рожденный в Карлово,
> болгарской матерью рожденный молодец,
> не хотел быть ни турецким,
> никаким рабом...

Вот он, лозовый прутик, помогающий проникнуть в таинство, найти тропинку в этом лабиринте энергии, воли, дел и мыслей, в этой вселенной идей и пророчеств — единственных, между прочим, во всей нашей истории! Своим могуществом гения Апостол обобщил, сконцентрировав, как в пике алмазном, все о самом себе в двух словах — никаким рабом.

Бунт против неба? Ничего подобного! Это — стремление к освобождению милого сердцу народа от пятивекового османского ига, это знамя освободительного отряда на Балканах. Это стремление сделало Апостола болгарской национальной революции Свободным раньше Освобождения.

...Васил Левский родился ровно через шесть месяцев после убийства на дуэли Александра Сергеевича Пушкина и за десять лет до появления Коммунистического Манифеста Маркса и Энгельса. На первый взгляд это можно принять как чисто календарное совпадение, но лишь на первый. Девятнадцатый век все еще считался одним из романтических периодов в истории человечества — балы, кареты, встречи глав государств, расточительные пиршества и пышные охотничьи вылазки...

И вот в самой середине эпохи двое дерзких мыслителей откупоривают бутылку, чтобы выпустить джинна непримиримости к классовому подавлению. Случайно или нет, но сразу после выхода в свет Коммунистического Манифеста вспыхивает революция в Париже, затем в Берлине, Вене, Будапеште... Это дало право Левскому написать в одном из своих писем: «Господа, нынешний век — век Свободы!..» Великий болгарин родился в переломное, бурное время, ему суждено было многое понять и восстать против рабства.

Левский был просвещенным революционером; он окончил все доступные ему в Болгарии училища, участвовал в Легии Раковского и, как стало известно, вел мудрые беседы с ним, оставившие след в разуме и сердце революционера на всю жизнь. И пусть он не был интеллектуалом континентального масштаба, но народным интеллигентом — в полном смысле этого слова — был. Изучил сербский и влашский языки, интересовался политикой и возрождением — духовным и революционным — в Европе. Отсюда до призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» один лишь шаг...

Левский не желал свободы только одному себе, он хотел ее всему народу. Из человека прозрения благодаря собственной внутренней силе он превращается в величайшего мужа Болгарии. Проникнув в суть исторического момента, берется за дело и вершит его безупречно и величественно.

Всего тридцать пять лет он прожил. С тех пор прошло больше века...

Время не удаляет, наоборот, приближает к нам революционера, который стал необходимым, как оружие в битвах за свободу, и насущным, как хлеб в мирные дни. Он родился, потому что был необходим прежде всего своему народу. Время повелело родиться брату Прометея, чтобы обобщить страдания и вожделения, вознести на стонах и пролитой крови стройную революционную организацию — во всяком случае, единственную в своем роде в ту эпоху. Он необходим был своим духовным наследникам, которым наказывал исполнять его заветы, одним из которых был: «Если выиграю — выиграет весь народ! Если проиграю — потеряю лишь самого себя».

София

МИЛЛИОН КИЛОМЕТРОВ ПО МОСКВЕ

Семнадцать лет, почти полжизни, колесит Наумова по улицам Москвы, проехав за это время более миллиона километров. В ее личной карточке в 20-м таксомоторном парке отметки о премиях, о благодарностях, награждении знаком «За работу без аварий», победе в конкурсе «За безопасность движения». Жалоб от пассажиров нет — не многие водители могут сказать о себе такое.

ЖУРНАЛ — ЧИТАТЕЛЬ — ЖУРНАЛ

Статья «О почестях и наградах» в «Огоньке» № 25 побудила меня написать о том, почему я отказался от ордена Отечественной войны II степени. Военным я этого объяснить не смог ни в военкомате, ни дома, куда они приехали по этому поводу. Сам военком мне просто нахамил, а остальные недоуменно твердили, что не могут этого допустить, что это беспрецедентный случай в Душанбе, что, мол, до сих пор они имели случаи незаконного ношения, вымогательства... Кончилось дело тем, что медаль за сорокалетие я взял, а орден нет.

Нет, не потому, что в приказе министра обороны по этому поводу сказано: на орден I степени имели право «...награжденные орденами, медалями, раненные в боях...», а в позднейшем толковании стало «...награжденные орденами и медалями и раненные в боях...». Нет, хотя, по правде говоря, невозможно понять, по какой такой логике ранение — это достоинство, дающее право на преимущество в акте награждения за свершение в боях? Нет, и не потому, что Указ о моем (в том числе) награждении был издан в декабре 1984 года и до весны 1987 никто не удосужился оповестить хотя бы бумажкой, что, мол, вы награждены...

Я не взял орден, потому что ничем его не заслужил. Потому что не хочу искажать (берущий здесь столь же виновен, сколько дающий) саму идею награды. Я не вижу причин, почему меня удостаивают орденом только за то, что я в отличие от менее удачливых прожил после войны 40 лет, как не вижу своей ущербности в том, что не только остался жив, но и не был сильно ранен, хотя отвоевал в полковой и армейской разведке и практически большую часть был что ни на есть на самом переднем крае.

Вы подняли острую, злободневную тему. Спасибо.

А. НАДЖАЕВ

Душанбе

Вспыльчивым и обидчивым в такси работать трудно, здесь нужен особый склад характера: водитель должен быть общительным, жизнерадостным, иметь хорошую физическую подготовку, чувство юмора, самообладание, и еще много других качеств необходимо ему.

Однажды Галина приехала по заказу в окраинный район города, пассажира пришлось ждать. Протирала стекла, когда к машине подошли семеро крепко подвыпивших парней.

— Покатаемся! — обрадовались они.

Галина успела впрыгнуть в автомобиль, запереть двери. Пьяные повисли на крыльях, легли на капот. Галина проехалась взад и вперед, «эх, прокатила» выпивох, улучила момент, чтобы впустить пассажира в машину, и доставила его к месту назначения. Подобные случаи в работе водителя такси не редкость.

Бывает, видя за рулем женщину, пассажир начинает вести себя нагло. Тут взорваться, нагрубить недолго, но нет, сдержится Галина, найдет нужные слова, вежливо поставит на место зарвавшегося человека.

— Галя, на тебе будто надпись: «Соблюдай дистанцию!» — смеются водители.

Семейные заботы Галина оставляет дома. Считает, стыдно выглядеть невеселой или нездоровой. Иногда в конце месяца начальник колонны просит:

— Надо сверх плана побольше привезти.

Привозит. Претензий не выдвигает: верит в шоферское товарищество и взаимовыручку, потому что знает: к ней в трудную минуту помогут. И помогают.

— Галя, давай тебе колесо на демонтаж откачу.

— Спасибо, сама.

Водители со стажем психологи, обычно сразу видят, что за пассажир садится в машину. Могут повезти приезжего человека с Казанского вокзала на Ленинградский через Теплый Стан (есть такие «шутники»), да при этом, пользуясь доверчивостью пассажира и отсутствием свидетелей, насочинить о поборах в таксопарке. «Работать в такси стало невозможно, «частники» самых выгодных клиентов перебивают. Эх, тяжело работать честно! Спасибо, хоть пассажиры помогают...»

Некоторые водители «забывают» правила проезда в такси. Например, о том, что в машину, находящуюся на стоянке, пассажир вправе сесть без приглашения, а водитель должен сначала включить счетчик и лишь после этого спросить, куда ехать. «Забывчивые» стараются возить выгодных клиентов на дальние расстояния; жалующиеся ждут дополнительного денежного знака.

Вымогателей Наумова презирает: зря на жизнь жалуются, в таксопарках стало больше порядка. Сама сдачу отдает всегда, деньгам цену знает. Удивляется, когда пассажир оставляет рубли,— уверена, заработанное честным трудом «на чай» добровольно не оставишь.

А в такси работать честно можно и нужно.

Александр МИХАЙЛОВСКИЙ

Разные письма. С одними соглашаешься, другие вызывают чувство протеста, третьи заставляют по-новому взглянуть на старую проблему, четвертые... Да впрочем, все письма, которые приходят сейчас в редакцию, интересны, важны для нас, они заставляют размышлять, удивляться, спорить, думать.

Итак, эти письма — из последней почты «Огонька». Давайте удивимся, поспорим, подумаем вместе...

В «Огоньке» № 27 была опубликована статья Бориса Смирнова «Себе в услугу». Автор статьи говорит о неблагополучном состоянии дел в московском автосервисе и отмечает, в частности, что с приходом в объединение «Мосавтотехобслуживание» нового генерального директора в коллективе произошел раскол, в результате чего многие «опытные, знающие, всеми уважаемые работники стали уходить». Назывались фамилии людей, среди них была и моя. Действительно, как раз в эти дни, когда вышел журнал, я устраивался на новое место работы — на должность технолога отдела Главмосавтотранса (в систему этого главка входит и «Мосавтотехобслуживание». После соответствующих бесед с руководством технического управления я был направлен в управление кадров, чтобы оформиться на работу.

Но вышло иначе. Почти сорок минут начальник управления кадров А. А. Симоненко поясняла мне, что, по всем данным, для вышеуказанной работы я подхожу, но... взять меня на работу не представляется возможным, так как моя фамилия упоминается в «Огоньке»! Я пытался возразить — что же здесь плохого, ведь меня пресса не ругает, а как бы даже поощряет! Но результат остался тем же — в работе мне тов. Симоненко категорически отказала. Не помогло и обращение к ней начальника технического управления...

Да, можно понять: неприятно, когда центральная печать критикует твое учреждение. Но можно ли на этом основании унижать человека? И не из таких ли, с виду «мелких», нарушений служебных норм и складываются крупные недостатки, с которыми приходится потом бороться не иначе, как силой печатного слова?

Г. РЫСИН

Москва.

Прочитал статью в «Огоньке» № 23 «Обратного хода нет» и не разделяю тревоги редакции и врачей по поводу появления новой болезни СПИД. Очень хорошо, что она возникла, ибо это болезнь подонков общества — гомосексуалистов, наркоманов, проституток, развратников. Ведущаяся много лет борьба с ними не дает почти никаких результатов, хотя затрачивается много сил и средств. И вот, к счастью, сама Природа решила помочь в избавлении от этой нечисти. И я мечтаю, чтобы ученым не удалось найти средства для борьбы с этой болезнью. Порядочным, ведущим здоровый образ жизни людям эта болезнь не угрожает. Благодаря СПИДу погибнет какая-то часть упомянутых выше извращенцев, а вторая часть задумается о своем поведении.

М. ИГОРЕВ, пенсионер.

Иваново

Здравствуйте, тов. Подоляко! Прочитал в «Огоньке» № 24 Ваше письмо «Фильм не видел, но утверждаю» по поводу документальной ленты Ю. Подниекса «Легко ли быть молодым?». Я с Вами согласен, плохо мы воспитываем свою молодежь. И рок-музыку я тоже никак понять не могу. Вы правы и в том, что наша «творческая интеллигенция», да, впрочем, и не творческая тоже, в большом долгу перед народом.

И все-таки в целом согласиться с Вами не могу.

Долгие годы за нас решали «как надо, как положено, как принято». Решали, что нам читать, что смотреть, что говорить. Фильм Подниекса заставляет нас задуматься о том, а что же делать дальше, если действительность такова. Долгие годы мы знали, что у нас самый передовой строй, и нас уверяли, что это подтверждается экономическими успехами. Но где эти успехи? Фильм Подниекса показывает нам, что дальше отступать некуда. Что надо что-то делать.

Недавно смотрел по ТВ кадры — японский завод, где роботы делают автомашины. В цехе ни одного человека. Я испытывал боль и стыд. Я думал о своем предприятии, таксопарке, где нужно «днем с огнем» искать чуть ли не каждую гайку.

Чем отличается молодежь от нас? Тем, что у нее свежий взгляд, их головы не забиты «придуманными формулами». И они лучше нас видят разрыв между словом и делом. Не единым хлебом сыт человек. Нашей молодежи трудно, потому что она голодна духовно. Мало духовности в нашем обществе.

Фильм Подниекса — возвращение долга интеллигенции народу. Нам показали правду, а она сейчас нужна, как воздух. Ложь — наш главный враг. Вам эта горькая правда не нравится? Мне тоже. Но это не означает, что ее надо всячески прятать, продолжать делать вид, будто все прекрасно.

Вы и теперь не посмотрели фильм? Ведь это просто неуважение — посылать разгромное письмо о фильме, который Вы не видели. И это «неуважение», к слову сказать, тоже одно из больных мест нашего общества. Мы разучились уважать друг друга и самого себя. Неуважение и ложь разъедают нашу душу.

И. ШЕНГЕР, шофер такси.

Ленинград

ДО ПОДПИСКИ— НЕДЕЛЯ

В шесть утра приходится бежать за вашим «Огоньком». Что за безобразие?

ФРОЛОВЫ

Москва.

Телеграфирую: четвертым отделением связи Череповца отказали подписке начала августа. СОКОЛОВ

Раньше журнал покупал, а теперь с первого февраля выписал, заплатил 19 рублей 03 коп. Так вот, за четыре месяца получил всего четыре номера. Трижды ходил в отделение связи. И всегда уважительная причина: то почтальон болен, то он в отпуске, то номер потерялся. Я уже не говорю о несвоевременной доставке. Сумели доказать мне, что у нас на Севере есть определенные трудности. Но сегодня шел мимо киоска и купил свежий номер журнала. Стало быть, трудности только для подписчиков? Посылаю квитанцию, верните деньги...

А. СЕРЕДА

пос. Радужный
Тюменской обл.

Почтовое отделение № 41 до сих пор не получило 50 экземпляров «Огонька» № 9. Где они потерялись?

З. ФОМИНЫХ

Златоуст
Челябинской обл.

Срочно помогите оформить подписку на 1988 год.

Городское агентство «Союзпечати» «изъяло» «Огонек» якобы по какому-то новому указанию Министерства просвещения РСФСР. Кто-то усмотрел расход денег не по назначению. По крайней мере так нам объясняют. Просим вмешаться и помочь.

Коллектив библиотекарей Советского района

Орел.

20 мая пришла в десятое отделение связи с тем, чтобы стать подписчиком с 1 июля. Но мне ответили, что я опоздала, заявки отосланы и получать журнал я могу только с 1 августа. Показала ваши объявления о правилах подписки. Но мне в качестве обоснованности отказа представили письменное распоряжение начальства о прекращении подписки на июль с 15 мая. Устно же пояснили, что ваше объявление касается Москвы, Ленинграда и других больших городов, а на Новороссийск не распространяется.

Вот так, дорогой «Огонек», объявляете на всю страну условия подписки, а в отделениях связи говорят: «Мало ли что напишут, журнал нам не указ...»

А. БУДКО

Новороссийск.

В последнее время, к нашему огорчению, редакционная почта все больше и больше приносит писем такого характера. Из ваших писем, дорогие читатели, видно, что «Огонек» любят и ждут, но, как пишет Б. Комский из Львова, «беда — достать его невозможно». Во многих отделениях «Союзпечати» не хватает экземпляров журнала, и киоскеры продают его с нагрузкой, к тому же поступает он к подписчикам с опозданием, да и в розничную торговлю, увы, тоже. Плюс еще новые сигналы: «Не подписывают, помогите...»

Работа редакционного коллектива во многом будет сведена на нет, если свежий номер не поступит вовремя, если его придется «доставать», «выколачивать», «выбивать».

Что же случилось с доставкой? Ладно бы зимой, когда, как мы уже знаем, ее задерживают «склады на колесах». Где, на каком этапе происходит потеря тех дней, когда журнал «отдыхает», а вы в его ожидании нервно хлопаете крышкой почтового ящика?

Наши постоянные читатели знают, что редакция «Огонька» вместе с отделом распространения издательства «Правда» не раз поднимала эти вопросы. В конце прошлого года («Огонек», № 49) заместитель начальника Главного управления почтовой связи Министерства связи СССР В. И. Кокорев сообщил о целом комплексе мероприятий по улучшению доставки. Но, как видим, пока многое осталось на словах.

С первого августа во всех отделениях «Союзпечати» начинается подписка. Откройте «Огонек», и на второй обложке, где помещены выходные данные журнала, вы прочтете об условиях подписки.

К сожалению, ваши письма свидетельствуют, с одной стороны, что отделения связи не считаются с правилами, нарушают эти условия. С другой — вы сами предъявляете зачастую необоснованные претензии к «Союзпечати», жалуясь редакции, что, к примеру, в июле вас не подписали на август. Наш совет — будьте внимательны и подписывайтесь своевременно.

Мы, в свою очередь, будем стараться решать вопросы, поставленные в читательских письмах. И первая наша задача — дать возможность получать журнал в один и тот же день и подписчикам, и тем, кто его покупает в киоске. Уверены, что пора и Главному управлению по распространению печати Министерства связи СССР отреагировать на новую ситуацию: добавить количество экземпляров «Огонька» в те регионы, где его ждут с нетерпением.

Уважаемые читатели! Если вам не вовремя доставили журнал, сообщите. Если не подписали, звоните в редакцию, телеграфируйте о каждом факте нарушений. Ваши письма, каждый конкретный случай будут рассмотрены и, мы уверены, помогут решить наболевший вопрос с доставкой и подпиской.

Редакция благодарна постоянным подписчикам и горячо приветствует новых. «Скорее, ярче, смелее, чем в других редакциях» — эти слова остаются нашим девизом и в новом году.

ОТДЕЛ ПИСЕМ И МАССОВОЙ РАБОТЫ

Иван ЖУКОВ

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА

ва эпизода, две встречи, по-моему, раскрывающие суть фадеевского характера. Одна из них — в блокадном Ленинграде, в 1942 году.

— Я бы хотел умереть в бою, под развернутым знаменем...— сказал Фадеев.

Ничто не предвещало такой фразы. Фадеев вместе с ленинградским писателем Александром Германовичем Розеном уютно сидели в номере «Астории» и ждали вечера, чтобы идти в 15-е ремесленное училище. Директор училища Василий Иванович Анашкин, приглашая, сказал многозначительно: «Будем ужинать...» Это было в сорок втором году.

Александр Розен ответил Фадееву какой-то шуткой, вроде того что сначала выпьем по сто граммов анашкинского спирта, но Фадееву шутка не понравилась, он недовольно поморгал. Фадеев во время разговора часто и, кажется, вполне управляемо моргал, и это создавало особый ритм речи.

На столе лежал том «Войны и мира», большой и неудобный, с мелкой, какой-то расплывчатой печатью.

— «Voilá une belle mort!» («Вот славная смерть!») — сказал Розен, кивнув на книгу. Эти слова у Толстого произносит Наполеон. Перед ним на поле Аустерлица лежит Андрей Болконский; навзничь, с брошенным подле него знаменем.

У Фадеева глаза стали оловянными — первый признак гнева, но он сдержал себя и, натянуто смеясь, продолжал игру:

— «Но он слышал эти слова, как бы он слышал жужжание мухи». Квиты, голубчик?

Фадеев всю жизнь читал Толстого и наизусть помнил целые страницы.

Они вышли на улицы блокадного Ленинграда. Фадеев шел ладный, красивый и, как всегда, немного торжественный. Вдруг он остановился.

— Если смерть, то под знаменем. Старик знал, что делал, когда в первый раз убил Болконского.— Фадеев сильно взял своего товарища за плечо, очевидно, для того, чтобы он не возражал.— Во второй раз — смерть от раны, гноящейся в тряском пути. Аустерлиц еще больше это оттеняет. Меня мое честолюбие тянет к Аустерлицу,— закончил он совершенно толстовской фразой. Взгляд его, чаще всего суровый, потеплел. А может, эта суровость была только кажущейся: Фадеев умел поразительно прямо глядеть в глаза собеседника.

А. А. Фадеев. 1934 г.

...Уже после войны Фадеев вместе с Николаем Тихоновым полетел в Баку. Их пригласил поэт Самед Вургун. Извилисты пути-дороги в горах и долинах республики. Они встречались со строителями Мингечаурской гидроэлектростанции, виноградарями и чабанами, вели романтические и возвышенные разговоры у ночных костров, исполненные таинств, невероятных историй, когда правда похожа на вымысел, а вымысел кажется более достоверным, чем правда.

Они шли по лунным полянам, вдыхая железистый воздух предгорий. Фадеев шел молча. И вдруг у Тихонова возникло желание, чтобы Фадеев сказал о самом главном и сокровенном, о том, что жило в нем всегда как в человеке и писателе.

— Если бы ты, Саша, жил в другое время, у себя на Дальнем Востоке, ушел ли бы ты, если бы тебе предложили, скажем, с Пржевальским, в уссурийскую тайгу, в экспедицию?..

— Возможно,— сказал он, и его лицо при луне было как будто вымыто чистой родниковой водой,— а почему ты спрашиваешь?

— А ушел бы ты с тем же Пржевальским, когда он направился в Центральную Азию.., чтобы идти годами через пустыни, реки, степи, проходя сотни верст, далеко от дома, каждый день видя новое, открывая новые места, новые пути, ушел бы?..

Он посмотрел на Тихонова очень внимательными глазами и вдруг сказал громко:

— Ну конечно, ушел бы!

— Вот и все,—сказал Тихонов. Они продолжали идти по краю поляны, где луна играла причудливыми тенями. А ночь длилась, и шелковые облака неудержимо, но тихо уходили над спящим селением, догоняя друг друга...

Февраль 1956 года. В Москве работает XX съезд партии. Его идеи сравнят с очистительным шквалом, который позволяет с надеждой посмотреть в будущее. Мощный замах преобразований... Фадеев был избран делегатом на партийный съезд, но в его работе из-за болезни не участвовал. Почти всю зиму пролежал в больнице.

Материалы съезда читал внимательно, радуясь, скорбя. Переживал за жизнь партии. Когда-то в юности даже подумать не мог, что путь к будущему, на который он — и тысячи других таких, как он,— вступит без страха и сомнений, окажется таким жестоким, болезненным. Все эти дни и ночи (он спит по два-три часа в сутки) ему не дает покоя поэтическая строка из Николая Тихонова: «Неправда с нами ела и пила».

В больницу ему передали письмо Анны Андреевны Ахматовой с просьбой «ускорить рассмотрение дела ее сына» и помочь «восстановить справедливость». Анна Андреевна обращается к Фадееву как «большому писателю и доброму человеку». В это время Фадеев не руководит писательским Союзом, что для Ахматовой не меняет дела. Она знает цену фадеевскому слову. В 1953 году именно он, Фадеев, дал положительный отзыв на ее поэтическую рукопись, подготовленную для издательства «Советский писатель». Не будь этого отзыва, вряд ли кто из издателей решился бы в то время выпустить стихи Ахматовой. После постановления ЦК партии от 14 августа 1946 года за Ахматовой закрепилась репутация «рафинированной поэтессы уходящего мира». Фадеев, как и все его писатели-современники, говорил о важности этого партийного документа, направленного, думалось тогда, против «упадничества», «бескрылости» в литературе. Но в отличие от многих своих коллег по аппарату в Союзе писателей в отношениях к М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой он проявил максимум человечности, порядочности. Словом, не менялся в главном — уважительном отношении к их писательским судьбам, прежде всего думая о том, чтобы к ним вернулась былая вера в свои творческие возможности.

В середине 50-х годов Ахматова работала очень напряженно. Много переводила. Терзала ее душу тяжкая участь сына — Льва Николаевича Гумилева. Много лет он находится под арестом. У него несомненные научные способности, о чем говорят отзывы ученых-востоковедов. Судьба матери, а тем более отца — поэта Николая Гумилева, имя которого, казалось тогда, навечно втиснуто в список «чуждых» нам людей, определила во многом и трудную биографию сына. Фадеев это почувствовал сразу. В письме от 2 марта 1956 года в Главную военную прокуратуру писатель счел необходимым подчеркнуть именно это обстоятельство:

«При разбирательстве дела Л. Н. Гумилева необходимо также учесть, что (несмотря на то, что ему было всего 9 лет, когда его отца Н. Гумилева уже не стало) он, Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой всегда мог представить «удобный» материал для всех карьеристских и враждебных элементов для возведения на него любых обвинений. Думаю, что есть полная возможность разобраться в его деле объективно».

Как уже знают читатели «Огонька», вскоре Л. Н. Гумилев был освобожден. Он стал работать в Азиатском отделе Эрмитажа. В 1960 году Институт востоковедения Академии наук СССР опубликовал его большой труд «Хунну: Средняя Азия и древние времена». Это история ранних гуннов. Он доктор исторических наук, профессор, ведет большую научную и педагогическую работу. Автор многих научных трудов и книг.

...17 февраля 1956 года «Литературная газета» напечатала статью старого мастера русской литературы Сергея Николаевича Сергеева-Ценского. Многие суждения писателя были близки Фадееву, и в особенности основной мотив статьи—о писателе как мыслящем человеке, самом умном и требовательном читателе своей рукописи.

Он был признателен автору «Преображения России», что тот в своих размышлениях опирался и на его, фадеевское, творчество. И особенно хорошо, что упомянул его книгу вместе с «Тихим Доном». В последние годы Фадеев и Шолохов стали редко встречаться. А ведь были друзьями. Настоящими друзьями. Поддерживали друг друга в трудные минуты. В чем-то и ошибались, что естественно на таком трудном пути...

Нет, какой все-таки молодец этот старый и неувядающий Сергеев-Ценский, как верно ведет свою мысль: «Встреченный в жизни человек не представляется писателю готовым «образом» — художник, рисуя этого человека, обогащает его. Люди и факты проходят в уме художника через «обогатительную фабрику». Когда эта «обогатительная фабрика» работает плохо, начинают валить вину на прототипов: дескать, не тех героев выбрал автор. Но разве в центре «Тихого Дона» или «Молодой гвардии» стоят какие-то необыкновенные фигуры?.. Нужна высота творческого духа, нужны широкие горизонты».

Выступление на партийном съезде Михаила Александровича Шолохова вызвало у Фадеева смешанное чувство. Ему по душе резкая шолоховская критика «мутного потока» серости, ремесленничества в искусстве. В суждениях о современной литературе (во всяком случае, «в принципе») Фадеев стоял за предельную прямоту и резкость.

Еще весной 1953 года Фадеев с яростью и болью писал А. А. Суркову:

«Проза художественная пала так низко, как никогда за время существования советской власти. Растут невыносимо нудные, скучные до того, что скулы набок сворачивает, романы, написанные без души, без мысли...»

В своей речи Шолохов и о «Разгроме» и «Молодой гвардии» сказал нелестные, яркие слова. «Пожалуй, как никто из нас — прозаиков,— говорил он,— Фадеев обладает чудесной особенностью глубоко и взволнованно писать о молодежи, и в «Молодой гвардии» в полную меру раскрылась эта черта его большого таланта».

Но что теперь скрывать—шолоховская оценка его работы как руководителя творческого Союза была воспринята Фадеевым мучительно, с болью. Особенно то место, где Шолохов называет его «властолюбивым генсеком» в литературе, добровольно отдавшим себя в плен административной должности. Не так все было. У Фадеева не было никаких альтернатив, права на выбор. Написав «Молодую гвардию», он тут же переключился на завершение романа «Последний из удэге». Нет же! Его, как гвоздь, выдернули из писательского уединения. Ответственное партийное

поручение! Вот как это оценивалось тогда. Единственное, что облегчало его душу, так это то, что писатели на своем пленуме избрали его своим руководителем единогласно. Его любили. Его прямоту, честность ценили друзья и противники. Он ошибался, но никогда не перекладывал свои ошибки на других. Никогда не уходил от ответственности. Он был человеком долга — вот и все его властолюбие. Разве не хотел он наполнить жизнь писательского Союза духом творчества?! Сколько невосполнимого — сил и времени — ушло на это. Может быть, где-то и напрасных усилий. В том не вина Фадеева, а беда. Силы не восполняются, и время не вернешь.

Когда-то молодой Шолохов писал молодому Фадееву: «Завидую тебе, ведь ни одно ослиное копыто тебя не лягнуло». Оказалось, ослиные копыта «лягали» не только автора «Тихого Дона». В послевоенные годы критиковать Фадеева стало чуть ли нормой каждого писательского заседания. Фадеев почти никогда не обижался. Он считал, что это и есть форма демократизма. Но когда читаешь отчеты этих заседаний, видишь, какой порой уныло-педсоветовской, тупопроработочной была эта критика. Когда же он видел, что его пытаются обстругать, засушить, сделать исполнительным регулировщиком шумного литературного движения, вся его бунтарская, необыкновенно талантливая натура восставала, он выходил на трибуну, и, будто после взрыва гранаты, от этих воинствующих назиданий оставались лишь дым и клочья.

Он был храбрым человеком. К. М. Симонов рассказал о том, как Сталин предложил повысить уровень премии одной модной в то время писательнице. Литературные премии были тогда трех степеней, первая — самая престижная, высшая. Предлагалось дать ей премию «третьей степени». Сталин настаивал на второй. Фадеев возражал с максимально доступной в этой специфической ситуации настойчивостью. Сталин повторил свои доводы и спросил: «Так какую же премию все-таки дадим?» — «Воля ваша,— угрюмо сказал, по словам Симонова, Фадеев,— но пишет она плохо».

Так было не один раз.

Фадеев завидовал своему другу М. А. Шолохову. Считал, что он живет так, как нужно, и там, где нужно,— на своей родине. И его жену, станичную учительницу Марию Петровну устраивает такая жизнь. А он обречен обитать в пределах Москва — Переделкино. У него хорошая жена, но она знаменитая актриса МХАТа, Ангелина Иосифовна Степанова. И этим все сказано.

Он говорил совсем по-молодому:

«Очевидно, надо иногда плюнуть на все обжитое и, взяв котомку за плечи, выражаясь фигурально, а может быть, и буквально, пойти в «люди».

В то же время его радовало, когда Шолохов называл его «коренным москвичом». Он любил Москву Сокольников, Переделкина, он был своим человеком на многих заводах и в театрах, в детских домах, которым помогал, отчисляя деньги с гонораров, в библиотеках и клубах. На улицах его узнавали сразу же, как будто Москва не миллионный город.

«Властолюбивый генсек»?! Но тот же Шолохов в свое время наотрез отказался «от этой власти». Твердо решил для себя, что от должности руководителя писательского Союза проку никакого, остается лишь длинная очередь обид, жалоб, претензий.

В те месяцы, когда Фадеев работал над «Молодой гвардией», Шолохова вызвали в ЦК ВКП(б), к Андрею Александровичу Жданову.

Разговор был недолгим и закончился благоприятно для Шолохова, о чем он, хитровато прищуриваясь, поблескивая синевой глаз, рассказывал с большой охотой и Фадееву, и многим другим литераторам, в том числе и автору этого очерка.

Вот о чем шла речь в ЦК (в пересказе Шолохова).

А. А. Жданов сказал примерно так:

— Михаил Александрович, у нас к вам серьезная просьба. Фадеев пишет роман о Краснодоне. Судя по всему, работает с большим настроением. Так вот. Не могли бы вы, хотя ненадолго, возглавить писательский Союз?

Человек не из робкого десятка, Шолохов, как он говорил, растерялся, но лишь на один миг. Нужно было найти веский аргумент для того, чтобы отказ от почетной и канительной должности выглядел хотя бы на первый случай убедительным. Его выручил природный дар — юмор. Он сказал:

— Андрей Александрович, за предложение спасибо. Но дело вот в чем. Через три часа отходит поезд на Ростов, и я уже взял билет.

Сумрачный Жданов не выдержал, засмеялся и махнул рукой:

— Все ясно. Понял вашу хитрость. Езжайте, ежели билет на руках.

А с ним, Фадеевым, разговаривали жестче, не делая никаких скидок, скажем, на казачью хитрость и недостаточную «сознательность», как в случае с Шолоховым.

«Что касается выступления М. Шолохова,— читаем в одном из последних фадеевских писем,— то главный его недостаток не в оценке той или иной персоны, а в том, что он огульно обвинил большинство писателей, среди которых, как и в любой другой среде, есть и такие, что подходят под его характеристику, но гораздо больше таких, которые являются хорошими, честными тружениками.

Думаю, что известные недостатки литературы наших дней объясняются не теми причинами, которые выдвинул Шолохов. Последние два-три года нашей жизни поставили перед писателями так много нового, мы живем в период таких глубоких перемен, что все это не может быть сразу художественно осмыслено и отображено.

Да ведь это и в жизни еще не все «уложилось». Нужно некоторое время, чтобы снова появились хорошие книги о наших днях.

Я уверен, что они будут еще лучше прежних. Болезнь не дала мне возможности присутствовать на съезде и выступить. Надеюсь теперь выступить не с новой речью, а с новой книгой».

И потом. Разве не он, Фадеев, обращался и не один раз в ЦК КПСС, к И. В. Сталину, в Союз писателей с просьбой освободить его от всяческих дел, бесконечных добавочных нагрузок с тем, чтобы работать творчески, писать?

Как не понять всю горечь его слов, когда он пишет И. В. Сталину (март 1951 года), что, имея много замыслов новых повестей, романов и рассказов, он не имеет времени на их осуществление: они «заполняют меня и умирают во мне неосуществленные. Я могу только рассказывать эти темы и сюжеты своим друзьям, превратившись из писателя в акына или в ашуга...».

В ожидании обещанного отпуска писатель буквально ликует: «Целый год чувствовать себя свободным от посторонних дел, профессиональным литератором! Ведь это такое счастье!..»

Разве не он в письме к А. А. Суркову в апреле 1953 года скажет с болью в душе истину, верную на все времена:

«До тех пор, пока не будет понято абсолютно всеми, что основное занятие писателя (особенно писателя хорошего, ибо без хорошего писателя не может быть хорошей литературы и молодежи не на чем учиться), **что основное занятие писателя — это его творчество, а все остальное есть добавочное и второстепенное,— без такого понимания хорошей литературы создать невозможно».**

Наконец, разве это не он писал о себе: «Если бы в 1943 году я не был освобожден решительно от всего, не было бы на свете романа «Молодая гвардия». Он смог появиться на свет, этот роман, только потому, что мне дали возможность отдать роману всю мою творческую душу.

Вот почему я нуждаюсь в абсолютном и полном освобождении от всех обязанностей, кроме этой главной своей писательской обязанности — дать народу, партии, советской литературе произведение, которое потом стало бы служить хотя бы относительным образцом.

Разумеется, я буду просить об этом ЦК партии».

Его участи талантливого организатора-политика в литературе можно сочувствовать, удивляться, но не осуждать. В партийных инстанциях отлично знали, что в то время любое серьезное дело, касающееся общественно-литературных проблем, Фадеев исполнит оперативнее и лучше других, разумно и точно, словом, так, как надо, как требовалось.

«Был и честолюбив,— вспоминал о Фадееве писатель Лев Вениаминович Никулин, тем самым будто бы соглашаясь с версией о «властолюбивом генсеке», но тут же добавит очень существенное,— впрочем, кто же из нас не честолюбив?!»

Его так называемые творческие отпуска могли быть прерваны в любой час, что чем дальше, тем больше вызывало у него отчаяние, крик души:

«Несколько слов о себе. Я не могу делать доклада на пленуме, я не могу работать ни в Союзе писателей, ни в каком угодно другом органе до того, как мне не дадут закончить мой новый роман «Черная металлургия»... Мне давали на 1 год «отпуск». Что же это был за «отпуск»? Шесть раз в течение этого года меня посылали за границу. Меня беспощадно вытаскивали из Магнитогорска, Челябинска, Днепропетровска еще недели за две до заграничной поездки, чтобы участвовать в подготовке документов, которые отлично могли быть подготовлены и без меня, при том примерно столько же уходило на поездку, потом неделя на то, чтобы отчитаться. 2 месяца ушло на работу в Комитете по Сталинским премиям, в проведении Всесоюзной конференции сторонников мира 1951 года. В условиях этого так называемого «отпуска» я имел для своих творческих дел вдвое меньше времени, чем для всего остального».

Но вот его мольбу наконец услышали и предоставили возможность (это уже после XX съезда партии) так изменить характер его работы, чтобы она не была связана со служебными часами в Союзе и частыми поездками. Казалось бы, теперь только писать и писать. И опять его совесть человека, чутко реагирующая на людские беды, работает неистово, напористо, в борьбе за правду. Он шлет в различные инстанции — Президиум Верховного Совета СССР, в Главную военную прокуратуру письма с четкими, глубоко аргументированными характеристиками разных людей — писателей, ученых, своих боевых товарищей, людей горьких судеб, пострадавших во время ежовских и бериевских репрессий:

«Но что возросло до геркулесовых столбов — так это — многосторонняя деловая переписка с самыми разными людьми, помощь им в самых различных жизненных просьбах! Я уже не говорю, насколько выросло количество депутатских дел, поскольку я уже третий раз избран от одного и того же округа и меня уже хорошо узнали в этих местах Чкаловской области. Но — видно, такова судьба всех людей «на виду», когда они уже «вошли в возраст»,— сотни и тысячи граждан, с которыми по роду работы судьба сводила меня на всем протяжении моей сознательной жизни, теперь обращаются ко мне во всех трудных случаях жизни своей. Если я и вообще-то был и остался отзывчивым человеком, чувствуешь особенную невозможность отказать этим людям. Тем более я был так общителен смолоду, так со многими дружил, пользовался гостеприимством, встречал сам поддержку в трудные минуты жизни!..

Подтверждается старая истина: количество работы, занятость зависят не от должности, а от характера человека и отношения к своему долгу».

В его характере всегда было сильно выражено стремление говорить правду не только в своих произведениях, но и также страстно бороться за нее в жизни.

Падение Берии летом 1953 года было воспринято Фадеевым примерно с таким чувством: «Наконец-то!» И еще: «Как жаль, что путь к правде так долог, тяжел...» На фадеевском столе письмо от Лидии Ефимовны Сидоренко, для Фадеева просто Лиды, вдовы Вани Апряткина, с которым Фадеев в юности учился в горной академии. В тридцатые годы Иван Семенович Апряткин был известен как один из ведущих инженеров-металлургов страны. В 1937 году его постигла участь тысяч других людей — жертв клеветы, доносов, злодеяния. Апряткина арестовывают как «врага народа» и вскоре расстреливают. Но о его трагической гибели ни жена, ни Фадеев долго ничего не знают.

Лидия Ефимовна Сидоренко обратилась к Фадееву как к другу студенческой юности с просьбой, чтобы он возбудил ходатайство перед высокими инстанциями о реабилитации ее мужа.

Прямо скажем, у Фадеева было достаточно оснований, чтобы не вмешиваться в это сложное дело. Идет всего лишь 1953 год. Только что опубликовано сообщение о преступной деятельности Берии. Всеобщее ощущение радости, свободы, нравственной, душевной «оттепели» в обществе. Но немало людей, в том числе и в сфере творческой, живут по старому, привычному расписанию. Они не были причастны ко злу во времена произволов. Но у них нет и мужества, чтобы поднять свой голос в защиту униженной, оскорбленной чести своих товарищей. Неискоренима извечная логика равнодушных: все образуется само собой.

Не таков Фадеев. Еще до 1956 года, до XX съезда партии, первым в среде литераторов и почти в одиночку писатель начнет «атаковать» различные высокие инстанции настойчивыми, требовательными просьбами ускорить рассмотрение дела таких и таких-то людей. Стиль его писем-документов диктуется совестью и мужеством человека героического склада души. Да, именно героического. Многие его письма невозможно объяснить только логикой здравого смысла, нормами обыденной философии. Может быть, уместнее сказать так: «безумство» храброго.

Так было и с делом Ивана Семеновича Апряткина. Близко Фадеев знал его всего лишь несколько лет. Да, они были друзьями, вместе участвовали в политических диспутах, горячо осуждали троцкизм... Но потом жизненные пути Фадеева-писателя и Апряткина-инженера разошлись. С 1924 по 1937 годы они виделись редко, случайно, на ходу. Не знал Фадеев Апряткина и, как обычно пишется в характеристиках, «по совместной работе». Уже это многие бы использовали как веский для себя и для других довод, чтобы не вмешиваться в такую сложную ситуацию. Всякое же могло случиться за десять лет... Тем более в столь бурное время, когда жизненные сюжеты, человеческие судьбы строились драматично и подчас непредсказуемо. Жизнь и возвышает, и она же бросает человека на самое дно. Нередко по его собственной вине. Примеров тому предостаточно. Можно ли поручиться за человека, пусть даже друга, не видя его годами?

Такой могла быть система аргументов у Фадеева в пользу невмешательства. Могла быть. Но ее не было. Фадеев—человек особой романтической возвышенной природы. Что движет им? Самое лучшее, что может быть в человеке. Чувство доброты, благородства, искреннего сочувствия в горе, решимость помочь другу, когда он в беде. Он жил по принципу: если веришь человеку, то верить до конца, без всяческих оговорок. Больше того. Видеть доброе, даже, может быть, наперекор личным чувствам, установившемуся мнению. «Саша ненавидит, когда дурно говорят о людях,— вспоминала известный критик Евгения Федоровна Книпович, дружившая с А. А. Фадеевым.— Мрачнеет, когда не может опровергнуть недобрые слова о ком-нибудь». Фадеевские романы «Разгром», «По-

следний из удэге», «Молодая гвардия»—это героические трагедии и одновременно «педагогические поэмы».

Приближать должное, мечту, завтрашний день значило для Фадеева слышать внутренний голос своей совести, поступать, как подсказывает совесть. Он любил прямоту и ясность во всем. Терпеть не мог так называемую тактику «побочных соображений», оглядку на мнения «сильных мира сего». Доходить до истины своим путем, своим умом. Только так.

В начале письма к Лидии Ефимовне Сидоренко (Апряткиной) в июле 1953 года Фадеев сообщает вдове своего товарища юности, что никогда не сомневался в политической честности Ивана Апряткина. В том не сомневался, сообщает он, и их общий друг, сокурсник по академии, а затем и непосредственный «начальник» И. С. Апряткина, министр черной металлургии Иван Федорович Тевосян. Было время, когда помочь честному человеку было за пределами возможного, свыше всяких человеческих сил, даже людям у власти:

«До войны еще Тевосян сказал мне, что случилось с Ваней Апряткиным в период «ежовщины». Сам он, Тевосян, убежден в глубокой личной и политической честности Вани и писал о нем в самые высшие инстанции, но не добился результата,— так он мне рассказывал тогда. Нечего и говорить о том, что я совершенно разделял и разделяю мнение Тевосяна, тем более что по свойствам характера своего я еще ближе знал Ваню с какой-то его душевной стороны. Удалось ли тебе хоть когда-нибудь узнать о его дальнейшей судьбе? Дорого стоила народу и партии эта страшная пора, когда враг действовал такими иезуитскими способами и сам проникал в учреждения и органы, могущие решать человеческую судьбу! Пока выбили его, этого множественного врага, с его позиций и поняли его формы борьбы, многих честных людей удалось ему погубить. А теперь, с разоблачением Берии, становится понятным, что оно-то и не был заинтересован в выправлении этих вражеских действий по отношению к честным людям...»

Фадеев знает, что борьба за восстановление доброго имени И. С. Апряткина, даже после падения Берии, будет непростой, потребуется немало усилий и времени. И вот, чтобы както утешить, дать надежду своему адресату, он подробно, подчеркнуто фактографично рассказывает о том, как сложилась судьба их общих друзей по академии. Делается это сознательно. Фадееву важно убедить Лидию Ефимовну, что он по-прежнему свой человек среди металлургов, его там знают, к его мнению прислушиваются. И еще: он помнит годы их прекрасной, неповторимой юности, словом, помнит все. Столь подробный рассказ был нужен ему и как подготовка весомых аргументов в защиту своего друга в «инстанциях».

А спустя какое-то время в Главную военную прокуратуру уходит фадеевское письмо:

«Ко мне обратилась Л. Е. Сидоренко с просьбой ускорить вопрос о рассмотрении дела ее мужа Апряткина Ивана Семеновича.

Я знал Апряткина в период учебы в Московской Горной академии...

Я знал Апряткина довольно близко и как один из руководителей партийной организации Московской Горной академии, и как человек, живший с Апряткиным в одном общежитии, а с 1924 г., когда я ушел из академии на партийную работу, продолжавший поддерживать с ним товарищескую связь.

И. Апряткин был активным борцом за линию партии в период борьбы с троцкистами и правыми, был идейно целеустремленным человеком в своей учебе и был настолько честным и чистым человеком во всех отношениях, что трудно себе представить, чтобы он впоследствии вступил на путь враждебный. Как мне сказала Л. Е. Сидоренко, дело И. Апряткина находится у Вас на рассмотрении. Я думаю, что в прояснении личности Апряткина Вам может дать ценные сведения и И. Ф. Тевосян...»

По ходатайству А. Фадеева И. С. Апряткин был посмертно реабилитирован.

Здесь надо сказать, что биография Фадеева шла строка в строку не только со своим временем. Людей из учебников и книжек — героев гражданской войны, ведущих «архитекторов» пятилеток он знал в лицо. Вместе с ними он шел по таежным партизанским тропам и на штурм Кронштадта, как делегат X съезда партии. В холоде и голоде жил, учился, участвовал в партийных дискуссиях и в работе партийных съездов, где принимались такие решения, от которых что-то рушилось, разлеталось вдребезги, чернело от горя, а что-то поднималось ввысь, входило, нет, лучше сказать, влетало в ту стремительную жизнь, когда верилось, что все преодолимо, любая высота по плечу.

Первым среди тех, кто навсегда остался в его памяти и был в юности для него образцом революционера, надо назвать Сергея Лазо. Он посвятит ему один из лучших своих очерков.

Из очерка: «Прямо с седла я попал на большой партизанский митинг, который происходил перед зданием революционного штаба во Фроловке. Митинг был такой, какой сейчас трудно себе представить. Все было как будто по правилам: и председатель, и секретарь,— но вокруг них ревело и бушевало море. Страсти разгорелись до того, что люди угрожали друг другу винтовками, шашками. На протяжении двух-трех часов шла борьба между организованным началом и этой стихией.

Здесь я познакомился с некоторыми удивительными качествами Лазо... Он обладал незаурядным ораторским дарованием, умел находить простые слова, доходящие до сознания трудящихся людей... Митинг закончился нашей победой».

О последней встрече с Лазо:

«...встретился с Лазо в частной обстановке; не помню, на чьей квартире собрались друзья по владивостокскому подполью времен колчаковщины. Было очень весело, многие из нас не видели друг друга около года, некоторые успели уже жениться. Была исключительно любовная и дружеская атмосфера. Лазо был центром этого общества, много смеялся, поблескивая своими красивыми, темными, умными глазами. Никто из нас и не думал, как скоро мы лишимся его».

С женой героя гражданской войны Ольгой Андреевной Лазо писатель будет дружить, встречаться, и они даже совместно начнут писать киносценарий о Сергее Лазо. Отрывок из этого сценария «На клич Лазо» опубликует «Литературная газета» перед самой войной.

В записях к роману «Черная металлургия» читаем:

«В романе пройдут Дзержинский, Киров, Куйбышев, Орджоникидзе, Жданов, Микоян, Ворошилов, Сталин и другие».

«Куйбышев и Губанов (предполагаемый персонаж романа.— **И. Ж.**) на вечеринке молодых инженеров.

— Я ненавижу капитализм,— не допущу!

А потом он, принимая Губанова в Госплане, извинился. И что же он сказал? Он сказал:

— Извините, это было нескромно!»

В госпитале, после кронштадтского ранения в записной книжке Фадеева появляются такие характеристики Клима Ворошилова и Павла Дыбенко:

«Ворошилов. Идейный старый революционер, лет около 35, низкого роста, полный, остроносый, энергичный, бывший петроградский рабочий, решительный, без бороды и усов, говорит, отчеканивая каждое слово.

Дыбенко. Высокий, широкоплечий, грудастый — типичный старый моряк. Говорит басом и с пафосом, увлекательно и с подъемом — голос сильный. Черная бородка и большие черные усы, загорелый, черные мрачные глаза...»

31 июля 1946 года он записывает в свой дневник:

«В гостях у Хрущева. Его обаяние в цельности народного характера. Ум его тоже народный — широкий и практический и полный юмора. Все это необыкновенно гармонирует с его внешним обликом. И хотя он русский, трудно было бы найти другого такого руководителя для Украины. Колхозники зовут его «Микита Сергеевич».

Ясно же, что так писать можно только о людях, которых видел, знаешь. Более того, живешь с ними общей судьбой.

Он не раз будет говорить о том, что во главе партии стоят лучшие люди, «цвет народа». Во многом и эта вера делала его человеком «невероятной преданности жизни», как скажет о нем поэт Владимир Луговской. Он страдал, когда узнавал, что это не всегда, далеко не всегда так, тем более, если кто-то из людей на высоком посту пополнял список извечных, неистребимых тиранов и злодеев от Нерона до Муссолини. Он страдал не потому, что разоблачен тот или иной деятель, утверждавший себя произволом и насилием, а потому, что это ведь так или иначе—сколько бы оговорок мы на этот счет ни делали— бросало тень на те действительно общечеловеческие (так и говорил Фадеев «общечеловеческие») идеи, которые по праву называются ленинскими.

Как-то, будучи у Сталина, свидетельствует поэт Евгений Аронович Долматовский со слов писателя Петра Андреевича Павленко, Фадеев сказал о несправедливых действиях Лаврентия Берии, его бесчеловечности. Павленко присутствовал при этом разговоре:

«Пользы это не принесло, а Берия узнал о разговоре и вот уже более десяти лет выискивает возможность отомстить, подлавливает и провоцирует его и Павленко, пытается очернить их в глазах Сталина».

В «Черной металлургии» находим знаменательное суждение о «сильных мира сего» — людях у власти:

«Заслужить, чтобы заговорили о тебе десятки и сотни тысяч, можно только в двух случаях: если ты настолько дурно работал и так этим напортил, что люди не в силах удержаться от выражения удовлетворения справедливостью той власти, которая тебя наконец убрала; и если ты работал так хорошо, что твоя деятельность оставила реальный след в жизни, когда каждый участник общего труда понимает, что без тебя это могло быть и не сделано или было бы сделано хуже».

Повторю еще раз. Если Фадеев поверил в человека, то заставить думать его по-другому было просто невозможно. И не только в благие времена, когда повеяло оттепелью, но и во все годы его жизни. Во все. А чтобы убедиться в этом, перенесемся из лета 1953 года в осенние дни сорок пятого. Той осенью поэт Николай Алексеевич Заболоцкий вернулся из ссылки в Москву. Его жена и дети были еще в Караганде — они приехали в шахтерский город, когда его выпустили из лагеря и разрешили жить в Казахстане. В то время человек, объявленный «врагом народа», а потом все-таки вернувшийся домой, из лагерей, был опасной редкостью.

Заболоцкий дружил с сыном Корнея Ивановича Чуковского, Николаем Корнеевичем Чуковским, известным писателем.

Однажды во вторую половину дня поздней осенью Чуковский-сын с Заболоцким сидели на даче в Переделкине. Николай Чуковский хорошо знал Фадеева, крепко дружившего с его отцом. Фадеев останется в его памяти человеком редкой красоты и обаяния, в каждом слове которого поблескивали и ум, и талантливость. Смущали его лишь, как он скажет после, «жесткие нотки», иногда проскальзывавшие в речах и смехе Фадеева.

Когда Фадеев вошел, Чуковский сразу решил, что он явился ради Заболоцкого. Так оно и было: Александр Александрович объяснил, что заходил к Заболоцкому, и, узнав, что Николай Алексеевич у Чуковских, зашел к ним. Все уселись вокруг стола, жена Николая Корнеевича поставила на стол поллитровку и пошла жарить мясо на закуску. Заболоцкий принял степенный и важный вид, который у него всегда был при людях, если он их мало знал.

Фадеев же был весел, шутлив, говорлив, но говорил о чем-то незначительном, случайном, как бы нащупывая почву. Потом, мгновенно перейдя в серьезное настроение, попросил Заболоцкого прочитать стихи.

Николай Алексеевич, все такой же важный и степенный, охотно согласился. Читал обдуманно, с выбором. Н. К. Чуковский запомнил:

«Фадеев слушал внимательно, поворачивая великолепную седую голову, великолепно сидевшую на великолепной шее. Стихи ему нравились. После стихов он стал расспрашивать Заболоцкого о его жизни. Николай Алексеевич отвечал скупо, ни на что не жалуясь и ничего не прося».

В такие минуты у Фадеева обычно возникало непреодолимое желание сделать что-то доброе, хорошее человеку. Не изменил он себе и в ту осеннюю встречу.

Узнав, что Н. А. Заболоцкий закончил перевод «Слова о полку Игореве» и этот перевод положительно оценен ленинградским ученым Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, Фадеев тут же, без всяких пауз, предлагает Николаю Алексеевичу начать подготовку сборника стихов и переводов. Поэт явно озадачен: возможно ли это? Фадеев говорит, что согласен быть рецензентом книги. Говорит решительно, не оставляя сомнений у поэта, что это предложение реально, осуществимо.

А немного погодя, встретив Николая Корнеевича, Фадеев сказал ему:

— Какой твердый и ясный человек Заболоцкий. Он не разуверился, не озлобился. На него можно положиться.

В скором времени Н. А. Заболоцкий подготовил рукопись для издательства «Советский писатель». Фадеев в кратком отзыве сумел сказать веско и точно о творческой индивидуальности поэта, значении его неповторимого слова в советской литературе:

«Книга состоит из двух частей, внутренне связанных единством творческого отношения к миру. Первая часть объединяет стихи, уже отмеченные нашей печатью, передающие большой пафос созидания нового мира,— они тематически связаны со строительством новой пятилетки. Вторая часть может быть условно названа «философией природы», по своим деятельным отношением к природе она, как сказано, перекликается с первой и философски и эмоционально.

Наконец, в книгу входит поэтический перевод «Слова о полку Игореве», высокое поэтическое мастерство которого (перевода) общепризнанно».

Несомненно, отзыв Фадеева о книге Заболоцкого сыграл свою роль, и видимо, немалую в том, что книга поэта вышла в то время. В библиотеке Фадеева среди книг с автографами есть и тоненькая книга в бумажной обложке, похожая на школьную тетрадь,— Н. Заболоцкий. «Стихотворения» (М., «Советский писатель», 1948). На титульном листе надпись:

«Дорогой Александр Александрович! Пусть эта маленькая книжка изредка напоминает Вам об авторе, который глубоко уважает и любит Вас, как писателя и человека. Н. Заболоцкий. 12 сент. 1948. Москва».

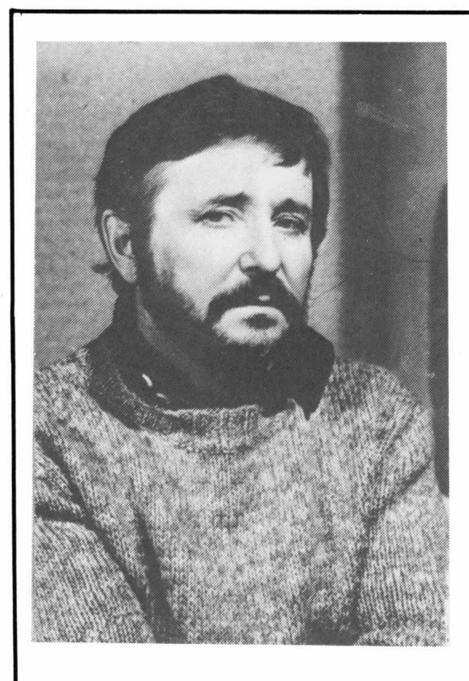
Современник, наверное, удивится, если мы назовем этот шаг Фадеева очень смелым. Так ли необходимо мужество вступаться за творчество столь высокого поэтического достоинства? Но, что безусловно сегодня, вчера отрицалось или подвергалось сомнению. Поэзия Заболоцкого была окружена предвзятостью, жесткой хулой. Поступок Фадеева был смелым, рискованным еще и потому, что на Заболоцкого легла тень «политических» подозрений, поставивших его почти в безвыходную, тупиковую жизненную ситуацию. Поэт вернулся из ссылки, но судимость с него не снята, а в чем суть обвинений, правомерны ли они, многие и не знают.

...Сборник «Стихотворения» Н. Заболоцкого был раскритикован в печати, как что-то чуждое, далекое...

Конечно же, это был удар и по «политической близорукости» Фадеева. Нравы литературной жизни той поры были запрограммированы на удары исподтишка. Но характер Фадеева отличала одна особенность: в ситуациях испытания он никогда не терялся. Приняв решение, отстаивал его до конца, чего бы это ему ни стоило. Так и в этот раз. Он обращается в различные инстанции с просьбой объективно разобраться в деле Н. А. Заболоцкого, характеризуя его как настоящего поэта и патриота своей страны.

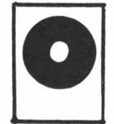
И вот 26 ноября 1951 года Николай Алексеевич с нескрываемой радостью сообщает Фадееву, что с него снята судимость и справка об этом выдана: «Еще раз сердечно Вас благодарю за возбуждение ходатайства по этому делу. В моей жизни — это большое и важное событие. Уважающий Вас Н. Заболоцкий».

Окончание следует.

ПО РОСИСТОЙ ТРАВЕ...

Софья КАПЛАНОВА
Фото Льва МЕЛИХОВА

Олег Филатчев — художник, ярко и разносторонне одаренный. Он владеет гармонией глубокого, насыщенного колорита, чувством ритмического построения композиции.

Он монументалист, мастер станковой картины, скульптор, в работах которого сочетаются изысканная острота и пластическая наполненность формы, мастер виртуозного рисунка, то энергичного, «властного», то легкого, музыкального.

Филатчев родился в Москве в семье летчика. В 1964 году он окончил Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское), где учился у Н. Х. Максимова, С. В. Герасимова, В. Н. Козминского. С 1968 по 1971 год занимался в творческой мастерской Академии художеств у Г. М. Коржева, затем преподает в МВХПУ. В 1978-м избран членом-корреспондентом Академии художеств СССР.

Он фанатически предан своему делу, работает много и воодушевленно. Порой бывает мучительно недоволен собой. Человек прямой, общительный, добрый, он постоянно окружен людьми, образы которых, преображенные его творческим видением, возникают в портретах, картинах, рисунках.

Параллельная работа над фресками и мозаиками накладывает отпечаток на станковую живопись художника. В ней всегда есть спокойная гармония, сдержанность, строгая ясность. Филатчев умеет почувствовать красоту и поэзию любого, самого тяжелого физического труда. Его рыбаки, водители «магирусов», его пахари всегда неотделимы от природы, в которой протекает их жизнь.

Символика в его работах точна и основана на реальных впечатлениях. Синтез в его искусстве органично вытекает из анализа. В портретах художник часто возвращается к образу одной и той же модели, каждый раз раскрывая новые грани.

У женских портретов Филатчева при всем их разнообразии есть общие качества — высокая одухотворенность, сосредоточенность, душевное богатство, благородство. Художник словно ведет зрителя за собой в постижении серьезного и глубокого внутреннего мира. Огромную роль в его характеристике женского образа играют руки. Филатчев рисует и пишет их виртуозно. Он любуется их изяществом, гибкостью и пластичностью. Руки живут в его портретах, в

ФИЛАТЧЕВ О. П. Род. 1937.
РЫБАКИ ПРИМОРЬЯ. 1975.
Архангельский музей изобразительных искусств.

ЯЛТА.
РОСПИСЬ В НИКИТСКОМ БОТАНИЧЕСКОМ САДУ.
1977.

них всегда сосредоточена эмоциональная энергия. Иногда, нежные и тонкие, они лежат на коленях, как прекрасные цветы, выражая то ясный покой, то взволнованность и тревогу. Порой через них словно «стекает» усталость после большого творческого труда, как в портрете художницы Панковой...

Многое в искусстве Филатчева раскрывают автопортреты. Он рассказывал, что к работе над ними пришел не от самолюбования или желания покрасоваться, а оттого, что «эта модель всегда была под руками». В студенческие годы жил трудно. Родители были в Средней Азии. Жил у бабушки. В комнате, кроме него, шесть человек. Денег на натуру не было, а обращаться к кому-нибудь стеснялся. Стал писать себя и в разных состояниях находил удивительное разнообразие психологических оттенков. Но никогда в автопортретах не было позерства. Это всегда размышления о судьбе художника, о его отношении к своему творческому долгу, позволяющие проследить и эволюцию отношения живописца к миру, который его окружает...

В групповых семейных автопортретах художник сдержан и сосредоточен, он словно боится расплескать то большое чувство, которое соединяет людей. Лирическая тема у Филатчева звучит немногословно, свидетельствуя о подлинной значительности чувств. В то же время его работам присуще интеллектуальное начало, строгое аналитическое отношение к своему искусству.

Говоря о соотношении замысла и натуры в своих работах, художник сказал: «Все замыслы приходят из жизни, потом мысленно представляю их в стенописи, и затем они решаются в станковых работах.

Натурные впечатления необходимы как возможность напиться родниковой воды или походить босиком по росистой траве».

Проза Пантелеймона Романова (1884—1938) пользовалась в свое время очень большим читательским успехом и вызывала резкую полемику в критике. Сейчас мы можем с уверенностью сказать, что многие рассказы П. Романова, главы его знаменитой эпопеи «Русь», мастерски написанные сатирические новеллы остались в нашей литературе, свидетельствуя о благотворности ясной реалистической традиции, которой писатель следовал в своем творчестве.

О себе П. Романов писал:

«Родился в 1884 г. в с. Петровском Тульской губ., Одоевского уезда. Учился в Тульской гимназии. Учеником был плохим и даже имел единицу в четверти по русскому языку. По окончании гимназии поступил в Московский университет на юридический факультет. Но лекций не слушал, так как в это время занят был подготовкой к какому-то большому сочинению, которое, мне казалось, я должен был написать. И я проходил сложнейшую школу: изучал человеческое лицо, типы характеров, попутно пытался проникнуть в тайны творчества больших художников и найти то общее в них, что делает их произведения ясными, простыми и вечно живыми. Попутно старался улавливать в жизни эти вечно живые черты и выражать их без всякой предвзятой мысли. Интересовали не тема, не фабула, а вот этот живой материал жизни, который умеют находить и выделять с поражающей простотой и ясностью из хаоса жизни великие художники. И, наконец, около 1907—1908 года зародилось то большое, к появлению которого я готовился. Это — «Русь». Я не ясно представлял себе границы и план этой эпопеи, но уже чувствовал, что с этого момента у меня есть центр, к которому стремится и около которого вращается весь поступающий в меня материал. Попутно начал писать «Детство»; рассказы—лет через 10 после начала работы над своей «Школой»: первый рассказ «Суд», а второй «О. Федор» напечатан в 1911 г. в «Русской Мысли». «Суд» — в 1914 г. там же. Печатал очень мало, так как занят был «Детством» и «Русью».

Первые три тома «Руси» рисуют картину довоенной старой Руси; следующие два тома — «Великая война» и последние три тома — «Революция». И, конечно, «Русь» — это не отрывочная хроника, не летопись, а родившееся во мне одно целое, к уяснению которого я прошел через 15 лет работы и уяснил ее себе окончательно только благодаря революции».

Среди многих книг П. Романова была и маленькая книжечка — «Рассказы о любви», вышедшая в 1926 году в «Библиотеке «Огонек».

В этом номере журнала мы печатаем один из лучших рассказов писателя.

ЯБЛОНЕВЫЙ ЦВЕТ

РАССКАЗ

Пантелеймон **РОМАНОВ**

Рисунок Марины **ПЕТРОВОЙ**.

I

В деревне Бутово, что стоит на высоком загибающемся берегу реки, мужики издавна сдают свои избы под дачи. И те из них, кто строился в последнее время, приспосабливаются к вкусам и потребностям дачников — городских жителей, благодаря чему эти постройки уже похожи на настоящие дачки, а не на крестьянские избы.

Только крайний от реки домик, принадлежащий ветхой старушке Поликарповне, во всех отношениях отстал от моды. Он покосился, покривился, крыльцо его, подпиравшееся столбом из кирпичей, одной стороной висело над полуобрывом, спускающимся к реке. Под этим крыльцом всегда собирались от жары чужие собаки, куры, которые, разрыв прохладную в тени землю, лежали врастяжку. Когда кто-нибудь, проходя мимо, свистал им, собаки только испуганно поднимали головы с мутно-красными от сна глазами, потом опять растягивались.

Это крыльцо уже давно грозило обрушиться и похоронить под своими развалинами случайных постояльцев. Да и весь домик с отставшими от старых рам стеклами в его трех окошечках и расшатавшиеся ступеньки крыльца говорили о полной немощи своей хозяйки.

Ветхость домика и ветхость самой хозяйки отпугивали дачников, и в то же время, как все дачи в деревне разбирались, у Поликарповны большею частью оставалась свободной ее хибарка.

Каждый раз наниматели, обойдя сначала домик снаружи, говорили владелице, что они пройдут, посмотрят еще другие, а на обратном пути, вероятно, зайдут и снимут ее хибарку. Но не было еще случая, чтобы они заходили на обратном пути.

Было только одно достоинство этого домика: это то, что он стоял крайним от реки на высоком известковом берегу, и с его крыльца далеко был виден каменистый загиб берега с полосой от разлива, проточенной в известковых камнях.

И если бы на месте этой развалюшки стояла исправная дачка, то не было бы отбоя от нанимателей.

Каждую весну у Поликарповны начиналась тревога: каждый прохожий городского вида заставлял с силой биться ее сердце. Она старалась нарочно не смотреть на него, чтобы зря не волноваться, но ее уши против воли напряженно ждали, не обратится ли он к ней.

II

И вот, наконец, счастье пришло: из города зашел какой-то человек в серой кепке, с полуседыми волосами и в рыжеватых сапогах с короткими обтершимися голенищами. В руках у него были удочки, треножник и маленький чемоданчик.

— Ну-ка, бабушка, комнатку мне откомандируй,— проговорил пришедший.

Он, не торгуясь, снял комнату за 30 рублей в лето и деньги тут же отдал все вперед, вынув их из старенького кошелька с медным ободком.

Звали его Трифоном Петровичем. На вопрос хозяйки, чем он занимается, постоялец ответил, что он художник, приехал сюда писать картины.

После чая перед вечером он пошел на берег и долго смотрел на реку.

Был тот час, когда вода в реке почти неподвижна, и зеленый луговой берег отражается в воде с зеркальной ясностью, а молодая трава в засвежевшем майском воздухе пахнет сильнее и над всей окрестностью разлита предвечерняя тишина.

По лицу художника и по берегу шли радуги от вечернего солнца, отражавшегося в воде. Постояв там, он пошел домой, поставил треножник, а на него — рамку с натянутым холстом.

— Как чудесно! — говорил он, вдыхая всеми легкими тонкий аромат яблоневого цвета, смешанный с вечерней прохладой.

Прежде в этот час звонили к вечерне, но теперь церковь была превращена в народный дом, и только в ограде оставались по-прежнему яблони, которые буйно цвели почти каждую весну, и с крыльца был виден уголок этой ограды и свешивающиеся яблоневые ветки, осыпанные крупным белым цветом.

Художник отступил шага на два от треножника и стал примериваться, чтобы вместе с лугами и рекой захватить уголок ограды с яблонями.

И с этого момента каждый вечер, как только тень от противоположного берега доходила до середины реки и вечерние радуги, отражаясь от воды, шли по столбикам крыльца, а в воздухе сильнее пахло яблоневым цветом, Трифон Петрович брался за свою картину.

Он был уютно-веселый и простой человек, Поликарповна с первого же дня привыкла к нему, как к своему, и даже скучала, когда он с удочками уходил на реку, и его сгорбленная фигура, видневшаяся на светлом фоне реки с поднятой вверх удочкой, оставалась в полной неподвижности до самой темноты.

Один раз, походив около домика, Трифон Петрович сказал:

— Мне все равно сейчас делать нечего, дай-ка я поправлю тебе крыльцо-то.

— Спасибо, родимый, если милость твоя будет,— ответила старушка.

И Трифон Петрович все время, свободное от писания картины, стал проводить за поправкой крыльца, а когда кончил его, осмотрел и тоже перечинил все рамы, поправил даже балясник и сделал калиточку.

— Чудно мне что-то,— сказала один раз Поликарповна,— пришел ты, снял комнату, даже не торговался, а теперь крыльцо мне чинишь, будто ты и не чужой человек мне.

— А что ж, неужто все только на деньги считать? Я вот тебе поправлю, а ты потом вспомнишь обо мне, вот мы и квиты,— сказал он, засмеявшись.

— Теперь, милый, такой народ пошел, что задаром никто рукой не пошевельнет. Вон церковь-то закрыли, о боге да о душе теперь не думают, только для брюха и живут. Да смотрят, как бы что друг у дружки из рук вырвать.

— Ну, нам с тобой делить нечего: оба нищие и оба старые, нам только друг за дружку держаться,— говорил Трифон Петрович, обтирая кисть о халат и снова переделывая нарисованные цветы.

— Что ты все поправляешь-то, батюшка?

— Никак не могу поймать... чтобы цвет был белый и чистый.

— Да ведь он и так у тебя чистый.

— Нет, все не то, надо, чтобы как живое было, вот чего добиваюсь.

Старушка помолчала, потом сказала:

— Ну, прямо я с тобой, как с родной душой.

— Ну, вот и хорошо.

Поликарповна всем в деревне рассказывала, какого хорошего человека ей бог послал. И в самом деле, постоялец, помимо того, что даром поправлял ей домишко, к тому же был такой ласковый, нетребовательный, что на него не приходилось тратить ни сил, ни времени. За водой в колодец для самовара он не позволял старушке ходить и носил воду сам. Когда ездил в город, то всегда привозил ей гостинцев — конфеток, вареньица. А по вечерам долго сидел с ней на крыльце за чаем, и они, поглядывая на далекие луга, мирно разговаривали.

— Прямо с тобой душа отошла,— говорила Поликарповна,— а то уж в людей вера пропадать стала.

— Вера в человека — это самая большая вещь,— отзывался Трифон Петрович.— Когда эта вера пропадает, тогда жить нельзя.

III

Один раз, когда Трифон Петрович уехал в город, а Поликарповна, убравшись, сидела на крылечке, подошел к ней проходивший мимо Нефедка, сапожник, ничтожный, дрянной человечишка, известный пьяница и кляузник. Он несколько раз видел Трифона Петровича за работой и теперь, сев на ступеньку крыльца, завел разговор на ту тему, зачем это ей постоялец задаром крыльцо чинит.

Поликарповна попробовала было сказать, что человек хороший, вот и чинит. Но Нефедка на это только как-то нехорошо усмехнулся, так что у Поликарповны даже тревожно перевернулось сердце.

— Уж какую-нибудь он под тебя дулю подведет, либо из платы за квартиру вычтет, либо еще что-нибудь. Какой же человек будет без всякой выгоды для другого стараться.

— Деньги он мне все вперед уж отдал.

— Отдал? Ну, значит, еще что-нибудь. Нешто обо всем догадаешься? Вон он работает по вечерам, а теперь насчет этого строго: охрана труда и все такое...

— Иди-ка ты отсюда подобру-поздорову,— сказала с гневом Поликарповна,— нечего на хорошего человека каркать.

Нефедка ушел, Поликарповна плюнула даже ему вслед и, утерев рот, перекрестилась, как от искушения. Она думала о том, какую же мысль может таить Трифон Петрович против нее? А потом даже рассердилась на себя, что из-за слов ничтожного человека хоть на минуту допустила какое-то сомнение в хорошем человеке.

Трифон Петрович вернулся перед вечером, старушка так и вскинулась навстречу ему от радости. Ей хотелось быть с ним еще ласковее, потому что она как бы чувствовала за собой какую-то вину в том, что хоть на минуту задумалась о словах Нефедки. Трифон Петрович взялся за свою картину, она села на ступеньку и совсем успокоилась. Трифон Петрович, рисуя картину, повернулся к Поликарповне и сказал:

— Я там в городе всем порассказал, как у вас тут хорошо, теперь хозяйки не отобьются от постояльцев, у меня рука легкая.

Но когда после захода солнца он попросил топорик, у Поликарповны тревожно екнуло сердце, и она стала уговаривать его, чтобы он отдохнул, потому что уже поздно. Причем лицо у нее, когда она говорила это, было растерянное и испуганное.

А когда легла спать, то в голову, прогоняя сон, лезли одни и те же мысли: чего можно ожидать? Ведь все деньги получены сполна. Конечно, ничего. И когда она убеждалась, что ничего плохого быть не может, что все это болтовня скверного человека, ей вдруг становилось легко, точно с плеч сваливалась какая-то мутная, грязная тяжесть. А то вдруг через минуту сердце, с силой стукнув два раза, останавливалось, и на лбу выступал пот от какой-нибудь новой мысли, например, ей приходило в голову, что Трифон Петрович, может быть, работает над ее хибаркой с тем, чтобы потом сказать:

«Я имею часть в этом доме, так как целое лето ремонтировал его, исправлял крыльцо, чинил рамы, а ввиду того, что я работал поздно по вечерам, я еще могу донести на тебя в охрану труда, поэтому или плати мне сверхурочно, или вовсе выселяйся вон из моего дома».

А тут еще ко всему этому прибавилось одно обстоятельство — у Трифона Петровича рука в самом деле оказалась легкая: начиная с воскресенья в деревню стали приезжать все новые и новые дачники. Хозяек охватила лихорадка наживы. Цены поднялись потом втрое, а так как народ все ехал, то стали уж хапать без всякой совести. Те, кто пустил к себе дачников раньше по дешевой цене, теперь грызли с досады руки или, совсем махнув рукой на совесть, набавляли на своих постояльцев, а если они не хотели приплачивать, выживали их всякими способами.

Один раз к Поликарповне зашла кума с дальнего конца деревни.

— Бегала теленка искать,— сказала она, присаживаясь на нижнюю ступеньку крыльца и поправляя после ходьбы платок.— Ну, как, довольна своим постояльцем?

Поликарповна с удовольствием и радостью рассказала о том, какого хорошего, редкого человека ей господь послал, что он с ней, как с родной матерью, иной сын не будет того для своей матери делать, что делает он, потому что он не по выгоде, а по душе все делает.

— Да, это редкость,— согласилась кума.— А у меня вон сняли комнату двое, муж с женой, я с ними и так, и этак, старалась, угождала им во всем, а они в город поехали, четыре дня там пробыли, а потом, гляжу, вычитают за эти дни. Да ведь комната-то за вами, говорю, была! А они и внимания не обращают. Еще пригрозили, что донесут на меня, что я кулак, народ притесняю. Так веришь ли, у меня все сердце переворачивается, когда мои глаза увидят их. Так бы, кажется, кишки им все выпустила да на руку и намотала. Вот до чего!

— Нет, у меня прямо свой, родной человек.

— Да уж про твоего разговор по всей деревне идет. Ты сколько с него положила-то?

— 30 рублев в лето.

Кума было хотела почесать голову и только подсунула руку под платок, да так и осталась с поднятой рукой, удивленно раскрыв глаза.

— Сколько?

Поликарповна повторила.

— Да ты, бабка, спятила совсем!.. У меня есть один, он у тебя с руками за сто оторвет, комнату никак найти не может. Теперь полтораста берут, по двести!

— Как по двести? — спросила едва слышным голосом Поликарповна. У нее почему-то пропал вдруг голос, вся кровь бросилась ей в лицо, стала медленно расползаться по шее.

— Да так! Вон Демины, у них хатенка немного лучше твоей, а они за сто двадцать сдали.

— Как за сто двадцать?.. — опять так же тихо, как загипнотизированная, воскликнула старушка.— Да ведь раньше все дешево брали...

— Мало, что раньше! Тогда народу совсем не было, а теперь от него отбоя нет. Старики не запомнят, чтобы когда-нибудь столько дачников было. Что ж тебе из-за чужого человека цену упускать, что он тебе, сын, что ли? Такого случая умрешь — не дождешься. Вон Кузнецовы тоже хороших людей с весны пустили, знакомые, сколько лет у них жили, а как к тому дело дошло, так они их в два счета выкурили, а на другой день вместо прежних пятидесяти за сто тридцать сдали.

IV

Кума ушла, а Поликарповна осталась в невыразимом мраке. Вон к чему дело повернулось... Конечно, она не могла ни одной минуты заподозрить Трифона Петровича в том, что он умышленно стал чинить крыльцо и приводить в порядок ее домишко с тем, чтобы, когда она заикнется о прибавке, представить ей счет за ремонт. Просто невозможно было заподозрить в этом человека с такой хорошей душой.

Но дело в том, что сейчас эта хорошая душа влетела ей в копеечку! Семьдесят рублей убытку! Ведь если бы на месте Трифона Петровича был какой-нибудь обыкновенный, а того лучше — дрянной человечишка, который бы выгрызал каждую копейку, тогда бы она ему, не церемонясь, прямо сказала начистоту:

«Вот что, мой милый, прошиблась я маленько, когда с тебя плату назначала, я думала, что народу не будет и придется мне одной все лето куковать, и назначила с тебя поменьше, чтобы ты к другим не ушел. А когда дачник полным ходом попер, теперь уже мне бояться нечего: или втрое давай, или выметайся, а то новый постоялец дожидается».

Вот что она могла бы сказать. А как это скажешь человеку, который к тебе подошел, как сын родной, без всякой корысти, и сама же только что хвалила его по всей деревне?

И словно нечистый ее подвел в разговоры с ним пускаться, о душе распространяться. Распространилась на семьдесят целковых! Держалась бы подальше. И как в голову не пришло, что когда деньги получаешь, всегда дальше держись. Комнату представила, самовар поставила, и больше нас ничего не касается. А теперь, ежели она его выкурит, это просто беда. Скажут, вишь, старая карга, из нее скоро мох расти будет, а она душу свою пачкает, хорошего человека выкурила.

И как только она теперь видела постояльца, когда он с удочками и корзиночкой возвращался с рыбной ловли, так у нее перевертывалось все сердце. Хорошо ему рыбку-то ловить, на 70 целковых можно себе удовольствие позволить. И идет, как будто не понимает. У, сволочь поганая! Господи, прости же ты мое согрешение!..

Весь вид постояльца, его ласковость, мягкость вызывали у Поликарповны только раздражение, почти ненависть. Чем человек этот был лучше по душе, тем для нее было только хуже, так как ей на этом приходилось терять такие деньги, каких она уже давно не видела в руках.

И что бы он теперь ни делал, как бы хорош с ней ни был, ее мысль не могла забыть этих 70 рублей и того, что тот человек, который готов заплатить сто рублей, может уехать. И когда Трифон Петрович за чаем угощал Поликарповну привезенными из города конфетами, она конфеты брала, а сама против воли думала:

«За 70 целковых, конечно, можно конфетками угощать, за эти деньги можно бы и получше чего привезти. А то это чего выгоднее: по-душевному обошелся с человеком, конфеток ему на гривенник купил, а у него от этого язык не поворачивается свою сотню рублей отстоять».

И хотя, если говорить по правде, тот же ремонт, который произвел Трифон Петрович, обошелся бы ей не дешевле 70 рублей, но она ведь не просила его об этом, ее хибарка и без ремонта теперь могла бы быть сдана в лучшем виде. И он с ней не договаривался, а добровольно делал, а за добровольное денег нельзя взыскать. А то на это немало охотников найдется. Какой-нибудь проходимец присоседится, что-нибудь починит, да нарочно еще будет по вечерам работать, когда охраной запрещено, а потом плати ему вдвое, как за сверхурочное!.. А что он за водой ходит, так это девчонку какую-нибудь нанял за два рубля в лето, так она тебе столько натаскает, хоть залейся совсем... Это подешевле обойдется.

А почему ей только сто рублей с того постояльца брать? Раз Кузнецовы взяли сто тридцать, то и она может столько же назначить, ведь это до ремонта к ее домишку страшно было подойтить, а теперь на него глядеть любо. Даже калиточка есть. Вот только бы избавиться! Ей теперь уже все было противно в своем постояльце. Ее раздражало каждое его слово, каждое движение. Даже то, что у него были белые руки, чего она прежде как-то не замечала.

А он, как нарочно, ничего этого не видел. А тут кончил, наконец, свою картину и, отойдя от нее шага на два, даже засмеялся от удовольствия: яблоневый цвет большими — белыми с розовыми — гроздьями, как живой, был на первом плане картины, и от него веяло такой чистотой, а от вечерней глади реки — таким покоем, что, казалось, чувствовался его аромат и запах вечерних, засыпавших полей.

— Схватил! — сказал Трифон Петрович. И, обратившись к хозяйке, прибавил: — Вот осенью другую картину тут напишу.

У Поликарповны вся шея покрылась красными пятнами.

V

На следующее утро Поликарповна остановила проходившего за водой Нефедку и, позвав его к себе, рассказала ему все, спрашивая совета, как поступить.

Нефедка выслушал внимательно и сказал:

— Я говорил, что что-нибудь тут не так. Скажи, пожалуйста, чего это ради чужой человек ни с того ни с сего на другого будет работать, спину гнуть! Вот оно так и пришлось. Он топориком-то потюкал, по душе с тобой обошелся, а у тебя через это рука против его не подымается. Тебе бы сейчас случаем пользоваться, что дачник густо пошел, крыть почем зря да в сундук прятать, а у тебя против него руки связаны. Ну, да вот что...

Он пьяным жестом сложил руки на груди, взяв себя ладонями под мышки, и задумался, опустив голову. Потом, подняв голову, сказал:

— Ставь, видно, мне четвертную на пропой души, и устрою я тебе это дело в лучшем виде. Человек он, видать, хороший, в суд не пойдет. Ты уйди на денек, скажем, к дочери за реку, а я ему от твоего имени объявлю, чтобы он убирался подобру-поздорову. Потому, что ежели ты его не выставишь, а только плату на него накинешь, то тебя потом хуже совесть замучает смотреть на него, потому ты старушка леригиозная и душа у тебя совестливая.

— Верно, батюшка, замучает,— сказала Поликарповна, забрав подбородок в руку и скорбно покачав опущенной головой в черненьком платочке.

Она как-то вся потерялась, даже осунулась и побледнела за эти дни, а на руках и на щеках виднее выступили лиловые пятна, что бывает у глубоких стариков перед недалеким часом смертным.

— Ну вот, а я полегонечку тут все сделаю. Так и так, мол, старушка богобоязненная, совестливая, самой ей разговаривать с тобой стыдно, потому что ты человек-то очень хороший, как с матерью родной с ней обошелся, и потому она это дело мне препоручила.

— Верно, милый, верно. А как же деньги-то ему, что за дачу, он заплатил, отдавать придется?

— Ты с этим погоди, не юли, сами забегать вперед не будем, а там видно будет. Если еще бутылочку прибавишь, то и с этим как-нибудь справимся.

— А в суд, думаешь, не подаст, батюшка? — спросила старушка.

— Можешь быть спокойна. Не такой человек. Считал он тебя, можно сказать, родной матерью, а как увидит, что оказалась сволочью, он просто плюнет и уйдет поскорее и ни о каких деньгах не вспомнит, ему смотреть на тебя противно будет, а не то что еще в суд с тобой разговаривать. А ты на этом деле целковых тридцать выгадаешь.

— Все сто, милый.

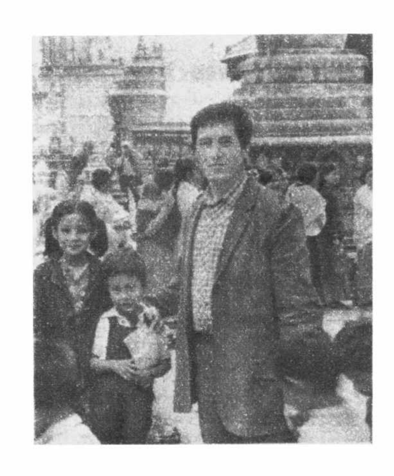
— Конечно, ежели бы на какого-нибудь жулика налетела, так тогда бы плакали твои денежки. И за такую штуку он бы тебя в бараний рог согнул, а раз с таким человеком дело имеешь, тут вали смело.

Старушка горестно-озабоченно смотрела перед собой в землю, собрав рот в горсть, потом, наконец, видимо, решившись, подняла привычным жестом руку ко лбу, чтобы перекреститься, как крестятся перед начатием ее дела, но сейчас же как-то испуганно опустила ее и, вся потемнев, изменившимся голосом торопливо проговорила:

— Ну, делай, как говорил.

После вечернего чая, покрывшись платочком и перекрестившись на закрытую церковь, она потихоньку от постояльца пошла к дочери за реку.

Солнце уже светило мягким предвечерним светом, и по столбикам крыльца шли солнечные радуги от воды. А из ограды доносилось свежее благоухание цветущих яблонь, которые от брызнувшего из облачка дождя сверкали прозрачными каплями на мокрых листьях и на снежно-розовых цветах.

ИНДИЯ — ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Индийская серия Рашида Доминова — это не фиксация «углов», не отображение черт экзотических. Тут нет и следа «открыточности». В наше время, когда в среде художников культивируется, а подчас и просто насаждается сама по себе хорошая идея «вечного движения», бесконечных поездок и выездов, дней и недель, месячников и десантов культуры, родилось выражение «творческий отчет». Так вот, в произведениях Рашида эта отчетность, репортажность отсутствует начисто. Листы его серии, созданные не с натуры, а позже, по впечатлениям,— это как бы воспоминания об увиденном и о собственной жизни.

Художник родился и вырос в Астрахани. Весной дельта Волги оживает. Дрожит воздух от тысяч крыльев. Возвращаются на речные просторы царственные птицы — белые цапли. Когда же истекает летний срок и по-осеннему желтеют пятна островов, тянутся стаи на юго-восток, за Гималаи, к Индостану. Берега Волги и Ганга... Белая птица из детства, увиденная художником на земле Индии, стала первым звеном в цепи духовной близости, первым импульсом к постижению нового мира.

Доминов не искал Индии литературной, не стремился к встрече с шаблонами представлений. Он увидел нечто другое, общее и значительное,— гармонию первозданности, стремящейся к величию организованной красоты.

Рашид Доминов по образованию и по опыту предыдущей работы театральный художник. Но главное в том, что он театрален по сути своей, стихийно театрален. Его пристрастие — жизнь яркая и ясная, действенная. Его работы — реальные пейзажи и сцены и одновременно вымышленные, близкие внутреннему взгляду. Творческий процесс для Рашида — это театральное перевоплощение, органическое вхождение в новую, «концентрированную» реальность; бытие-действо, сценой которому служит мир действительности. Таковы и работы индийской серии: «Праздник в Дели» — ликующий взрыв доброго и теплого света; «Красный форт» — локальная сосредоточенность цвета, «драматизм покоя»; «Сувениры Бомбея» — театр равновесия, видение, вписанное в «сценической объем» ландшафта; «Новый Дели» — гармония города-сада, овеществленное, материализованное состояние нирваны. Полюсами этой серии являются, пожалуй, листы «Вечер в Кхаджурахо» и «Ночь». Первое произведение передает то удивительное состояние южного вечера, когда музыка небес сливается с тишиной храмов и рощ, заполняя все мыслимое пространство... «Ночь» — это, напротив, почти отвлеченная театральная композиция. Лист создавался художником под впечатлением Агры. Здесь автор предстает перед нами и как реалист, и как мечтатель, фантазер. Здесь он театрален в полном смысле этого слова. Игра и действительность сливаются в единый образ.

Андрей САЗОНОВ

Известный советский ученый, академик-секретарь Отделения экономики АН СССР Абел Гезевич АГАНБЕГЯН отвечает на вопросы специального корреспондента «Огонька» Леонида ПЛЕШАКОВА.

ЧЕЛОВЕК И ЭКОНОМИКА

— Предположим, что наш рынок в достатке насыщен всеми необходимыми промышленными и продовольственными товарами, а также услугами — что тогда?

— Тогда ваше благосостояние будет определяться вашим заработком, а чтобы этот заработок был больше, вы будете трудиться с другой энергией. Теперь уже каждая заработанная вами десятка будет важна, потому что она будет иметь цену.

— Но тогда нужно, чтобы и оплата труда соответствовала его количеству и качеству...

— Естественно... Насыщение рынка товарами и услугами — это конец дефициту, который является экономической базой для массовой спекуляции, взяточничества, такого ненормального явления, как вещизм. Отпадает необходимость во всякого рода распределителях, закрытых магазинах, буфетах, столовых. Насыщенность рынка товаром дает совершенно иное качество жизни. Вы получаете, допустим, больше меня, но при разнообразии товаров и услуг я могу одеваться почти как вы. Просто у меня будет набор одежды несколько дешевле, но выглядеть он будет так же, как и ваш костюм, хорошо. Широкий выбор товара позволит мне маневрировать своими средствами...

— Это в теории...

— Нет, такова и практика.

В Венгрии удалось установить равновесие между спросом и предложением на внутреннем рынке, относительно насытить его разнообразными товарами, и сразу заинтересованность людей в труде резко возросла. Насыщенность рынка — огромный стимул и материальный резерв повышения производительности труда. Я уже не говорю о других его последствиях, которые имеют значение для морального здоровья общества.

Мне неоднократно доводилось бывать в этой стране, и, естественно, я отмечал про себя не только то, что касалось непосредственно работы. Так вот, меня поразило, что ни в одном, даже самом высоком, учреждении нет своей столовой, она не нужна: рядом множество столовых, кафе, ресторанчиков, где кормят быстро и хорошо. Нет там и магазинов «Березка» — все можно купить в обычных.

Вот это и есть не теория, а практика, хотя, надо сказать, она нам не особенно привычна.

Однажды на вечерней будапештской улице я встретил своего давнего друга, довольно крупного нашего руководителя. Он возвращался с какого-то приема (дело происходило до 17 мая 1985 года) и был немного навеселе.

— Абел,— говорит он мне возбужденно,— я здесь первый раз. Тут в магазинах все есть — какой же это социализм?

Вдумайтесь в это: человек подразумевает под социализмом хронический дефицит и распределение товаров. Это же целая идеология!

Но мой знакомый был хотя бы руководителем не столь высокого ранга, чтобы оказывать влияние в этой области. Но как-то я был приглашен на очень серьезное совещание, где весьма ответственный товарищ (не буду его называть, так как он уже освобожден от должности), выступая перед экономистами, стал поучать их и в очень острой форме критиковать Венгрию, ее опыт:

— Вы представляете, до чего они дошли? Любой человек может купить в магазине, что он хочет. Вы представляете, к чему это ведет?

Тут академик Г. А. Арбатов не выдержал, вмешался:

— Ну, к чему это ведет? Это и есть социализм, когда каждый, у кого есть деньги, может купить то, что хочет. Лишь бы деньги были заработаны честным трудом...

Можете представить, что тут началось!..

— Абел Гезевич, обилие товаров в венгерских магазинах действительно оставляет неизгладимое впечатление на наших соотечественников. Но цены, честно говоря, «кусаются». К тому же они постоянно растут. Недавно они поднялись еще немного...

— Для того чтобы понять, повлиял ли рост розничных цен на благосостояние населения, нужно знать, насколько за этот период увеличились его доходы и за счет чего. Все это не так просто, как порой кажется. В развитии венгерской экономики есть серьезные трудности. И венгерские товарищи с ними справляются.

Что же касается нашей системы ценообразования, то она просто порочна, так как сложилась в условиях дефицита, когда не нужно было учитывать спрос: какую назначишь цену, по такой и возьмут товар. Но цены — лишь одна сфера, где необходимы серьезные изменения. Есть и более фундаментальные вещи: у нас деформирована сама система распределения доходов и расходов, которая нуждается в кардинальной реформе.

— Поясните, пожалуйста, подробнее...

— Если взять денежные доходы нашего населения, то из них примерно 75—80 процентов идет на покупку товаров. Подоходный налог у нас небольшой и не дифференцированный: тринадцать процентов — потолок. Ни в одной стране такого нет. Квартплата и коммунальные услуги занимают в расходах примерно три процента. За образование мы не платим, за здравоохранение тоже. Сфера услуг у нас до того не развита, что даже если ты и рад уплатить, то некому и не за что. Поэтому почти все свои заработки мы тратим на товары, которых, естественно, не хватает.

Реформа, о которой я говорил, не означает, что нужно повысить розничные цены и таким образом забрать у людей часть зарплаты и снизить их покупательные возможности. Мы — социалистическое государство, этот путь нам заказан. Если мы существенно повысим цены на массовые продукты (мясо, масло, хлеб, например), мы должны это полностью компенсировать прибавкой зарплаты, пенсий, стипендий. Иначе это не будет соответствовать политике партии и правительства в повышении благосостояния народа.

— Насколько я понял, реформа, о необходимости которой вы говорите, должна таким образом изменить структуру расходов населения, что существенно повысится платность всех услуг или, скажем, материальных благ, которые ранее доставались нам за минимальную плату или вообще даром. Как сочетать это положение с утверждением, что такая реформа повысит благосостояние народа?

— Вы усмотрели здесь противоречие. На самом же деле его нет. Этой проблемой давно и глубоко занимается группа известных советских экономистов, специализирующихся в области социальных вопросов: академик Заславская, член-корреспондент Шаталин, доктор экономических наук Римашевская, Майер, Ракитский и другие. Я попытаюсь в вольном варианте изложить выводы, к которым они пришли в результате всесторонних и тщательных исследований. Ссылаюсь на них потому, что, во-первых, полностью согласен с их точкой зрения, а во-вторых, чтобы не приписывать себе их трудов, ибо лично мои интересы лежат в несколько иных областях экономики.

Так вот, их мысль сводится к тому, что нам нужен новый социальный подход к решению проблем благосостояния. Чтобы, не отказываясь от преимуществ, достигнутых нашим обществом в этой области, мы могли привлечь средства населения в целях повышения его уровня жизни.

Например, общеизвестно, что у нас самая низкая квартплата. В капиталистических странах жилье (сравнимое с нашим по площади и уровню комфорта) стоит в десятки раз дороже, чем у нас, и на его оплату идет значительная доля общих доходов семьи. Но вот удивительный парадокс: если взять разные компоненты материальной обеспеченности нашего населения, то окажется, что самое сильное отставание — по жилью. Человек может иметь цветной телевизор, но в то же время не имеет квартиры. В третьей части нашего жилого фонда нет канализации и водопровода. Во дворе дома с печным отоплением, где нет ни канализации, ни водопровода, можно увидеть автомобиль хозяина. И он к тому же собирается к своему телевизору купить видеосистему. Это явный перекос. У нас владельцев личных автомобилей больше, чем владельцев телефонов, или уж, во всяком случае, близкое к тому соотношение. А ведь это не сопоставимые по цене вещи.

В этой сфере у нас все крайне искажено. В среднем по стране на душу населения приходится около 16 квадратных метров жилой и полезной площади. Но этот показатель очень дифференцирован. Примерно 17 процентов семей — это, дай бог не соврать, миллионов 40—50 человек — все еще живет в коммунальных квартирах или общежитиях. Часто муж — в одном, жена — в другом, или, в лучшем случае, в одной комнатке, да еще воспитывают ребенка.

С одной стороны, такая острейшая нужда в жилье, с другой — около 250 миллиардов рублей лежит на сберкнижках, часть которых люди готовы отдать, лишь бы улучшить свои условия. Но, удивительное дело, купить кооперативную квартиру—проблема. Очередь — миллион семей. А если бы была свободная возможность за свои деньги улучшить жилье — очередь составила бы десятки миллионов человек. Чтобы истратить свои собственные деньги, нужно ловчить, изворачиваться. Уму непостижимо.

Надо предоставить людям возможность покупать любые квартиры, перестраивать их на свой вкус. Строить любые собственные дома, дачи, домики на садовых участках, которые бы отвечали их личным вкусам и потребностям. Можно представить, сколько бы денег было снято со счетов и извлечено из кубышек, если бы предоставилась возможность решить эту самую важную для каждой семьи проблему — жилищную. Это бы резко подняло уровень благосостояния людей и значительно облегчило бремя государства, которое ежегодно расходует очень крупные средства на строительство жилищного фонда.

— Есть деньги, есть острая потребность в квартирах — что же не срабатывает?

— Не срабатывает наше мышление. Многие связывают рост платы за жилье с утерей одного из главных наших завоеваний в социальной области. А это не совсем так. Более того, именно здесь получит яркое материальное подтверждение наше стремление к социальной справедливости, о которой мы неустанно говорим в последнее время.

— Хорошо. Как это практически будет выглядеть?

— Сначала нужно установить какой-то определенный размер жилья (назовем его социальной нормой), который государство на данном этапе развития может предоставить своим гражданам при мизерной, как сейчас, квартплате. Естественно, площадь этого жилища (допустим, двадцать квадратных метров на человека) должна обеспечивать членам семьи скромные, но вполне нормальные условия для проживания. Площадь квартиры сверх этой социальной нормы должна оплачиваться по реальной стоимости жилища.

Окончание, см. «Огонек» № 29.

— Сколько же это выйдет?

— Я как-то подсчитывал, получилось, что стоимость квадратного метра жилья в Москве колеблется (в зависимости от комфортабельности дома) от двух до четырех рублей в месяц. В среднем, значит, три.

— При излишках может набежать приличная сумма...

— Конечно. Поэтому к общему порядку мы должны подойти достаточно гибко. Допустим, предусмотреть льготы ветеранам, пенсионерам или, предположим, одиночкам, которые живут в однокомнатных квартирах таких проектов, что получается лишняя площадь. Ведь от нее излишки не отрежешь.

Такой подход уравнивает граждан при получении определенных гарантируемых социальных благ. Все, что граждане захотят получить сверх социальных норм, должно ими оплачиваться полным рублем.

— Все-таки, Абел Гезевич, получается не совсем понятная ситуация. Каждый год, каждую пятилетку мы заявляли о колоссальном жилищном строительстве, а теперь вот признаем: самое сильное отставание у нас как раз в этом...

— В каждую из последних четырех-пяти пятилеток мы строили по десять миллионов квартир и отдельных домов. В принципе это много. Но для нашего 280-миллионного населения (примерно 65—70 миллионов семей) это чрезвычайно мало, особенно если учесть, что параллельно с новым строительством мы выводим из эксплуатации большой объем ветхого жилья. Легко посчитать, что при старых (недавно считавшихся блестящими) темпах решение жилищной проблемы затянется лет на пятьдесят. Это недопустимый срок.

Нам необходимо за счет всех источников по крайней мере раза в полтора увеличить жилищное строительство. Мы к этому стремимся. Если за предыдущие пятнадцать лет было сдано полтора миллиарда квадратных метров жилья (включая деревянные строения), то к 2000 году планируется ввести только комфортабельного два миллиарда квадратных метров. Выполнение такой напряженной программы вполне реально, хотя оно потребует известных усилий и расширения строительной базы.

И, возвращаясь к нашей теме, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что никакое новое строительство не поможет справедливому в социальном смысле решению вопроса. Ведь и сейчас, если выводить средние квадратные метры на душу населения, дела с жильем обстоят у нас не так уж плохо. «Спотыкаемся» мы на его распределении: у одних вдвое-втрое меньше санитарной нормы, у других — непомерные излишки. Причем последнее не обязательно происходит по злому умыслу (хотя есть и такое). В одном случае взрослые дети, заведя собственную семью, покинули родительский кров. В другом — дети унаследовали огромную квартиру после смерти родителей. Причины могут быть разные — суть одна: излишки площади, которые по закону о неприкосновенности жилищ изъять нельзя, при нынешней низкой квартплате не являются особо тяжелым бременем для семейного бюджета...

— И таким образом, выражаясь вашими словами, происходит растранжиривание продукта, цена которого не отражает его истинной эффективности...

— Можно сказать и так...

— А еще, при нынешнем дефиците излишняя площадь легко превращается в тот край государственной собственности, пристроившись к которому можно извлекать нетрудовые доходы путем сдачи комнат, углов и так далее. Во всяком случае, до последнего времени это встречалось сплошь и рядом. Да и теперь еще бывает...

— К сожалению, бывает, хотя с этим пытаются бороться. Я думаю, это дело пошло бы значительно успешнее, если бы контроль над излишками жилплощади мы доверили рублю...

— Будем считать, что с финансовой стороной жилищной проблемы мы разобрались. А как быть с такими социальными благами, как здравоохранение и образование, которые мы испокон веков привыкли получать бесплатно?

— Схема остается та же самая: до известного уровня общество гарантирует вам бесплатное обслуживание, все, что сверх того,— за ваш счет.

Например, сейчас вы ни копейки не платите за пребывание в больнице. Вам предоставили место в палате на несколько человек. Вас лечат, кормят. Назначают вам разные процедуры, делают анализы, проводят, если надо, операции — все за счет государства. Но на том уровне, который может оно обеспечить всем гражданам. Если вам этот средний уровень не подходит и вы хотите лежать в отдельной палате, с цветным телевизором, телефоном, иметь дополнительное, более дорогое питание — пожалуйста: все будет предоставлено за соответствующую плату. Если вам не нравится, чтобы к вам домой ходил обычный участковый врач, услуги которого оплачивает государство, и вы хотите лечиться у более опытного врача с известной репутацией или, еще лучше, вы хотите иметь семейного врача из числа работающих в платной поликлинике — пожалуйста, вам будут предоставлены не только их высококвалифицированные услуги, но и счет из этой поликлиники.

Вот вы и я — люди, скажем мягко, солидной комплекции. Я бы не пожалел денег, чтобы привести себя в порядок. Допустим, во время отпуска поехал бы в санаторий, где опытные специалисты гарантировали бы мне, что при выполнении всех их предписаний за месяц смогу сбросить килограммов 15 веса. А потом, в Москве, я хотел бы за плату получать консультацию врача или тренера, которые помогли бы мне продолжить этот процесс...

— По-моему, ваши желания выходят за рамки реальности...

— Я знаю, что у нас ничего подобного и близко нет.

Нынешней зимой я отдыхал в Кисловодске. Задался целью похудеть. Разработал собственную систему: диета, каждый день ходил в горы, изнурял себя, как мог. За месяц сбросил десять с половиной килограммов. Но это личная заслуга. Мой хваленый санаторий не мог создать условий для занятий, скажем, на снарядах и тренажерах, так как кабинет механотерапии и физкультуры работал в те часы, когда я должен был идти на прогулку. Чем-то одним нужно было жертвовать. Но если я выбирал кабинет, то убеждался, что врач-механотерапевт «отбывает номер», что ей совершенно не интересно, чтобы кто-то у нее занимался.

— Уплатить ей, чтобы заинтересовать, вы не можете...

— Частным образом, может быть, и мог, но это незаконно, некрасиво, нехорошо...

Сейчас все наши бюджетные расходы на здравоохранение составляют более 18 миллиардов рублей в год, где-то три-четыре процента национального дохода. Это самая низкая доля в национальном доходе среди всех развитых стран мира. Мне кажется, наши люди могли бы много дать для поддержания своего здоровья из личных сбережений.

Аналогичная ситуация с образованием. Если я хочу что-то дать своему ребенку сверх школьной программы (будет ли это физика, математика, иностранный язык или игра на фортепиано — неважно), я обязан оплатить такой факультатив. Разумеется, должны существовать специальные фонды и спецшколы для одаренных, талантливых детей. Их обучение, а в иных случаях и содержание, должно взять на себя государство, ибо каждый талант — наше общее национальное достояние, и мы обязаны создавать особые условия для его развития.

Возвращаясь к изначальной мысли о необходимости менять структуру расходов населения, я хочу сказать: мы должны довести долю товаров в этих расходах с восьмидесяти процентов, грубо говоря, до шестидесяти, а со временем и пятидесяти, одновременно резко увеличив траты в других областях: сфере услуг, жилищном строительстве, здравоохранении...

— Наше здравоохранение вы поставили в один ряд с самыми острыми проблемами страны. Хотя мы как-то привыкли, что в чем-чем, а уж в этом деле у нас полный порядок...

— Такое заблуждение основывалось на отсутствии объективной информации. Обратимся к фактам. В 1986 году впервые за последние двадцать лет в нашей стране повысилась средняя продолжительность жизни, которая равна теперь шестидесяти девяти годам. Сам факт, что целых двадцать лет она не повышалась, удручающ. Но еще обиднее, что по средней продолжительности жизни мы существенно отстали от многих развитых стран, с которыми были вровень еще в 60-е годы. В то время как они, сумев улучшить здравоохранение, снизили детскую смертность и особенно смертность мужчин в активных возрастах, в нашей стране шли обратные процессы.

В самое последнее время благодаря очень серьезным мерам по борьбе с пьянством и алкоголизмом нам удалось переломить эту тенденцию. Можно уверенно сказать, что это сберегло многие десятки тысяч жизней, главным образом мужчин в активных возрастах.

Мы больше стали уделять внимания охране детства и материнства, увеличив отпуск по беременности, расширив льготы матерям малолетних, что позволило стабилизировать и даже снизить детскую смертность, которая все же остается высокой.

Но дело не только в таких броских показателях, как продолжительность жизни, детская смертность или смертность в отдельных группах населения, а в общем состоянии здоровья населения страны. Оно-то как раз своей остротой и вызывает наибольшую озабоченность. На мой взгляд, нет у нас сейчас более злободневной проблемы, чем кардинальное улучшение здравоохранения. Именно поэтому ЦК КПСС, правительство в последнее время не раз возвращались к этим вопросам в своих постановлениях. Проблема здравоохранения — дело настолько первостепенной важности, что для ее решения необходима, мне кажется, комплексная общесоюзная программа.

Надо понять, что улучшение здоровья — это не только лечение. Здоровье человека формируется еще в утробе матери. Поэтому его состояние в значительной мере определяется ее образом жизни, культурой, качеством питания, жилищными условиями и так далее. Значит, необходим комплекс мер по охране материнства.

Нужно уделять больше заботы о здоровье подрастающего поколения, ибо нынешний ребенок — завтрашний взрослый. И тут сразу возникает масса аспектов, требующих внимания: условия в детских учреждениях, школах, возможности для занятий физкультурой, спортом, туризмом.

Неотъемлемой частью комплексной программы здравоохранения должна стать и охрана окружающей среды.

Все наши мероприятия в этой области должны быть направлены на то, чтобы сделать здравоохранение развитой сферой нашего народного хозяйства, что, разумеется, потребует резкого увеличения ассигнований. Сейчас существенно повышаются заработки медицинским работникам. Но нам необходимо создать высокоразвитые отрасли по производству медицинской техники, осуществлять разного рода профилактические мероприятия и многое-многое другое.

— Если огромную проблему «здравоохранение» разбить на ряд составляющих ее «подпроблем», то какая из них, на ваш взгляд, приносит наибольший экономический ущерб? Разумеется, ведя такой подсчет, мы будем помнить, что здоровье людей дороже любых денег, превыше всего...

— Я считаю такой гигантской проблемой условия труда. Они являются показателем уровня жизни. С ними неразрывно связаны такие явления, как травматизм, профессиональные заболевания, общее самочувствие работника, не только физическое, но и моральное. Влияют они на производительность и качество труда. Таким образом, условия имеют одновременно и социальные, и здравоохранительные, и экономические аспекты.

К сожалению, недооценка всего этого в последние два-три десятилетия способствовала росту негативных процессов в нашей экономике. Казалось бы, сколько денег мы вколотили в строительство новых предприятий, сколько новой высокопроизводительной техники ввели в строй, а ручным трудом народа у нас занято сейчас больше, чем тридцать лет назад!

— Почему?

— Потому что все делалось некомплексно. Мы вкладывали деньги без четких социальных приоритетов. Если бы из этих сумм хотя бы десять процентов пошло на ликвидацию тяжелого, монотонного, вредного труда, мы имели бы значительно больший успех.

Прогресс в нашем станкостроении шел однобоко. Мы старались увеличивать производительность станков, машин, агрегатов, чтобы они выдавали нам больше каких-то заготовок, болванок, деталей. А как при этой технике работается приставленному к ней человеку — как следует не думали.

Подняв мощность станка, скорость вращения шпинделя, глубину подачи резца, мы добились, что какая-то болванка обрабатывалась в несколько раз быстрее. Значит, в несколько раз быстрее рабочий должен был снять ее со станка и установить другую. Он вынужден перетаскивать с места на место большее количество заготовок и готовых деталей. Рост производительности станка значительно ухудшил условия труда.

Последствия такого перекоса хорошо известны: раньше станочник был привилегированной профессией, теперь — хронический дефицит. Из-за этого мы не можем перевести наши машиностроительные предприятия на работу в полные две смены. Молодежь не идет в станочники, хотя последним несколько раз повышали зарплату. Простаивает огромный станочный парк, омертвлены десятки миллиардов рублей капвложений. Все это результат того, что мы в свое время не поняли, не оценили, как необходима комплексная механизация трудового процесса.

Между прочим, и сейчас это не всем понятно. Возьмем такую огромную сферу, как погрузочно-разгрузочные работы, в которой в общей сложности заняты миллионы рабочих.

Труд их тяжел, монотонен, не престижен. Его механизация должна быть признана приоритетной задачей нашего общества. Куда там! Львовский завод автопогрузчиков, практически единственный в стране изготовитель таких машин, влачит жалкое существование. Много лет мусолятся разговоры о его реконструкции. На новой площади ухитрились построить корпус, который сейчас выпускает старые, негодные, двадцатилетней давности погрузчики с малыми функциональными возможностями, с тяжелыми условиями труда. В то же время разработаны и уже испытаны современные, высокопроизводительные. Но они не внедряются в производство. Минавтопром, которому принадлежит львовский завод, относится к нему, как к пасынку.

Я несколько раз был во Львове, в Киеве, убеждал областных и республиканских руководителей:

— Поймите, на Украине нет более важного объекта для экономики страны, чем завод погрузчиков. Он может ежегодно освобождать от тяжелого ручного труда по миллиону человек!

Все без толку.

Сейчас у нас пятьдесят процентов рабочих и колхозников занято ручным трудом. Необходимо к 2000 году снизить этот показатель до 15—20 процентов, причем физически тяжелый, монотонный труд должен быть исключен полностью. Само собой это не устранится. Нужна тщательно разработанная программа и материальная база для ее реализации.

— Примеры, которые вы приводите, кажутся настолько очевидными, что по их поводу не может быть двух мнений. На деле, оказывается, есть. Почему так происходит?

— В нас укоренилась привычка недооценивать социальные факторы, считать их чем-то второстепенным, экономить на них. Тогда как даже плохое настроение людей (я уж не говорю о здоровье), вызванное условиями труда, приводит к колоссальным материальным потерям. Приедешь на иной завод — по территории не пройти, в цехах — грязь, у рабочих мест — грязь, шкафчики в бытовках — в ужасном состоянии, в душевых воняет какой-то тухлятиной и нет горячей воды, туалеты — антисанитария, обед в заводской столовой есть нельзя. Никого не интересует, что там рабочий таскает у своего станка, как он обеспечен. Его, как говорится, в упор не видят. Ну а если для человека на предприятии нет жизни, то и работа для него — лишь вынужденное времяпрепровождение. У станка он думает не о деле, а о том, как придет домой, сядет у телевизора, будет смотреть любимую передачу. Как в субботу и воскресенье отправится на рыбалку. Как летом поедет в отпуск. Начинается переоценка ценностей. Постепенно весь круг его интересов начинает замыкаться на квартире, машине, даче, отпуске. Работа, с которой связаны только неприятные ощущения,— от сих до сих. О какой производительности, каком качестве может идти речь?

Человека нужно заинтересовать работой, сделать ее привлекательной, чтобы труд постепенно стал жизненной потребностью. Конечно, в полной мере это будет достигнуто в будущем, однако элементы должны вызревать уже сейчас.

— У вас есть положительные примеры на сей счет?

— Пожалуйста: Петр Васильевич Будеркин, генеральный директор производственного объединения «Омскшина», знаменитая личность, настоящий фанатик социальных дел. Хотя технология шинного производства тяжелейшая, а омский завод — довольно старое предприятие, Будеркин добился, что у него практически нет текучести кадров. Задолго до перестройки, до принятия на сей счет решений директивными органами, он поставил на первое место интересы реального человека. Не буду перечислять все, что тут сделано в этом плане. Расскажу лишь о, казалось бы, мелочи. Производство шин — непрерывное, и круглые сутки в цехе работает буфет. Если человек устал, хочет немного отдохнуть, выпить, допустим, кофе, чаю, съесть бутерброд, его всегда подменят на рабочем месте минут на пятнадцать. Вот это и есть забота без громких фраз.

Беда, что таких примеров не так много. Больше других — когда человек рассматривается как рабочий ресурс, в один ряд с материалами, оборудованием, как придаток, без которого производство не может вертеться. А он существо социальное, имеющее свои интересы, потребности, в которые нужно вникнуть и понять.

— Сейчас, при обсуждении проблем перестройки, довольно часто возникает вопрос об образовании. Школьном, вузовском, профессиональном. Что, на ваш взгляд, в нем наиболее актуально? На что должно быть обращено наше внимание в первую очередь?

— Главная задача — глубокая переподготовка кадров в соответствии с требованиями научно-технической революции. Многие неправильно понимают НТР, сводя ее содержание только к обновлению техники, технологии, к интеграции науки с производством. А у НТР есть и другая, может быть, даже более важная часть — революция в образовании, подготовке кадров. Новой технике, новой технологии должен соответствовать новый работник, более образованный, более культурный, более профессиональный. Работник с развитым чувством самодисциплины. Новые технологии — это комплексная технологическая цепочка из прочно взаимосвязанных друг с другом звеньев. Если на каком-то участке нарушается технологическая или трудовая дисциплина, ущерб терпит не только этот конкретный участок, конкретное рабочее место, а вся технологическая цепочка в целом. Убытки возрастают многократно.

Это обстоятельство требует от работника умения трудиться в коллективе. Причем из всех других показателей приоритет отдается качеству труда и выпускаемой продукции.

— Ну, эти-то требования всегда стояли на первом месте...

— Не спорю. Но научно-техническая революция выводит их на новый, более высокий уровень. Раньше изготовленную вами деталь, собранный узел за вами проверял ОТК. При нынешних скоростях технологических линий сделать это он не успеет. Контролировать качество проделываемых операций должен сам работник. Нынешняя продукция из-за своей сложности, дороговизны и ее высокой будущей ответственности при эксплуатации требует особой тщательности и точности изготовления. Безответственность на одном рабочем месте сведет на нет труд всего коллектива, занятого на всей технологической цепочке.

Объясню это на примере.

В Японии на огромном автосборочном конвейере, на котором заняты сотни людей, у каждого рабочего места есть кнопка, с помощью которой этот конвейер можно остановить. Если рабочий видит, что не успевает качественно выполнить свою операцию, он обязан остановить конвейер и сделать все так, как предусматривает технология. Сотни людей, занятых на сборке, будут стоять и ждать, пока он не довернет свою, грубо говоря, гайку на нужное число оборотов. Он не имеет права ее не довернуть из-за того, что конвейер движется слишком быстро. Представляете, до какой степени отдается приоритет качеству?

Поначалу я думал, что кнопка имеет чисто моральное значение и ее никогда не нажимают. Ведь и самолюбие страдает, к тому же своей нерасторопностью можно показать себя в невыгодном свете. Но вот недавно будучи в Японии в командировке, я посетил конвейер автомобильного завода. Оказывается, нажимают, да еще как. Десять процентов рабочего времени конвейер простаивает именно по этой причине. А это десять процентов недоданной продукции. Но фирма считает это выгодным, ибо для нее девяносто автомобилей высокого качества гораздо ценнее ста, имеющих скрытые дефекты. Именно поэтому у японских машин примерно в 5—10 раз меньше отказов, чем у американских, именно поэтому японские автомобили, несмотря на таможенные барьеры, успешно конкурируют с американскими на американском же рынке, в самой автомобильной стране мира.

Качество всегда должно превалировать над количеством, ибо качество это в конечном счете оборачивается и дополнительным количеством. Знаменитое ленинское выражение «лучше меньше, да лучше» имеет в виду как раз это.

Таким образом, нашему обществу, вступающему в новый этап своего развития, нужен новый тип работника. Более грамотного и соответствующего требованиям научно-технической революции.

К сожалению, в последние десятилетия в области подготовки кадров мы допустили много ошибок, которые привели к негативным последствиям. Когда-то, в пятидесятые годы, мы имели лучшую в мире систему образования. В отличие от других стран мы имели очень серьезную естественнонаучную подготовку школьников. У нас хорошо (для того времени) преподавались математика, физика, химия (биология — безобразно, но для того были свои причины — «лысенковщина»). Очень подробно мы изучали историю, свою литературу. Плохо, правда, зарубежную.

Когда наша страна запустила первый искусственный спутник, на Западе был шок. Общественность США потребовала у президента расследования причин, почему их страна, самая богатая в мире, отстала в таком престижном деле, как освоение космического пространства. Была создана авторитетная комиссия, которая пришла к выводу: причина успехов СССР в советской системе образования. В 1950 году СССР тратил на его нужды десять процентов национального дохода, США — только четыре процента. Опережающий рост расходов на образование еще с ленинских времен был традицией нашей страны.

Выводы американской комиссии оказали огромное воздействие на отношение капиталистических стран к этому вопросу. Это совпало с новым этапом научно-технической революции, которая тоже потребовала более образованных работников. США разработали программу создания ста центров научного превосходства над СССР. Впервые федеральный бюджет стал целевым порядком выделять крупные средства на образование. Его примеру последовали местные бюджеты и фирмы. В последние тридцать лет расходы на образование в США росли в три раза быстрее, чем национальный доход, и достигли двенадцати процентов его общей суммы. Мы же были единственной из развитых стран мира, в которой в последние тридцать лет расходы на образование отставали от роста национального дохода и скатились сейчас до семи процентов от его объема.

Но дело в конце концов не в суммах. Беда, что у нас утерян престиж образования. Попробуйте выпускнику ряда университетов предложить работу в школе, его возмущению не будет границ: его, видите ли, унизили.

А мне вот посчастливилось в Академии наук (я избран членом-корреспондентом еще в 1964 году) застать наших стареньких академиков, большинство из которых начинало свою трудовую карьеру учителями. И они этим гордились.

— Недавно я узнал, что Анатолий Петрович Александров когда-то преподавал физику в школе, где учился Борис Евгеньевич Патон. Со временем первый стал президентом АН СССР, второй — президентом Академии наук Украины...

— Теперь мы как-то растеряли престиж сферы народного образования. Прежде у нас всегда высоко держалось звание учителя. Школа всегда была центром, вокруг которого кипела интересная жизнь. Лучшее здание поселка принадлежало школе. Увы, те времена миновали.

Конечно, школьная реформа поправит это дело. Сыграют свою роль и дополнительные средства, выделенные государством. Но, я думаю, нам нужно идти значительно дальше. Воспитание и обучение подрастающего поколения, начиная с детского сада и кончая вузом, переподготовку уже имеющих высшее и среднее образование нужно превратить во всенародное дело. В стране не должно быть ни одного квалифицированного специалиста, будь то член правительства, генеральный конструктор, академик, директор завода, который бы не отдавал делу образования (особенно детей) пусть всего один час в неделю, пусть всего два часа в месяц.

Мы не можем передоверить обучение всей молодежи страны только учителям, узкому кругу лиц (сейчас в основном это женщины), многие из которых не имеют высшего образования, не говоря уж о жизненном опыте или опыте работы в отраслях народного хозяйства. Люди, которые в скором времени займут свое место в различных сферах производства и управления, должны сейчас получать знания из первых рук. Необходимо принять срочные кардинальные меры, чтобы наша школа, вся система образования были поставлены в привилегированное положение. Каких людей мы сегодня воспитаем, такой наша страна будет завтра.

Если мы сумели в последние двадцать лет развиваться таким образом, что растеряли многие свои преимущества, то самая главная и глубокая тому причина — нас плохо воспитали.

— Умом я с вами полностью согласен. Но вот в душе все-таки теплится надежда: может быть, дела обстоят не так уж и плохо? Ведь здравоохранение, образование, культура всегда были нашими козырями. Или мы себя до того заагитировали, что приспособились видеть все только в розовом цвете?.. Кстати, Абел Гезевич, вы не считаете, что наш разговор как-то незаметно ушел в сторону от чисто экономических проблем?

— Я так не считаю. Вот у нас сейчас модно говорить о социальной активности, о трудовой активности человека, а ведь они зависят от его культуры, образования, воспитания. Смешно сводить роль культуры только к тому, что она помогает людям хорошо трудиться, как и роль науки только к производительной силе. Есть непреходящие ценности, связанные с развитием личности, ее мировоззрением, представлением о свободе. Эта сфера — образование, культура, здравоохранение, назовем ее условно индустрией благосостояния — чрезвычайно важна с точки зрения привития человеку гена социальной активности, соответствующего отношения к труду, что не-

посредственно связано с его производительностью и так далее, и так далее — короче, с экономикой.

К сожалению, мы эту сферу нашей жизни всегда резко недооценивали, в искаженном виде представляли ее цели и приоритеты. Как это ни удивительно, но у нас нет вообще понятий «экономика образования», «экономика культуры», «экономика здравоохранения». А ведь во всех этих отраслях действуют свой хозяйственный механизм, своя система управления, свои нормы и правила, свои экономические отношения. Эклектика, мешанина ужасающие — трудно даже подобрать подходящее слово. «Безобразие» было бы слишком лестной характеристикой сложившейся ситуации. Никто никогда этим не занимался. Только в последнее время появилась новая модель кинодела, начался эксперимент в театре.

— Дается это большой кровью...

— Я знаю. Но совершенно ясно надо понять: без коренной ломки старых, отживших свой век отношений успеха в этой области не добиться. Возьмите хотя бы зарплату работников культуры — в среднем сто тридцать рублей в месяц. Ну какой трудовой подвиг можно ждать от человека с таким заработком?

Недавно мне пришлось разбираться в проблемах экономики здравоохранения. Тут тоже, как говорится, еще конь не валялся. Верно сказал Михаил Жванецкий: «Мы перегнали всех по количеству врачей, теперь бы отстать по числу больных...»

— Два года прошло после апрельского Пленума ЦК партии, год — после XXVII съезда КПСС, сдвиг к лучшему заметен, но дело идет все-таки медленнее, чем хотелось. Оно оказалось более трудным, чем ожидалось. Об этом говорилось и на июньском Пленуме партии в этом году, об этом постоянно сообщают средства массовой информации. Ощущение: будто кто-то умышленно тормозит наше ускорение, ставит палки в колеса перестройки. Правда, на словах все единодушно за.

Скажите, Абел Гезевич, кому, на ваш взгляд, взгляд экономиста, перестройка нежелательна? Я имею в виду не отдельных лиц, а группы людей, в какой-то мере даже прослойки общества. Сейчас появился даже термин «групповой эгоизм»...

— Видите ли, новое — это всегда борьба, преодоление чего-то. Новое — всегда трудно даже само по себе. Даже когда входишь в воду, вроде никто тебе не мешает, а чувствуешь сопротивление: новая среда. Перестройка же, которую мы начали проводить,— это не просто новая среда, а новые экономические отношения, новые методы управления. За ними стоят естественно какие-то силы, они задевают чьи-то интересы.

Главное, что мы намереваемся сделать в области перестройки управления,— расширить права предприятий, колхозов и совхозов. Но если чьи-то права расширить, значит, у кого-то их надо забрать. Лишая какое-то руководящее звено прав, мы лишаем его власти, каких-то привилегий, а часто вообще ставим под сомнение целесообразность его существования. А за всем этим руководящим аппаратом стоят люди. Представьте, человек, который привык командовать, заседать, что-то обсуждать, согласовывать, вдруг узнает, что он, его должность никому, кроме него самого, не нужны. Такое трудно пережить. Естественно, эти работники по инерции будут цепляться за старое, вести себя пассивно по отношению к новым веяниям.

Есть и другая очень интересная группа (я их называю «отсталые хозяйственники»), которым легче работать при приказной, административной системе управления, назначения, чем при системе выборов трудовыми коллективами, в обстановке, когда необходимо принимать самостоятельные решения. Самостоятельность — очень большой груз ответственности. Права даются вместе с обязанностями. Не все этого хотят.

Третья группа — люди, которые живут на незаработанные деньги. Я имею в виду не воров, несунов, взяточников, спекулянтов, даже не тех, кто бесплатно ремонтирует свою частную машину на государственной автобазе. Не об этих речь. У нас миллионы людей получают зарплату, не соответствующую их трудовому вкладу. Часто вообще ни за что. Придите на любой завод, в любое учреждение — сколько народу занято бесконечными перекурами, чаепитиями. Считается, что они на работе. Формально это так, фактически — они мало что делают, только обозначают причастность к трудовому процессу. Особенно много лишнего народу в наших научно-исследовательских и проектных институтах.

— Недавно «Правда» сообщила, что в одной Москве 1087 научно-исследовательских и проектно-конструкторских коллективов, в которых насчитывается 933 тысячи работников...

— Армия огромная, вот только результаты подчас мизерные.

И людей, которые получают больше, чем дают обществу, в различных сферах нашей жизни очень много. В условиях перестройки с этих людей повышается спрос, требование «отработать» свой заработок. Часть из них сопротивляется этому.

— Свой вопрос я задал не случайно. Ведь мы уже делали попытки провести хозяйственную реформу, но...

— Да, в 1965 году мы замахнулись очень широко и достигли в ряде случаев отличных результатов. В восьмой пятилетке объем сельскохозяйственного производства вырос на 21 процент, в девятой — превысил тринадцать. За десять лет в этой, для нас традиционно сложной отрасли мы прибавили почти 35 процентов. Это столько же, на сколько мы хотим увеличить продукцию сельского хозяйства к 2000 году.

— И тем не менее при всех прекрасных результатах той реформы, она все-таки не состоялась. Не получится, что и в этот раз мы остановимся на полпути? Не окажется ли, что и теперь пресловутый групповой эгоизм окажется сильнее объективных потребностей всего общества?

— Экономическая реформа 1965 года во многом не удалась потому, что она не была до конца хорошо продумана, а ее реализация — последовательной. Тогда, в частности, так и не удалось создать механизм, действующий по принципу: кто лучше работает, тот лучше живет. В какой-то момент, уступая давлению субъективных факторов, мы стали сдавать завоеванные позиции. Но даже тот, закончившийся неудачей эксперимент показал, что при определенных условиях мы можем многого добиться. Сейчас мы взялись за дело более радикально и, думаю, в конечном итоге достигнем намеченных целей.

Во-первых, сама жизнь требует перемен. В этом смысле нам отступать уже некуда. Надо идти только вперед.

Во-вторых, решение всех наших проблем начали не однобоко, а всесторонне, комплексно. Это отличает решения июньского Пленума ЦК КПСС.

Если вы хотите жить по-новому, вы должны подвергнуть суровому анализу прошлое, попытаться извлечь из него уроки, не повторять ошибок. Отношение к прошлому — это лакмусовая бумажка серьезности ваших намерений на будущее. И то, что с каждым партийным форумом углубляем анализ прошлого, в этом отношении показательно.

Критиковать прошлое в принципе легко. Но все-таки и не так просто. Во-первых, все мы были в этом прошлом и, значит, тоже должны нести за него ответственность. Во-вторых, бесконечная критика прошлого вызывает естественный протест у многих: ну сколько можно вину за наши провалы валить на предшественников, не пора поправлять дела самим? В-третьих, раньше были не только недостатки, но и достижения.

В общем, критиковать прошлое — дело не очень приятное. Но если мы по-настоящему решились идти в будущее, надо решиться и на это. Что мы сейчас и делаем.

Далее, нельзя провести перестройку, не подняв на это всеобщее дело массы. Серьезные преобразования нельзя провести келейно. И то, что перестройка в духовной жизни идет опережающими темпами (экономика, к сожалению, отстает), весьма доказательный в этом отношении аргумент. Обратите внимание на публикации в наших газетах, журналах, на передачи телевидения, на появившиеся после долгого лежания на полках кинокартины. Какие острые, злободневные темы поднимаются! Несколько лет назад мы об этом и не мечтали!

Помню, мы провели в Новосибирском академгородке «круглый стол» редакций журналов «Новый мир» и «ЭКО» на тему «Экономика, экология, общество». «Новому миру» материалы «круглого стола» опубликовать не удалось. Мы, в «ЭКО», напечатали. И что тут началось! Меня, главного редактора журнала, три часа «чистили» на бюро Новосибирского обкома КПСС: как посмели «такое» обнародовать? Больше всего возмутило выступление академика АМН СССР Лария Петровича Казначеева, который сказал, что деятельность Кузбасса нужно расценивать не только по количеству тонн добываемого угля и выплавленной стали, но и по тому, как там живется человеку: какой там травматизм, сколько профессиональных заболеваний, как сказывается повышенная загазованность, задымленность, запыленность региона на здоровье людей.

Мне говорили: куда вы клоните? Стране нужен уголь, при чем тут человек?

А вот в январе этого года журнал «Наш современник» публикует дискуссию на ту же тему, где те же вопросы экологии обсуждаются с такой остротой, что былые наши попытки выглядят слабым слепком. И ничего! Никаких оргвыводов, никаких наказаний. Все воспринято, как и положено тому быть.

— Но позже некоторые ученые, тоже в печати, оспаривали отдельные положения той дискуссии...

— Ну и прекрасно. Без открытого спора нельзя родить истину.

Недавно я вновь побывал в командировке в Венгрии. Так совпало, что вечером накануне моего приезда их телевидение показало часовую программу, смонтированную из фрагментов публицистических передач нашего Центрального телевидения. На следующий день у меня была полностью сорвана рабочая программа. Куда бы я ни приходил — на завод, учреждение, к министру,— всюду слышал один и тот же вопрос: «И у вас это свободно показывают?» А дальше требовали подробностей.

Венгерское телевидение выбрало далеко не самые острые сюжеты, которые у нас теперь показываются. То, что совсем недавно считалось запретной темой, смелым откровением, стало для нас привычным. Значит, мы выросли в духовном и социальном смысле. Таким нам будет легче перестраиваться. Именно это наше новое качество может в значительной степени гарантировать успех. Демократизация нашего общества в самом широком смысле слова — главное условие неотвратимости перестройки.

КНИГА О НАСТОЯЩИХ ЛЮДЯХ

«Ее расстреливали. Пытали и казнили. На месте гибели ее и ее товарища Юры Семенова партизаны поставили самодельный памятник. Проверка материалов заняла более полугода, мы не успели к Дню Победы, как хотелось. Но такие судьбы — на все времена, вне дат» — таким вступлением начинается очерк Ольги Кучкиной, входящий в книгу, только что изданную по инициативе газеты «Комсомольская правда».

В документальном повествовании О. Кучкиной речь идет об отважной партизанке в годы нашей священной войны с немецким фашизмом Надежде Александровне Богдановой, чудом спасшейся от смерти и ныне в свои неполные шестьдесят лет проживающей в городе Витебске.

Вот о таких людях, весь жизненный путь которых всецело подчинен беззаветному служению родной Отчизне, нашему народу, о людях высокой нравственности правдиво и интересно рассказывает книга.

Трогательно и совсем неказенно размышляет о великом Ленине в своем очерке старший научный сотрудник музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» Л. И. Кунецкая.

Читатель книги вновь встретится с Ю. А. Гагариным, с героями, действовавшими в экстремальных ситуациях в Чернобыле и Афганистане, а также со многими теми, кто всем существом своей жизни стойко борется сегодня за наши классовые и нравственные идеи. Хотелось бы также упомянуть очерк А. Новикова «Один день и вся жизнь борца», знакомящий с непрестанно подвижнической деятельностью руководителя американских коммунистов, Генерального секретаря Компартии США Гэса Холла. Бесстрашный борец за судьбы трудовой Америки, много раз подвергавшийся политическим преследованиям, отбывавший тюремное заключение, товарищ Холл и сегодня верен избранному пути.

Книга написана сердцем. Рыцари чести, люди, посвятившие свои жизни борьбе, зримо оживают на ее страницах и как бы остаются в наших душах. Их жизнь — это пример, так необходимый сегодня в борьбе партии и народа за курс обновления.

Книга адресована всем, кто неравнодушен, кого зовут труд и подвиг во имя счастья родной земли. Ведь как справедливо утверждается в предисловии: «Нам есть на кого равняться, у кого учиться, чье дело продолжать, что любить и что ненавидеть».

Б. ЯРИК

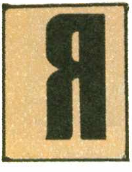
«Поколение в лицах». М., издательство «Правда», 1987. 384 с.

Роберт СТУРУА

ЗАПИСАЛА
Ирина ВЕРГАСОВА

ЗАМЕТКИ ПАРАДОКСАЛИСТА

Феномен театра Стуруа столь же удивителен и своеобразен, как и его личность. В магический круг их притяжения попадаешь независимо от воли и даже вопреки ей, так силен и влиятелен талант режиссера. Необычность Роберта Причудливого (как он сам окрестил себя однажды) не знает границ, фантазии его свободны и неповторимы, и просто поразительно, как этот человек без берегов так дружен с гармонией и художественной соразмерностью.

Я прошу не воспринимать мои высказывания и максимы прямолинейно, призывайте чувство юмора, ибо все сказанное мною в полной мере обращено и на самого себя, быть может, в первую очередь этот яд предназначен мне самому.

...«Вишневый сад» Чехова, который я собираюсь ставить, необычайно своевременен сегодня. Мне интересны внутренние отношения писателя с интеллигенцией (кстати, заодно попробую ответить на ваш вопрос, почему до сих пор в моих спектаклях не находилось места этой проблеме). Я очень хорошо понимаю, почему Чехов смеялся, ненавидел и еще, быть может, жалел интеллигенцию, считая, что все зло (но, конечно, и добро тоже) вырастает из ее недр, из ее самолюбования, неспособности рассмотреть свою собственную суть, осмыслить свое назначение в истории, в судьбе своей страны. А размытые нравственные границы, а комплексы, самобичевание, духовный «стриптиз» как «самосуд», чтобы этой возмутительной исповедью получить в ответ хотя бы видимость прощения, пусть даже приговора, но и жалости также, вызвать сочувствие к своей «трагической» судьбе. Не от этого ли несмываемое ощущение пошлости, ужасного привкуса по утрам?..

И проходимцы разных мастей, увы, порой выходят из ее кругов, во всяком случае, выращиваются, выпестовываются ею, ее попустительством хотя бы,— и потому прекрасно знают ее никчемность и неопасность, и в конце концов и народ они считают всего лишь безликой массой. Ведь и сами эти интеллигенты не замечают народ — нельзя же всерьез принимать их «любовь» к этнографии и народному искусству, кстати, именно не к подлинному, а к его имитации, созданной отнюдь не народом, а самой же интеллигенцией — эти бесконечные «а-ля рюс» везде и всюду; умиленное слушание песен, что поют окончившие класс у Цезаря Кюи; любование домиками в былинном стиле и картинками Васнецова, рисующего под Бердслея... Кто еще больше приносит урон народу, как не такая «интеллигенция»?.. Она просто и спокойно оставляет фирсов в запертом и — заметьте! — уже не принадлежащем ей доме, чтобы они в одиночестве умирали мучительной смертью, а сама берет топор и вырубает вишневый сад — ни вам и ни нам! — лучшее, что есть на земле. Так я хочу закончить свой будущий спектакль. Как в агонии рубят герои Чехова цветущие деревья, а Фирс задыхается в красивом особняке, и по расчищенному (!) полю идет «новый человек» — Лопахин.

Историю всегда делали просвещенные люди. Интеллигенты молчаливо наблюдали за несправедливостью или же «бурно» обсуждали будущее своей страны в ночных бдениях, пока к власти не приходил очередной диктатор, и тогда перед рассветом раздавался стук в дверь: охранка увозила, как коров в грузовике, этих «праздно болтающих», оставляя им единственный шанс — красиво умереть.

Пьеса Чехова несет в себе прежде всего иронию. Я думаю, например, что в «Обвале», поставленном Темуром Чхеидзе, портретное сходство князя с Христом крайне неверно: оно исключает иронию, а чистая трагедия лишь покрывает наши страхи романтическим флером, как будто гибель аристократов духа или вишневого сада — это вина Джако или Лопахина! Да нет, это вина самой интеллигенции, и надо напоминать ей об этом хотя бы изредка, а может быть, даже молчанием, чтобы вновь в который раз не возбуждать в ней хорошо известное, но не совсем понятное тщеславие, граничащее едва ли не с мазохизмом. Вспомним, как точно подметил эту особенность Достоевский (кстати, никогда не выделявший интеллигенцию в проблему): любое, даже самое уничтожающее рассматривание все-таки было приятно и лестно для этой «прослойки» (какое презрительное, издевательское определение!). Верховенский — вот кто является олицетворением для Федора Михайловича подобного типа людей.

...Я, конечно, заранее придумываю основную концепцию, но на репетициях стараюсь не пользоваться ею как незыблемой догмой (да это и невозможно), а работать интуитивно, чтобы потом уже организовать то, что спонтанно родилось в процессе. Ведь репетиция — это то место, где можно импровизировать, создавать саму атмосферу творчества. А дальше актеры играют не только спектакль как результат, но и саму атмосферу репетиций. Беременная женщина, говорят, должна смотреть на красивые картины, чтобы ребенок родился красивым. То же происходит и с рождением спектакля в театре. «Ричард III» давался нам мучительно, и атмосфера этого репетиционного труда-преодоления передавалась и спектаклю. Только добавив ироническую музыку, мы смогли снять это ощущение. Напротив, дух веселья, дружеского общения и взаимопонимания в работе над «Кавказским меловым кругом» перешел в сам спектакль, заразив его (и зрителя) импульсом творчества и импровизации.

Вначале я приходил в театр с домашними экспозиционными заготовками, но скоро понял, что работать так невозможно — не получая никакого удовольствия, словно превращаясь в бухгалтера. Даже начал подумывать тогда бросить театр и «пойти» в художники. А потом вдруг положился на импровизацию и не стал ограничивать свою фантазию. Конечно, всегда возникает вопрос: ну, а если муза не придет — она же не золотая рыбка, что является по приказу? Режиссер, несомненно, должен подготавливать свое самочувствие, ту базу, на которой и может возникнуть вдохновение. Сейчас, конечно, помогает опыт: когда муза не приходит, то можно обойтись и без нее. Это и называется профессионализмом. Как говорил Д. Баланчин: «Не ждите, чтобы удача или случай вдохновили вас на создание новой работы. Ведь не ждет же шеф-повар, чтобы его собственный аппетит подтолкнул изобрести кулинарный шедевр».

И все же я поклонник интуитивного метода в режиссуре. Поэтому я, кстати, люблю народный лубок да и все то, что продают на базаре.

Там я нахожу наивную прелесть — «антиинтеллектуальность», что ли, которая и создает наив. В незамутненности, наивности взгляда, присущей примитиву, есть нечто детское, трогательное, прекрасное и доброе. Театру, кстати, лубок и китч могут быть интересны не только с точки зрения методологии, но и собственно стиля. В этой сфере можно делать интересные вещи — китч прекрасно смотрится, если подан с юмором и самоиронией. Жаль, что сегодня русская сцена практически забыла многое из своих великих традиций и истоков — фольклор, народный театр, Мейерхольда.

...Мне нравятся актеры нашего театра именно потому, что у них появился вкус к самостоятельному творчеству, они сами придумывают решения и образы, уже зная, что ты хочешь от них,— без объяснений, через бессловесный контакт. Раньше это даже вызывало ощущение уязвленного самолюбия, а теперь — радости, что ты окружен группой единомышленников и друзей. Но затем снова после радости возникает тревога: не является ли это мгновенное и легкое понимание сформировавшимся штампом? Как будто все всё знают, и, значит, в этом уже таится опасность, вызревает некий стереотип. Или это очередная иллюзия? Ну и что! Разве нам, людям театра, к этому привыкать? «На вопрос, чем он сейчас занят, господин К. ответил: «Я усиленно работаю, готовлю мое следующее заблуждение».

Я далек от прекраснодушия — и в нашем театре находятся те, кто требует от меня следования некоей заземленной логике: почему здесь я должен петь, а не говорить? А мне не хочется это объяснять, причем демагогически, потому что тогда я просто увядаю. И если на репетиции находится хотя бы один человек в состоянии недовольства, раздражения и злости или хотя бы с иронической улыбкой (досталась, например, маленькая роль), это мешает работе так же, как при сеансе гипноза.

...Проблема молодежи, по-моему,— это проблема не театра вообще, а лишь того театра, что имеет свое лицо. Если актер подпадает под его влияние, он становится тебе неинтересен. И наоборот, вызывает интерес возможностью обновления, когда он продолжает работать в иной школе. С другой стороны, ты все равно вынужден его ломать, перетягивать на свою сторону, а значит, так или иначе губить. Но, несмотря ни на что, молодежь должна утверждать свое, новое направление в искусстве. К сожалению, такой потребности я пока в ней не замечаю. Вспоминаю свой приход в Театр имени Руставели — меня взрывало желание устроить революцию, не меньше. Сейчас понимаешь, как трудно позволить молодым делать эти революции. Приходит страх — за себя. Обычно режиссеры стараются демонстрировать самих себя больше, нежели думать о будущем. Но если они не смогут победить это себялюбие, то надо уходить из театра, другого выхода нет. Это нравственный кодекс профессии. Правда, мне еще не доводилось видеть главрежа, который бы на деле не преступил через эту первую заповедь. Кто вот так взял и бросил свой теплый уголок добровольно, если его не принудили уйти «в степь», как Лира?

При диктатуре все диктаторы стараются быть демократами. Главный режиссер — это именно профессия, а не должность. Не место, а психология. Во-первых, он должен захватить, «узурпировать» должность, затем он вынужден быть и политиком, и дипломатом, и диктатором, и либералом, и демагогом. Все это лично мне крайне неприятно, даже противно, облегчает мое положение лишь то, что я много лет уже работаю в своем театре.

Кроме того, все режиссеры — тайные плагиаторы, они воруют везде, где только можно, в том числе и у своих преемников. Наверное, едва ли не все художники занимались этим. Ведь новое рождается не только в жизни, но и в произведениях молодых, и если ты сам не смог заметить его в реальности или уже не способен на открытие, то пользуйся возможностью рассмотреть это в чужом творчестве, пусть еще несовершенном. И, пожалуй, нет ничего дурного в том, если тебе удастся вырастить ростки нового быстрее, лучше, профессиональнее. Конечно, при условии, что ты сможешь действительно понять их суть.

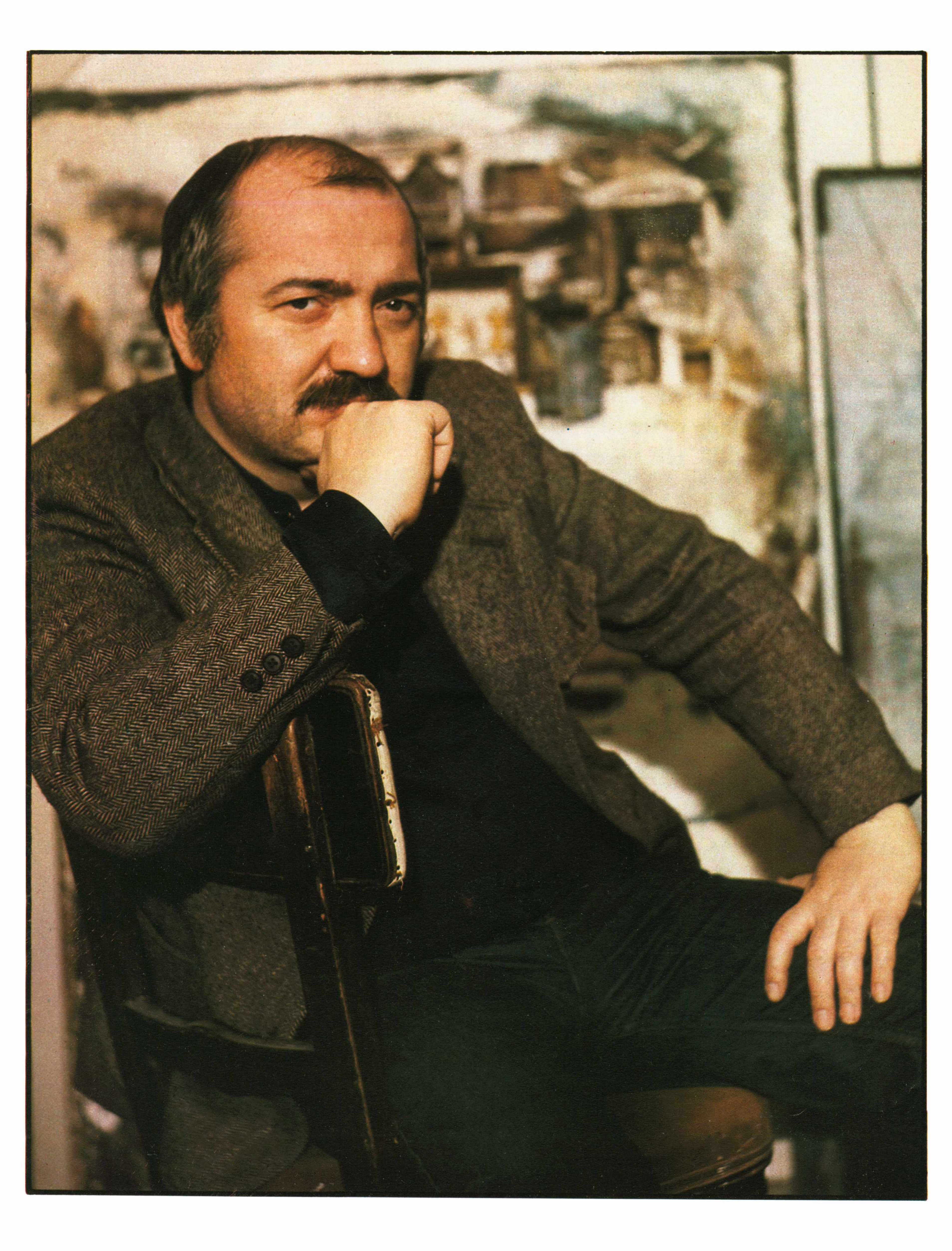
Похожие процессы, кстати, происходят и во взаимоотношениях театральной периферии и столиц. Сейчас в провинции возникают многие интересные явления, но все-таки те идеи, что существуют там в малом масштабе, перерабатываются столицей в лучшее качество и в этой обработке звучат сильнее и ярче.

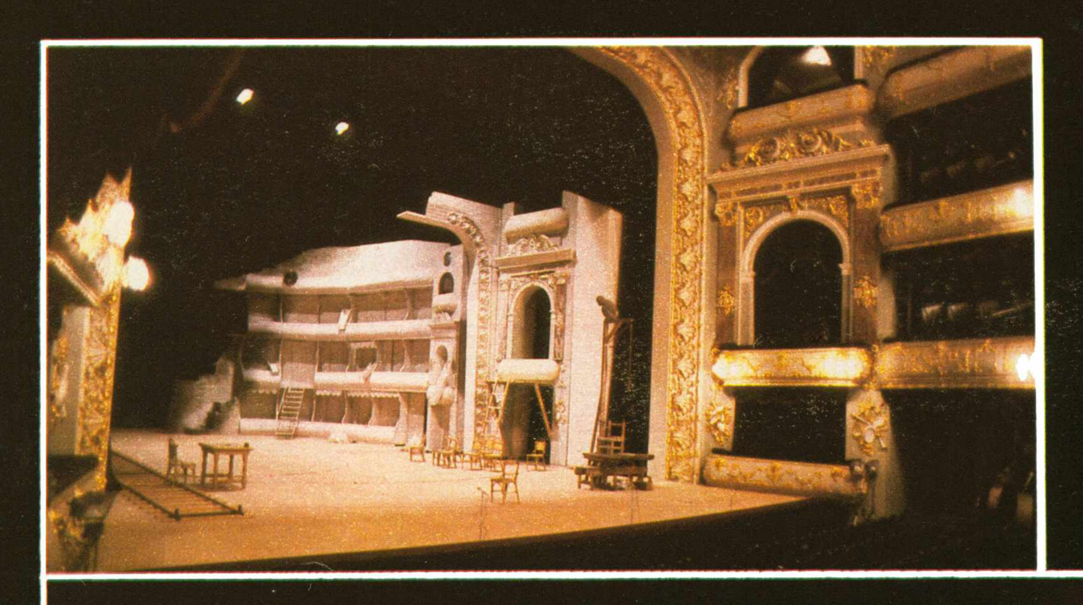
...Сегодня мы наконец начинаем избавляться от давящего груза стандартных, нечеловеческих отношений с искусством, освобождаться от ложных догм. Этот обнадеживающий процесс может привести к тому, что и театр будет решать актуальные проблемы по-своему, вне зависимости от штампов, на только ему свойственном языке.

Режиссер не может в отличие от писателя или художника работать один, в одиночестве. Но он обязательно должен найти внутри себя эту аналогию — уход от всего и всех, в себя. Иногда мне кажется, что несостоявшиеся спектакли — это специально задуманная неудача, подсознательно направленная на самоуничижение для того, чтобы остановиться, одуматься, прекратить заниматься суетою.

Поражение — это единственное лекарство от порчи. От успеха.

Фото Виктора БАЖЕНОВА

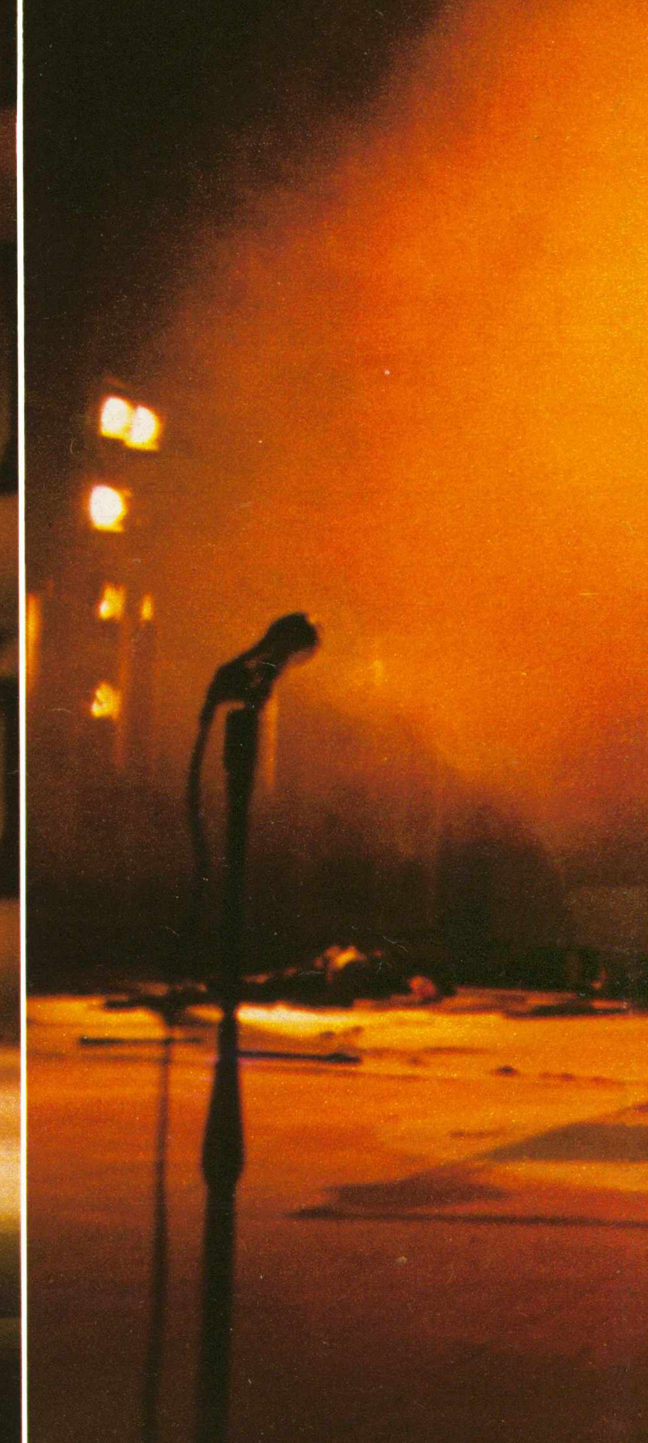
Раззолоченный интерьер театра переходит в декорацию спектакля «Король Лир». Реальный интерьер — в мир вымышленный. Вот только позолота там ободрана, что-то обвалилось, обрушилось, обнажился кирпич, кучи мусора и цемента...

Ремонт! Во дворце у Лира!

...В 1949 году Театр имени Ш. Руставели сгорел. Сам Акакий Хорава дал лично товарищу Сталину клятву-обещание восстановить за год. Клятву выполнил (поди, не выполни!). Замазали. Результат был хуже пожара. От последствий торопливого косметического ремонта страдали потом тридцать с лишним лет. Косметика сыпалась — дефекты обнажались. Обнажались и эффекты: в нижнем фойе проглядывали замазанные впопыхах авангардистские фрески.

В 1982-м театр закрылся на капитальный ремонт. Триумфально шел по странам и континентам «Ричард III». Роберт Стуруа думал о «Короле Лире», обещал премьеру в 1983, 84-м... За это

ПОКАЯНИЕ КОРОЛЯ

ЛИРА

время поставил несколько спектаклей, три оперы, а «Лира» все оттягивал, ссылаясь то на одно, то на другое. Вполне вероятно, Роберту Стуруа просто претила мысль играть «Короля Лира» в стандартно-железобетонном Дворце культуры. Это всего лишь догадка, но срок премьеры передвигался точно в соответствии со срывом очередного срока окончания ремонта.

Если присмотреться, на фотографии (в верхнем левом углу — видите?) — человечек. Кукла сидит на ярусе, печально свесив вниз голову и руки. Для меня это, несомненно, Роберт Стуруа, безнадежно взирающий на кучи известки и рабочих (или — на актеров?!).

Косметика. Скрывает она или обнажает? Лжет или говорит правду? Вот старшие дочки Лира до раздела королевства. Прически наискромнейшие, одежда монашеская, лица бесцветные — с первого взгляда ясно: бесстрастные тихони, пай-девочки. Но вот они получили власть — их не узнать. Буйные краски выявили буйство плоти, безудержная косметика — безудержность страстей. Ненакрашенное, так сказать, истинное лицо скрывало душу, косметика обнажила ее.

Лир и Глостер. Два старика со схожей судьбой. Один проклял любящую дочь, другой — любящего сына. И оба наказаны, и оба — детьми-предателями, и оба лишились всего.

Прозрение пришло слишком поздно. Глостер прозрел после того, как ему вырвали глаза. Настало время покаяния. Поняв, что погубил невинного сына, Глостер — Автандил Махарадзе хочет покончить с собой.

...Был единственный свободный день актера. Вчера — «Король Лир», завтра — отлет в Канны. Мы с Авто Махарадзе пришли в квартиру Авеля Аравидзе из «Покаяния». «Не переставлю ни одного стула, не перевешу ни одной фотографии!» — пообещал Тенгиз Абуладзе хозяйке реальной тбилисской квартиры. Когда-то она, пионерка, писала письма в Кремль: «Дорогой товарищ Сталин! Мой папа ни в чем не виноват...»

Вот рояль, на котором играл Авель за минуту до выстрела в комнате сына. Вот стол и стулья с головами драконов — здесь сидел Авель с друзьями, обсуждая, как упрятать в психушку строптивую женщину. Этот же стол казался нам гробом в финальной сцене покаяния, в сцене, где Авель страшным проклятием проклинает себя...

Снова и снова приходили невнятные, странно тревожащие мысли: реальная квартира перешла в фильм. Интерьер театра повторился в «Короле Лире». Женщина, которая в детстве однажды сидела на коленях того, кому она писала в Кремль, обнимает Авто Махарадзе, сыгравшего Варлама Аравидзе. Этот же актер — Глостер в «Короле Лире», а Лира играет Рамаз Чхиквадзе, сыгравший Сталина в фильме «Победа»...

Как связалось все это в жизни? Видимо, правда: мир — театр, люди — актеры. Жизнь, как заправский драматург, не стесняется говорить в рифму, не стыдится и самой банальной рифмы: любовь — кровь.

Любимый шут Лира. Нога его в крови — разбит большой палец. Надо бы поберечь его. Но шут снова и снова наступает на больное место. От этого походка болезненно подпрыгивающая, смешная, жалкая. Надо бы поберечь и Лира. Но шут снова и снова напоминает ему о злых дочерях и безвинно пострадавшей Корделии. Шут безжалостно и грубо наступает Лиру на окровавленную душу. Не дает забыть.

Лир любил шута и — убил его. Любил младшую дочь — и вот он волочит ее труп, зацепив крюком за шею. А мир рушится. Качаются стены, ползет желтый ядовитый дым. Распад.

Распалась связь времен,— страдал Гамлет.

Это правда.

Но вот театр, кино... но вот Искусство раз за разом восстанавливает эти бесценные для нас связи. Возвращает нам память, отбитую фальшивыми учебниками и ложью, возвращает зрение, ослепленное позолотой, и слух, которого нас лишали фанфары...

Так кто же печально смотрит вниз с балкона? Режиссер — создатель спектакля? Автор — создатель пьесы? Кто бы ни был, он с грустью взирает вниз. На нас, все еще столь далеких от совершенства.

...Вот смертельно усталый Лир потихоньку превращается в смертельно усталого Рамаза Чхиквадзе.

Сейчас к нему войдут создатели — режиссер Роберт Стуруа, композитор Гия Канчели. С ними мог бы быть и художник. Но Мириан Швелидзе не ходит в театр.

Александр МИНКИН

Фото Леонида ЗИНКЕВИЧА.

Татьяна ТРОИЦКАЯ

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДЕВОЧКИ!

ЧЕРЕЗ СОРОК ПЯТЬ ЛЕТ В УЛЬЯНОВСКЕ ВСТРЕТИЛИСЬ БЫВШИЕ КУРСАНТЫ УЧИЛИЩА СВЯЗИ. ПЕРВЫЙ ЖЕНСКИЙ ВЫПУСК.

В ту ночь 4 мая 1942 года я еще никого из девочек не знала. Может быть, мы и ехали на вокзал в одном трамвае из военкомата? Девочки с Челябинского тракторного и Кировского танкового, эвакуированного в Челябинск. Первые, кто тогда с завода ушел на фронт.

Я как сейчас помню: трамвай трясется, мама держит мой чемодан и горько плачет. Мы поем, смеемся. Я время от времени открываю чемодан, проверяю, лежат ли там подарки — флакон духов, на который я давно зарилась, красивая сумочка и маленький фонарик.

На вокзале нас повели в столовую, накормили, говорили напутственные речи. Там, в столовой, я познакомилась с Валей Герцен (Буршина). Она мне понравилась — она всем нравилась: высокая, красивая. С тех пор мы с ней не расставались...

Последние минуты прощания. И сейчас перед моими глазами лицо мамы — опрокинутое, отчаянное, все в слезах. Она бежит, бежит за вагоном, спотыкается, снова бежит... Тогда впервые стало страшно. А оно, страшное, еще только впереди. Впереди гибель товарищей, отступление в изюмских лесах, где мы чуть не угодили в плен. Беспрерывные бомбежки в Миллерове. И кровавый Балатон.

Ехали мы долго. На станциях по-страшному, в голос, нас оплакивали бабы. Мы тоже стали немножко жалеть себя, тем более что с едой было плохо и постепенно по дороге исчезали в обмен на хлеб кофточки, платьица, туфли. Я приехала в Ульяновск в «спортсменках». Поместили нас в бывшую конюшню, красное кирпичное здание. В огромном ее зале были сделаны трехэтажные нары.

— Конюшня подальше отсюда, не видно ее, а старые казармы снесли давно,— говорит Иван Иванович. Наш радушный хозяин по фамилии Школа. Начальник музея училища связи.

Мы — это первый военный девичий выпуск (ноябрь 1942 года) Ульяновского высшего военного командного училища связи имени Г. К. Орджоникидзе. За шесть месяцев нас учили на радисток, телеграфисток, телефонисток, а мальчиков — на стрелков-радистов. Сейчас приехали сюда всего тринадцать человек — те, кого удалось отыскать.

Иван Иванович пытается привлечь наше внимание к красивому парку, что вырос на территории училища, показывает новые казармы, заводит в музей, где, кстати, висит и наш общий снимок, да только от бесконечных пересъемок на нем решительно все похожи друг на друга... Но мы нетерпеливы и непременно хотим узнать: что же сталось с нашей «конюшней»? Не то чтобы мысль о ней рождала приятные воспоминания, но именно с нее мы начинали свою дорогу в войну...

О службе в армии мы имели представление самое приблизительное и легкомысленное. Мечтали о подвигах и, конечно, о славе. А предстояли жесткие военные будни. Подъем в 5.45 утра. Железная дисциплина и — учеба, учеба, учеба.

— Расскажите теперешним нашим курсантам о трудностях вашей военной учебы,— обращается к нам Иван Иванович.— А то они вон какие холеные, сытые. Иногда и в столовую обедать не идут — покупают булочки, пирожные, благо родители деньги шлют.

Иван Иванович добродушно смеется и кивает на курсанта, который бежит стометровку с полной солдатской укладкой, да еще и в противогазе.

Мы признаемся Ивану Ивановичу, что бывало чуть-чуть откручивали трубочку противогаза — дышали, но не дай бог старшина заметит!

Сейчас, вспоминая своих командиров, я даже жалею их. Ну каково было серьезному военному человеку управляться с девчонками! Как сейчас вижу растерянное лицо старшины, когда он зашел в нашу «конюшню», на трехъярусных нарах — ну, прямо цыганский табор! Мелькают яркие наряды, откуда-то полно цветов (принесли мальчики, те же курсанты), благоухает, как в парикмахерской, по стенам развешаны фотографии—вперемешку кавалеры, киноартисты, родные. Крик, шум. Кто-то пристроился гадать на картах... Никаких резонов сначала мы не признавали. Долго не могли отучиться от гражданских привычек считать себя девушками, а не солдатами. Постепенно, правда, подтягивались, но иногда по инерции «вступали в пререкания» с командирами. Интересовались подвить на бумажках волосы, брови накрасить, ножом ресницы загнуть. И вечно «одевались не по форме». Гимнастерки пообрезали, юбки укоротили до безобразия, а пилотки надевали только набок.

Ну, и за это, конечно, нас наказывали. «Три наряда вне очереди» — сколько их было, пока не научились быть настоящими солдатами!

Пять нарядов вне очереди я получила за Есенина. В толстую тетрадь, которую привезла из дома, со школьных времен я выписывала стихи. Был там и Есенин. Иногда, в редкий свободный час, лежа на нарах, я читала их девчонкам. Во время очередного «чтения вслух» в дверях казармы появился ротный. Он постоял, послушал. Что-то ему, видно, не понравилось.

— Встать! Стройся! Смирно! — скомандовал он.— Что за стихи?

Я ответила.

— Два шага вперед! — Лицо ротного стало грозным.— Так... Запрещенные стихи читаете? Пять нарядов вне очереди.

Так и пропала моя тетрадь. Наряды что? К тому времени мальчишки научили нас мыть одним ведром воды все казармы... Что было тяжко, так все время «строй» и... «запевай!». А кому охота петь на голодный желудок, да еще ранним утром. Бывало, раз пять вокруг столовой старшина обведет, прежде чем кто-либо уже в полном отчаянии не затянет: «Ох, вы не вейтеся черные (или русые) кудри, да над моею больной головой...»

Трудно нам было привыкать к военным порядкам. И мы, глупые, зеленые, мечтали — скорее на фронт! Там не будет муштры, там мы сумеем проявить себя и, конечно же, станем героями.

Мы и в самом деле довольно сносно и быстро, быстрее мальчиков, научились работать на ключе, скрупулезно ремонтировали телефоны и освоили азбуку Морзе.

Классной радисткой стала Галка Лыкова. Мы с ней служили в одной части на 3-м Украинском фронте до самого конца войны, которую закончили в маленьком австрийском городке Эбенфурте.

Нину Осаркову (Малая) не видела сорок пять лет. Она воевала на 2-м Украинском. Была телефонисткой.

Аня Боякова (Антонычева) 4 декабря 1942 года из училища попала под Сталинград.

— Меня приписали к 1-му бомбардировочному авиакорпусу,— рассказывает Аня.— Был в его составе и женский полк. Приказ получат, кто-то уже кричит: «Ну, бабоньки, полетели!» А бабонькам-то этим еще и двадцати лет нет!

Мы перебираем старые фотографии.

— А ведь правильно нас старшина ругал,— неожиданно восклицает Лиля Чурашова (Лиля была радисткой, служила на 3-м Украинском).— Смотрите-ка, на фотографии кто в шинели офицерской, а вон она в платье из «фрицевской» шинели, да еще и без погон. А Валя Буршина и вовсе в лётном шлеме...

Впрочем, в этом шлеме мы фотографировались все по очереди. Валя выменяла его у бабки за свое модное пальто да прихватила еще буханку хлеба. Принесла в казарму, и ночью все отлично поужинали — дежурил в столовой в тот день «дружеский» взвод, и в котелки была наложена вдоволь «шрапнель», которую для маскировки заливали супом.

А вот Шура Кокорина не в пример многим сразу стала образцовой и дисциплинированной. Вместе с ней дошли мы до Запорожья. Как-то вызвали ее в политотдел и предложили работать в тылу врага. Шура согласилась. И стала она радисткой партизанского отряда — всю войну работала на рации.

Миля Антонова (Морозова), Лена Копылова, Оля Гнатюк, Маша Игольникова, Наташа Якушева (Кочеткова), Клава Лощенова... Мои девочки из другой жизни.

Торжественное собрание. А после курсантский концерт. Мы важно расположились в первом ряду и смотрим, как ребята танцуют, слушаем, как они читают стихи и поют песни. Но мыслями мы на «своем» концерте, в сорок втором году... Так же сидели мы, конечно, не в первом ряду, но в этом же самом зале — клуб, сказали нам, сохранился с тех самых пор,— мои сверстники тоже танцевали, читали стихи и пели. Концерт был в честь 25-й годовщины Октябрьской революции.

К 7 ноября мы фактически закончили учиться. И в честь праздника должны были участвовать в городском военном параде. Нас готовили к нему — гоняли «строевым», который, ну, никак нам не давался. «Балерины!» — сердился старшина и заставлял за ошибки: «По-о-о пла-а-стунски!» И все же научились мы ходить этим растреклятым «гусиным шагом». «Его немцы выдумали. Точно!» — объяснили нам мальчишки. Даже красиво в конце концов получилось. Но... Когда нас выстроили и прибыл командующий, увидел он нас в беленьких носочках (а было уже холодно), в замызганных коротеньких гимнастерках, в стиранных-перестиранных сатиновых юбочках...

— Отставить,— горестно сказал он и махнул рукой.

Новое обмундирование нам выдали 19 ноября и отправили под Сталинград.

...Мы идем по Ульяновской набережной Волги. Дни выдались солнечные, жаркие. Город зеленый, цветут, заливая белым цветом, вишневые и яблоневые сады. Хорошо. Уютно. Идем нарядные, гордые, при орденах и медалях.

— Девочки, здравствуйте! — кричит нам женщина в белом халате, что продает в палатке квас. А сама утирает слезы: — Где воевали? Я — на 2-м Белорусском...

АФГАНИСТАН: ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

ВСТРЕТИМСЯ У ТРЕХ ЖУРАВЛЕЙ

Артем БОРОВИК.
Фото автора

Банды в горах с хрустящими названиями по-прежнему ведут бой. Но мы прошли километров семнадцать, а если учесть, что приходилось все время петлять, тогда и все двадцать — двадцать три. Поэтому стрельба и взрывы хотя приглушенно, но уже слышны. Луна теперь такая яркая, что видно, как по пустыне ползают тени от облаков. Беспорядочно кружатся мотыльки, тщась долететь до нее.

Короткий отдых. Все пятьдесят мгновенно садятся. На языке санинструктора Сан Саныча это называется «принять лунявую ванну». Пять-шесть человек отходят в сторону по нужде и стоят, как изваяния. Через три минуты мы опять на ногах, опять идем. Точно так же солдат ходил и три тысячи лет тому назад. С той лишь разницей, что вместо автомата у него в руках был меч или копье. Похоже, минует еще столько же времени, но основным транспортом солдата по-прежнему останутся его две ноги: когда-то в сандалиях, потом в сапогах, а теперь вот в кроссовках. Что придет на смену им?

Появились сопки. Вон их подковообразная цепь. Мы взбираемся на нее, занимая все господствующие вершины. Тут принцип такой: кто залез выше, тот и победил. Сразу же начинаем строить бойницы. Камней почти нет, поэтому приходится бегать вниз, к «зеленке»: там, в русле иссохшей речки, их целое скопище. На каждую бойницу, или, по-военному, стационарный пункт для стрельбы (СПС), уходит по 25—30 массивных булыжников-валунов. Соседняя сопка на «пятидесятке» обозначена цифрой 642. Там располагается левый фланг прикрытия. На сопке 685 — ее правый фланг. Мы — посередине. Капитан Козлов со своей группой прочесывает «зеленку» внизу. Движение банды предполагается именно по пересохшему руслу реки Хвар, отделяющей сопки от растительности. В ночной бинокль можно разглядеть несколько «духовских» бойниц для стрельбы, но к ним лучше не подходить: обычно они заминированы.

Дно нашего эспеэса мы с Джаббаровым устилаем плащ-палатками: к часу ночи земля уже остыла, да и вообще становится все холоднее — почки или мочевой пузырь желательно не застудить. Мы ложимся и укрепляем в бойнице автоматы. Рюкзак теперь можно сбросить со спины. Он на четверть промок от пота и стал еще тяжелее. В соседнем эспеэсе обосновался Жерелин с радистом. Он держит связь с Козловым:

— «Диспут», «Диспут», я — «Комета», как слышишь, прием...— Жерелин говорит тихим, но четким голосом.

Подул с гор ветер, и теперь уже по-настоящему холодно. Промокшая куртка затвердевает, и поверх приходится натягивать «пакистанку». Впрочем, она мало помогает. Каска, которую на меня для страховки надели еще в батальоне, теперь трясется, точно шлем шахтера, работающего отбойным пневматическим молотком. Я снимаю ее, чтобы эта кастрюля своим дробным лязгом не выдала засаду. Спасает бронетюфяк: за время перехода по степи его титановые пластины прогрелись, и теперь чувствуешь себя в нем, как в остывающем термосе.

От резкого перепада температур горло начинает слегка першить. Теперь, помимо свободы пить, у меня отнимают еще одну — свободу кашлянуть. Это запрещено пуще первого. Какая-то сплошная диктатура.

Говорить тоже нельзя: общаемся жестами и шепотом. О куреве немыслимо и помечтать: даже если ты ладонями прикроешь огонек, «дух» все равно увидит его слабое сияние сквозь твои руки через прибор ночного видения. Впрочем, душманы обходятся иногда и без биноклей. У нас-то их семь штук на группу. Один болтается на моей шее. Он дарит способность если не к яснослышанию, то уж к ясновидению точно. И хотя батарейки еще не успели сесть, способность эту надо использовать экономно. И все же я гляжу в него ежеминутно: таков приказ Жерелина. Надо наблюдать за руслом внизу. Бинокль окрашивает все окрест в светло-зеленый цвет: зеленая луна, зеленое лицо Скляра, зеленый кишлак вдали. Линзы дают мощное увеличение, и видны две человеческие фигурки на одной из его улочек. Я говорю об этом Джаббарову.

— Там склад с боеприпасами той банды, что сейчас к нам направляется. «Духи» заночуют в кишлаке, днем превратятся в местных крестьян, а завтрашней ночью потопают на диверсию. Днем эти кишлаки наши, а ночью — «их». В этом вся штука. Там уже знают...— Владик махнул в ту сторону, где виднелись зеленые фигурки, не подозревавшие, что на расстоянии в четыре километра сквозь толщу непроглядной тьмы за ними пристально наблюдают две пары глаз — джаббаровских и моих.

— Что знают? — шепотом спросил я.

— Знают, что банда идет, и ждут ее,— прохрипел Владик.

...Потом вдруг стихли все звуки — исчезли вообще. Словно кто-то повернул до нулевой отметки регулятор громкости. Так бывает, когда скрипач уже оторвал смычок от струн, а в зале еще одно мгновение парит, иссякая, звук. Какая-то звенящая нота, меркнущая уже не вовне, а внутри тебя,— слабый отзвук отгромыхавшего и отлязгавшего гусеницами дня.

Казалось, война на время забыла про наш отряд.

Но я лежал и кожей понимал, что тишина столь же обманчива, сколь и мои предчувствия. Я знал, что на нас движется еще пока не слышимая банда, час назад вышедшая из кровопролитного боя в горах. Что другие повстанческие отряды, малые и большие, притаились в таких же засадах, как эта. А иные минируют подступы к укрепрайонам или горные тропы. И весь отряд ощущал себя, словно в чертовой карусели, когда думаешь, что гонишься за тем, кто впереди, а он полагает, что гонится за тобой. Но такая тишина не успокаивала и не дарила отдыха, а изнуряла посильнее иного боя.

Я напрочь выключил слух и почувствовал, что куда-то проваливаюсь. В голове еще звучали невнятные отголоски дня, но внезапно они стали сном, коротким, но битком набитым людьми и бронетранспортерами. Разговоров во сне почти нет. Одни действия. Впрочем, как и на всамделишной войне. Снится, что летишь на «спарке» и вот надо катапультироваться, но в ту секунду, когда откидывается назад фонарь, вдруг с ужасом вспоминаешь, что нет парашюта. (В это мгновение на лбу спящего проступит холодный пот.) ...Или что твой БТР заглох и по нему из «зеленки» прямой наводкой лупит из РПГ «дух». Проснувшись, ты будешь подсознательно стремиться ездить на БТР-70: у него два движка, и если первый заглохнет, второй вытянет. Так что сны определяют не только сознание, но и бытие.

Сквозь мимолетную дрему я слышу знакомый мотив. Открываю глаза: это электронные часы Скляра пищат из соседней бойницы. Он приобрел их в дукане: вместо тривиального пиликанья они ежечасно играют коротенькую мелодию из кинофильма «Мужчина и женщина». Приятно и невероятно странно слышать ее здесь, в ночной засаде. Закрываю глаза, сквозь дрему вспоминаю, как смотрел эту картину в маленьком ловозерском кинотеатрике у саами на Кольском полуострове. Вокруг лежала немая тундра, бродили по ней стада оленей, а от одиноких остроконечных чумов тянулись в небо тонкие струи голубого дыма. Говорят, французы сделали сейчас, двадцать лет спустя, вторую серию фильма с теми же актерами. Что это — попытка вернуться в свою молодость? Или ностальгия мира по «шестидесятым»? И вообще где я? В кольской тундре? Мчусь вместе с Трентиньяном по трассе Париж — Дакар? Или мерзну в степи Таррака в пятнадцати километрах от афгано-пакистанской границы?

...Скляру все же удается заставить часы молчать. Точно такие же я видел на руке Питера Арнетта. Интересное совпадение. Второе совпадение заключается в том, что Питер незадолго до меня прошел вот по этому самому руслу реки, которое я после короткого пятиминутного сна опять внимательно разглядываю через бинокль. Но, естественно, не с отрядом афганских или советских десантников, а с бандой душманов. Они пересекли степь, простирающуюся за моей спи-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 28, 29.

ной, и вышли к Джелалабаду. Потом опять вернулись в Пакистан. Я вспоминаю, как встретился с Питером в его московском корпункте, и попросил подробно рассказать о нелегальном странствии по Афганистану. История, поведанная им, хорошо отпечаталась в моей памяти.

Арнетту уже за пятьдесят. И я, проследовав за ним в его кабинет, заваленный газетами, еще подивился, как это он одолел столь длительный пеший переход по афганским горам и степям.

Я положил бинокль на плащ-палатку и, ослабив шнуровку «кимр» на стертых ногах, подумал, что мне, хотя я и младше Арнетта в два с гаком раза, ночной марш по степи дался отнюдь не так легко, как предполагал ранее. Видимо, вспомнил я, ему здорово помогла закалка, приобретенная за годы журналистской работы во Вьетнаме, Ливане и Сальвадоре.

— Из стран Центральной Америки вы были только в Сальвадоре? — спросил я, когда мы сели за журнальный столик.

— И в Никарагуа тоже.— Он сделал глоток газировки.

— Когда? — спросил я.

— Зимой 85-го.

— Странно, что мы разминулись: я был там в то же время.

Я опять поглядел на речное русло и представил, как шумит в нем вода, когда идут обильные дожди или тает снег в горах. Сейчас река была мертва и молча извивалась между сопками. «Никарагуа,— подумал я,— это третье совпадение».

— Вы там были с «контрас» или с сандинистами?

— И с теми, и с другими,— ответил он.

Я рассказал Арнетту про знаменитый случай с Джоном Лантигуа, корреспондентом «Вашингтон пост», ставший коронной байкой репортеров зарубежного пресс-корпуса в Манагуа. Джон Лантигуа поехал вместе с группой аккредитованных журналистов на БТРе по направлению к границе с Гондурасом. Там их обстреляли «контрас». Перепугавшийся Лантигуа начал орать что было мо́чи сквозь щель для стрельбы на всю сьерру: «Ради бога, прекратите огонь: здесь свои!» Чем себя и выдал. Точнее, свои идеологические позиции.

— Позиции американского журнализма,— заметил Арнетт,— позволяют нам заглядывать по разные стороны баррикады. Эти позиции обеспечивают нам свободу мысли.

— Послушайте, Питер, времени у нас с вами мало, а путь из Пакистана в Афганистан и обратно вы проделали немалый, так что давайте перенесемся от «контрас» к душманам. Как они вас встретили? Не опорочил ли первозданную невинность мусульманского Востока тлетворный дух Запада в вашем лице? Бьюсь об заклад, но вискито вы научили их пить, а?

Арнетт рассмеялся и начал свой рассказ:

— Нас было двое: Эд Хили, фотограф из Далласа, и я, представлявший журнал «Пэрейд». Мы шли с группой повстанцев по освещенной луной тропинке. Полы их длинных хлопчатобумажных халатов раздувал ветер. На мне тоже был халат и соответственно чалма, дабы мой облик чужестранца с Запада, как ты сказал, не бросался в глаза. Однако в непривычной одежде тем более было трудно идти. Мы тайком перешли границу с Афганистаном в месте, которое я тебе не назову, и продолжали двигаться по каменистым горным тропам, ведшим в облака. Порой приходилось карабкаться по отвесным скалам...

Я глянул на него: интересно, как это тебе удавалось?

В английском языке нет разницы между «ты» и «вы», однако каждый из нас чувствовал, что мы перешли на «ты». Быть может, нас сблизил Афганистан?

— Мы спускались по иссохшим руслам рек,— продолжал Арнетт,— а однажды я чуть не вывихнул себе колено. Проводниками нам служили полдюжины повстанцев, называвших себя моджахедами. Они вели нас к отряду, базировавшемуся в горах рядом с Джелалабадом. И вели, признаюсь, быстро. Наши жалобы на непомерный темп никем не учитывались: в противном случае грозила опасность оказаться днем на открытой местности. Попадаться же на глаза экипажу вашего боевого вертолета никто из нас, прямо скажу, не жаждал...

Арнетт вытер салфеткой выступивший на лысине пот.

Я перещелкнул автомат на автоматическую стрельбу.

Арнетт сделал очередной глоток воды и сказал:

— Вскоре мы вошли в маленький кишлак. Я спросил проводников, не рискуем ли мы нарваться здесь на советский военный патруль. Они только рассмеялись: по их словам, ночью деревня принадлежит моджахедам. Опять вспомнились годы работы во Вьетнаме во время войны, когда я находился при вооруженных силах Соединенных Штатов. Там деревни всегда по ночам принадлежали Вьетконгу... Мы вышли в маленькую живописную долину, когда уже встало солнце и в небе закружили первые советские вертолеты. Честно говоря, мы с Эдом прибыли в Афганистан выяснить, выиграете ли вы свою первую после 1945 года настоящую войну...

— Как же ты не побоялся пересечь нелегально границу? — спросил я.

— Конечно, кто-то может сказать, что, нелегально перейдя границу, мы преступили закон. Но подобное нарушение закона едва ли что значит в стране, где идет война. Западным журналистам вроде нас с Эдом, решившим писать о повстанцах, и впрямь предстояло пройти рискованный путь — вначале найти в районе пакистанской границы высшее командование душманов, а потом получить их согласие на долгий поход внутрь Афганистана.

— С кем, интересно, вы встречались в Пакистане? И где? Или это «топ си́крет»?

— Это,— улыбнулся он,— «топ сикрет». Я знал, что исход войны в Афганистане серьезно повлияет на судьбы нашей планеты, и поэтому я пришел туда. Я, видишь ли, хотел узнать правду. Тем более мир ничего не знает о происходящих там событиях. Это еще одна «неизвестная война». Ведь у повстанцев нет радио, чтобы они могли сообщать информацию о себе. У многих и оружие было древним — допотопные ружья Эйнфельда с затвором, старые автоматы, были и точные копии «Калашникова», сработанные деревенскими умельцами-оружейниками. А ваш полный набор боевой мощи в Афганистане налицо. Когда советский истребитель летит над горами, выискивая цель, повстанцы лишь могут спрятаться за валунами или же слиться с землей при помощи своих грубых халатов... Путешествуя по Афганистану, я всегда помнил о вьетнамской войне. И я искал общее между этой и той войной, такой гибельной для Америки. Я освещал Вьетнам в течение десяти лет, и аналогии с Афганистаном были очевидны. Однако мой статус здесь и во Вьетнаме был совершенно различен. Ведь сейчас я был с повстанцами, с теми, кого преследовали. Партизаны, правда, отрицали всякую аналогию с Вьетнамом. «Мы черпаем нашу силу из веры в Аллаха»,— говорили они мне. В Афганистане ранение партизана в голову, грудь или живот означает почти верную смерть. Попадание в конечность означает гангрену и в конечном счете ампутацию.

Арнетт допил кофе, поставил чашку на блюдце донышком вверх и стал ждать, когда стечет жижа.

— Хочешь погадать,— спросил я,— на какую еще войну забросит тебя судьба в лице главного редактора?

— Нет, мне значительно интересней узнать, опубликует ли «Огонек» нашу сегодняшнюю беседу. Если рискнете, это станет моим вкладом в вашу кампанию гласности.

— Чего вы все так печетесь о нашей гласности? Пекитесь о своей. Кстати, чем закончилась ваша афганская эпопея?

— В один прекрасный день мы покинули наших хозяев,— ответил Арнетт,— так и не увидев ни одной вашей автоколонны. Война все время дразнила нас своей близостью и недосягаемостью. Пересекли потом Кунар на резиновых плотах. Эд Хили свалился в бурлящий поток и измочил все фотокамеры, правда, сумел при этом героически спасти фотопленки. Вот и все.

...Все-таки, думал я, глядя в бинокль, я правильно сделал, что не стал с ним тогда спорить. Он увидел свой Афганистан, я — свой. Спор вообще одно из самых бессмысленных занятий в жизни человека. Спор рождает не столько истину, сколько ненависть. Тем более если в словесной дуэли участвуют люди, стремящиеся не понять друг друга, а еще сильнее укрепить свои изначальные позиции. Арнетт в свои пятьдесят занятые им позиции сдавать не собирается. И, уж конечно, вряд ли хочет перебраться в мои. Прощаться в зрелости со своими убеждениями, которые окостенели в тебе, как отложения солей, весьма трудно. Это все равно что съезжать на старости лет из дома, в котором ты родился, вырос и жил вплоть до последнего дня.

Конечно, почти каждая арнеттовская фраза вызывала внутри ответную реакцию и неудержимое желание вступить в спор. Аналогия с Вьетнамом не работала хотя бы уж потому, что Вьетнам, расположившийся за тысячи километров от Америки, никогда не обстреливал городов Флориды, Калифорнии или Новой Англии. Несколько дней назад я побывал в Пяндже и до сих пор помню ту страшную черную дыру, что образовалась в маленьком таджикском домике с черепичной крышей после гибели Зайнидина Норова.

Америку во Вьетнам никто не звал. Афганское же руководство просило нас о помощи тринадцать раз, прежде чем мы решились ее предоставить... Но вот я и втянулся в спор, а делать этого нет никакого желания. Тем более задним числом.

Джаббаров развернул спальник. Он натянул его на ноги, а поверх — еще и рюкзак: так теплее. По крайней мере кажется, что теплее. Я последовал его примеру. Скляр в соседнем эспэсэ громыхнул какой-то железякой. Скорее всего консервной банкой.

Повстанцы жаловались Арнетту, что Америка о них забыла. Неужели Питер верит в то, что говорит? Америка забыла Вьетнам, но уж что-что, а про Афганистан она помнит, поставляя наисовременнейшее оружие душманам. В Южном Баглане я видел трофеи «духов», медицинское оборудование и лекарства в подземном госпитале-крепости, своими руками трогал японские портативные рации, по которым бандиты переговаривались за час до падения последней городской улицы. Еще тогда я подумал: не всякая регулярная армия оснащена сегодня так, как повстанческие отряды душманов. На аэродроме мне показали советский вертолет, подбитый днем раньше «Стингером», а этот ПЗРК — последний крик военной «моды», диктуемой миру из США. Арнетт говорил об убежденности повстанцев в правоте своего дела, о несокрушимой вере в Аллаха. Но на допросах пленных «духов» я неизменно наблюдал обратное: они моментально отрекались, предавая анафеме то, о чем так страстно говорили вдруг пожелавшему стать наивным Арнетту. Америка покупает эту «веру». Не было бы долларов, не было бы и войны. Америка готова давать бандитам миллионы, лишь бы продолжался конфликт, лишь бы мы оставались в Афганистане. Америка купила себе эту войну, как она привыкла покупать вообще все. Арнетт был для «духов» представителем этой самой Америки, на деньги которой они воюют, живут и прожигают жизнь в Пешаваре в промежутках между боевыми операциями. Они, естественно, из кожи лезли вон, чтобы предстать в глазах Питера и Эда Хили убежденными «воинами Аллаха». Что же касается самих американских журналистов, любящих «нелегалами» странствовать по афганской земле, то после командировки в ДРА у меня сложилось совершенно определенное мнение о них. Особенно после того, как я просмотрел в МГБ трофейную видеопленку, отснятую одним из них. На кассете была детально, со смакованием самых жестоких и отвратительных подробностей заснята пытка советского военнопленного. Попадись мне тогда тот тележурналист...

— О чем задумался? — спрашивает Джаббаров.

— Уже три, а банды все нет.

По камням эспэсэа упорно, как трактор, карабкается скорпион.

— Не бойсь,— угадывает мои мысли Джаббаров,— пока они не очень ядовиты.

Но на всякий случай Владик нейтрализует гада прикладом.

Очень далеко, почти у самого горизонта, белеют снежные пики гор.

— Когда-нибудь после войны,— мечтает Владик,— они устроят там горнолыжный курорт, и мы с тобой приедем покататься по местам былых боев... Ничего, а?

— Да пусть они хоть десять фуникулерных ниток там натянут,— мрачно шепчет улегшийся между нами Скляр,— я сюда больше ни ногой! Давайте-ка лучше встречаться в Союзе. Скажем, у скульптуры трех журавлей в Ташкенте. Идет?

— «Духи»! — вдруг хрипло шепчет Жерелин.

Капелька пота скатывается по ложбинке позвоночника, точно ручеек по дну ущелья.

Я гляжу в бинокль: вдали по руслу в быстром темпе идут человек двадцать. Все вооружены. Чем конкретно, пока не разобрать.

Теперь мы тише тишины. Лишь Жерелин что-то чеканит по рации Козлову.

Даем банде приблизиться к нам на минимальное расстояние. Нервы на пределе. Козлов перекрывает русло позади них и тем самым запирает кольцо. Если «духи» ринутся в «зеленку», напорются на наших. Если попытаются проскочить между сопок, мы окажем полагающийся им прием.

Внизу начинается отчаянная стрельба. Мелькают десятки одиночных и длинных прерывистых вспышек. Человек десять из банды бросаются врассыпную к правому берегу реки. Несколько фигурок падает. Пять или шесть душманов залегли, спрятавшись за валуны. Через мгновение они открывают огонь по сопкам, прикрывая тех, что прорываются промеж нашей и соседней высот. Слева и справа грохочут автоматы Скляра и Джаббарова. Они бьют по трем «духам», пытающимся зайти в тыл нашему левому флангу.

Ночь рвется и трещит. Трассеры исполосовали мглу. Несколько зажигательных пуль ложатся слева от жерелинского эспэсэа, и колючка мгновенно вспыхивает. Там только радист. Сам Жерелин мечется между бойницами.

Внизу, со стороны русла, стрельба прекращается: Козлов, похоже, загасил все огневые точки.

Такое впечатление, что над «зеленкой» кто-то натянул красные и желтые провода. Там еще отстреливаются три «духа». Но вскоре провода гаснут. Больше их нет.

Бой длился минут десять.

Автоматы раскалены, и капельки пота, падая на железо, шипят. Все вроде как и прежде. Только на небе еще сильнее побледнела луна.

В этот момент слева опять вспыхивает стрельба: два «духа» залегли на тыльной стороне сопки. С вершины по ним ведет ответный огонь левый фланг жерелинской группы. Кто-то на секунду высовывается из-за бойницы, и рука что-то с силой бросает вниз. Яркая вспышка и одновременно взрыв. Осколки со звоном ударяются о камни. Стрельба прекратилась. Через мгновение еще одна граната взрывается в том же месте. Это — на всякий случай.

С минуту мы молча лежим в своих каменных подковообразных бойницах.

Видимо, все. И уже окончательно.

В голове почему-то пульсирует странная мысль. Что ты только что делал, стреляя из автомата по «духам»,— оборонялся или все-таки атаковал? Хотел ли ты уничтожить его или защитить свою жизнь? Спросив об этом «духа», ты вряд ли получил бы ясный ответ. Даже если бы «дух» был жив.

Джаббаров еще раз дает длинную очередь в темноту, как бы спрашивая: «Эй! Есть там кто или нет?» Ему отвечает сильное, раскатистое эхо. Но с таким опозданием, что его можно принять за ответный огонь.

В центре русла близ гладкого, блестевшего на солнце бокастого валуна лежал, подтянув колени к подбородку, один из тех двадцати, что завтра на рассвете собирались обстрелять эрэсами наш аэродром. Почему-то вспомнился Владыкин. Как он легкой трусцой бежал к своему вертолету вдоль раскаленной солнцем взлетно-посадочной полосы.

Кого убил бы завтра этот человек, сейчас беспомощно лежавший у моих «кимр», если бы сегодня не убили его мы? Глаза афганца были открыты и смотрели удивленно в небо. Точно он хотел о чем-то спросить, но не мог. Узкий смуглый лоб еще покрывали мелкие капельки пота. Каждая из них блестела в свете луны. Теперь она стала похожа на лампу дневного света в морге.

Грудь другого была мелко вытатуирована сорок восьмой сурой из Корана. Он полагал, что это сделает его неуязвимым. Сквозь разорванную рубаху видны начальные строки суры. Позже я узнал их перевод:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Мы даровали тебе явную победу,

чтобы Аллах простил тебе то, что предшествовало из твоих грехов и что было позже, и чтобы завершил Свою милость тебе и повел тебя прямым путем,

и чтобы помог тебе Аллах великой помощью.

Он — тот, который низвел сакину в сердца верующих, чтобы они увеличили веру с их верой; Аллаху принадлежат воинства небес и земли; Аллах знающ, мудр!..»

«Аллах не помог»,— подумал я.

За пазухой у него лежала здоровенная фляга. Удобная вещь: в крышку вмонтирован клапан, и чай можно разогревать на костре прямо в ней. Кроме того, фляга вмещает пять солдатских кружек воды. Теперь она тебе вряд ли понадобится.

Говорят, если моджахед умер лицом к земле, значит, в жизни он много грешил. Третий душман лежал, уткнувшись лицом в гальку. Падая, он неловко подломил под себя правую руку, и, казалось, что ему очень неудобно вот так лежать. Левой он держал автомат, и, чтобы вытащить его, пришлось разжать пальцы. Пуля вошла ему в кадык навылет, и кровь медленно тонким ручейком текла вниз по сухому руслу. В правом кармане его «пакистанки» лежал целлофановый пакет с изюмом и грецкими орехами.

Взвалив на плечи все трофейное оружие, мы поднялись опять на сопку. Солдаты расселись по своим эспесэсам и молча вытаскивали из рюкзаков сухпайки. Мы с Джаббаровым перешли в бойницу к Скляру. Он уже вскрыл две банки с колбасным фаршем. От суточной щетины щеки и подбородки наши стали сизо-серыми, как чешуя на рыбьем брюхе.

Только сейчас я понял, как проголодался. Джаббаров ловко намазывал сгущенку на галеты и отправлял их поочередно в рот. Я сделал несколько глотков из трофейной фляги, по горлышко заполненной крепким зеленым чаем. Он оказался чуть солоноватым на вкус.

Минут через пятнадцать мы уже шли по степи в обратном направлении, вытянувшись в длинную цепь, двигаясь навстречу броне. Около часа я шагал на автопилоте, не думая ни о чем, и иногда казалось, что сплю. Потом, когда в бесконечной утробе ночи почувствовалось зарождение нового дня, мысль опять внезапно заработала. Если бы «духов» в банде оказалось больше, бой мог бы затянуться. Нам, конечно, повезло еще и потому, что перед этим их отряд ввязался в длительную перестрелку с другой бандой. Сколько людей они оставили в горах? Потом я вспомнил про Арнетта. Что произошло бы, если бы он путешествовал по Афганистану не тогда, а сегодня ночью? Встрететься мы здесь, в степи, а не в его московском корпункте, наш разговор пошел бы совсем в ином ключе. «По разные стороны баррикады» — так, кажется, он сказал. Да, Питер, в данном случае ты прав. Тогда в Москве мне показалось, что Афганистан нас в чем-то объединяет. Но сегодня ночью он пролег между нами пропастью...

Если дневной Кабул однолик и прозрачен, то вечером он полон таинственного очарования. И опасность лишь усиливает это ощущение. Я вглядывался в усталое, едва освещенное лицо города, трясясь на заднем сиденье «уазика», который мчал меня из аэродрома к нашей торгпредовской гостинице. Рядом сидел мужчина в штатском, тоже с утомленным лицом, покрытым частой сеточкой красных сосудов и обрамленным жесткой седой бородкой. Высокий лоб его был рассечен на равные части несколькими глубокими горизонтальными морщинами. Я познакомился с ним неделю назад в самолете, выполнявшем рейс Кабул — Кундуз. Это был редкого ума человек, заведовавший кафедрой одного из московских вузов. Опершись локтями о колени, он смотрел вперед на дорогу.

Слева и справа уносились назад электрические пятна дуканов. Они ломились от обилия товаров, сделанных практически во всех странах мира. Здесь принималась любая валюта, кроме разве что монгольских тугриков. Купить там можно было все. Порой даже казалось, что попроси ты лавочника потехи ради широкофюзеляжный «боинг-747», он хитро улыбнется и вытащит из-под полы эту двухэтажную громадину. И еще подмигнет: «Командор, большой-большой скидка только тебя!»

Полковник Валерий Павлович Заломин.

Когда машина наша останавливалась, пропуская на перекрестках другой транспорт, можно было увидеть в магазинчиках, залитых желтым светом, новенькие «Шарпы» в целлофановых упаковках. Разглядывая их, я не переставал поражаться тому, как новейшая техника и родоплеменное сознание торговца сепаратно сосуществовали в маленькой лавке площадью всего в два-три квадратных метра, не проникая друг в друга. Оказывается, можно носить на запястье «Сэйко» с жидкими кристаллами, но самому быть носителем дофеодальной психологии. Вспомнилось, как Ниматулла, афганский летчик-истребитель, усмехнулся однажды: «Да, я летаю на сверхзвуковом, но жена моя носит чадру».

Днем дуканщики прятались от жары в мрачной глубине своих магазинчиков. И там, в чреве многочисленных лавок, горели десятки пар их зеленых и голубых глаз, точно звездочки в ночном небе.

— Помните,— вдруг спросил мой сосед,— суру под названием «Ночь»?

— Грешен,— признался я,— плохо знаю Коран.

— «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Клянусь ночью, когда она покрывает...» Я это к тому,— он поскреб пальцем переносицу,— что есть вещи, которые можно постичь лишь ночью.

Странно было слышать это из его уст. Днем он всегда прятался за броню холодной веселости. Но теперь от нее не осталось и следа.

— Да,— ответил я,— ночью, как ни странно, видишь дальше и глубже.

— Негоже человеку понимать слишком многое. И заглядывать чрезмерно далеко тоже негоже. Ясновидение — это трагедия, а не дар. Даже самый мудрый из мудрейших теряет ощущение реального времени. Он видит только будущее, но не настоящее.

«Уазик» резко повернул направо, и моего соседа прижало к левой дверце. Поняв его мысль, я спросил:

— Но будь вы на месте этого «мудрого из мудрейших», который, положим, верно и глубоко понимает перспективу общественного развития, но видит при этом тысячи людей вокруг себя, живущих в нищете, отсталости, почти варварстве, разве у вас не возникло бы желание помочь им, приобщить их к более высокой культуре?

— Лично я,— ответил без промедления мой собеседник,— глубоко убежден, что варварство является противоположностью культуры лишь в системе определенных координат и воззрений, созданной все той же культурой. Но вне этой системы варварство и отсталость означают нечто совершенно иное, отнюдь не противоположность культуры.

Я начал распечатывать пачку сигарет, взяв таким образом маленький тайм-аут в споре.

— Но если жизнь,— сказал я, чиркая спичкой,— скверна и несправедлива, совершенно естественно хотеть и пытаться ее изменить. Разве нет?

— Видите ли,— он чуть приоткрыл форточку,— я вообще не склонен возмущаться объективным ходом вещей в мире. Это глупо. Вам же не придет в голову возмущаться тем, что Волга течет именно так, но не иначе? Впрочем,— махнул он рукой,— такое тоже бывало. Совсем недавно.

— Я никогда не был сторонником ни киетизма, ни релятивизма. Они ведут к бездеятельности и параличу воли, а это похуже паралича тела. Кстати, вы никогда не замечали, что утром ночные бдения почти всегда кажутся чем-то вроде алхимических поисков?

Он усмехнулся уголком рта:

— Ладно, ну ее к черту, философию. Расскажите лучше, что из увиденного здесь подействовало на вас сильнее всего?

Действительно, что?

И я вспомнил раннее-раннее утро, предрассветную дымку. Длинную, почти до самого горизонта, взлетно-посадочную полосу...

— Разведка-а-а-а! — кричит на весь аэродром круглый человек в летней форме вертолетчиков, кепи с длинным козырьком и блокнотом в руках.— Разведка-а-а-а! Дава-а-ай!

Мы медленно встаем, взваливаем на спины РД [1], берем автоматы и, разбившись на корабельные группы по восемь человек в каждой, бредем к шестерке «МИ-8». Они стоят, устало свесив лопасти. Спереди и сзади «пчелки» зажаты парами «шмелей» — вертолетами огневой поддержки десанта.

Каждая группа выстраивается напротив своего борта. Командир нашего экипажа подполковник Пластков натягивает на голову шлемофон и скрывается в кабине. За ним следуют бортовой техник Горшков и летчик-штурман Стрельцов.

Горшков включает аккумуляторы, «запитывающие» машину электроэнергией. Начинают рокотать левый и правый двигатели, винт медленно-медленно раскручивается, набирает обороты. Проходит еще минута, и двигатели входят в рабочий режим, переключаясь с малого на большой газ. Наша корабельная группа уже сидит-вибрирует внутри «пчелки». Настроившись на приводную радиостанцию, все шесть «пчелок» в сопровождении четырех «шмелей» отрываются от ВПП.

До района высадки семнадцать минут лёта. Наша волна идет на предельно низкой высоте — в пяти — семи метрах над землей,— поднимая клубы густой желтой пыли. Аэродром уменьшается, а громадные топливозаправщики превращаются в букашек, облепивших взлетно-посадочную полосу. Мы переваливаем через гряду гор. Внизу со скоростью 250 километров в час проносятся равнины, кишлаки, столбы оборванной высоковольтки. Они напоминают покосившиеся кресты на кладбище, любая из могил которого может стать твоей.

Равнины кончились. Теперь под нами скачут горы, становясь все круче, все острей. Проходим ущелье, мрачно разинувшее свою пасть; в этот момент сам себе напоминаешь циркача, засунувшего голову промеж челюстей льва и ощущающего каждой клеточкой кожи его зловонное дыхание.

Наш вертолет, отстреливая тепловые имитаторы цели и сбрасывая скорость, снижается вторым. Площадка в ухабах, предельно малая — всего семь — девять квадратных метров. И хотя вертикальных турбуленций еще нет, все же Пластков с трудом держит машину в горячем и оттого еще более разреженном высокогорном воздухе. Бортехник Горшков плюхается животом на днище, открывает дверцу и, высунув голову наружу, кричит в шлемофон:

— Высота два метра — три метра вперед! Высота метр — полметра влево! Садись!

Пластков зафиксировался на месте. Уцепившись взглядом за ежиковатый куст, он продолжает снижаться, то и дело косясь на измеритель скорости сноса. Сильный удар.

— Правым коснулись! — кричит Горшков.

[1] РД — рюкзак десантника.

Пластнов сбрасывает шаг. Второй удар.

— Передним коснулись! — Борттехник крутит своим ЗШ во все стороны.

Но третье колесо поставить так и не удается: слева внизу крутой склон. Кроме того, справа в борт бьет сильный ветер — самый опасный для вертолета. Горшков вскакивает на ноги, освобождая выход. Мы выпрыгиваем один за другим и, рассыпавшись веером, бежим вперед, прочь от болтающегося вертолета, пригибаемся, втягиваем голову в плечи, чтобы не рубануло задним винтом.

Наш «МИ-8» резко взмывает в небо, а на его место садится следующий. Мы прячемся за камнями, на всякий случай обводя глазами пики соседних гор, откуда на нас глазеют пустые «духовские» бойницы. Мелкие камешки подо мной впиваются в локти и колени, ветер, взвиваемый вертолетами, норовит сорвать с нас панамы и РД, окатывает пылью и мелким крошевом скал.

— Смотри, чтоб в лобешник не вдарило! — орет мне кто-то сзади.

Метрах в ста над нами барражируют, выстроившись в круг, вертолеты огневой поддержки. Их рокот действует успокоительно, как таблетка сильного транквилизатора.

Последней «пчелке» из нашей волны остается метров пятьдесят до площадки. Погасив скорость и взяв форсаж, она начинает выполнять заход. Вдруг неожиданный рывок влево, вспышка под самым ее винтом и взрыв, приглушенный рокотом «шмелей». «Пчелка», видимо, еще не разобрав в чем дело, пошла вниз по склону, чтобы набрать скорость и зайти по новой. Пытаясь уменьшить реактивный момент, экипаж сбрасывает тягу несущего винта, но в самом начале второго витка вертолет ударяется о склон кабиной, медленно-медленно разворачивается влево, кренится на правый бок и одновременно опускает нос. Второй, еще более сильный удар левым бортом — и лопасти, с дробным треском стукнувшись о грунт, разлетаются в разные стороны, секут скалы. Машина, цепляясь за камни, продолжает ползти вниз по склону, и на ходу из нее прыгают десантники. Слышу, как удары сердца чередуются с ударами вертолета о валуны. Секундой позже вываливаются через блистеры вертолетчики. Ощущение такое, будто только что подбили тебя самого и именно ты катился вниз по склону, цепляясь слабеющими пальцами за скалу...

— Это,— заметил я, заканчивая свой рассказ,— подействовало на меня удручающе. Быть может, потому что разваливавшаяся на части, беспомощно падавшая в ущелье «пчелка» представилась мне как некий страшный символ рассыпавшейся вдребезги надежды.

Мой спутник молчал, не говоря ни слова. В городе уже давно действовал комендантский час, и несколько раз на перекрестках попадались афганские военные патрули. Однако пропуск, приклеенный к ветровому стеклу «уазика», освобождал нас от необходимости останавливаться. Вместе с ночью на город опустилась тишина, но в ушах все еще стоял отчаянный металлический скрежет катившегося в пропасть вертолета.

Мы добрались до торгпредства лишь к часу ночи. Попрощавшись, я вылез из машины и направился к проходной.

Документов у меня с собой не было, а внешний вид — грязные «кимры», мятая военная форма, взлохмаченные и затвердевшие от пота волосы — столь контрастировал с классическим обликом торгпредовского работника, что дежурный в будке долго отказывался открыть дверь. Потом мне надоело доказывать ему, что перед ним не душман, а корреспондент «Огонька», и, присев на лавку, я сказал:

— Пусти, я валюсь с ног.

Психология — странная штука. Особенно психология дежурных на проходных: никогда не знаешь, что на них подействует. Однако слова «пусти, я валюсь с ног» показались стражу торгпредства убедительными, и он открыл дверь, буркнув вслед:

— Бур черт, сер черт — один бес.

Приняв в номере душ, я залез в постель и потушил свет. Из окна этажом выше пела Пугачева:

> Знаю, милый, знаю, что с тобой.
> Потерял себя ты, потерял.
> Ты покинул берег свой родной,
> А к другому так и не пристал...

Потом Пугачеву выключили. Ее сменил мулла, кричавший что-то через звукоусилитель на весь Кабул. Две вселенные, оказавшиеся рядом, в одном городе: фантастическое сожительство.

Сна все не было. Я окинул комнату взглядом в поисках какого-нибудь чтива. На единственной полке лежала подшивка чахлых прошлогодних журналов, а рядом — десять первых томов Собрания сочинений Маркса и Энгельса. Из седьмого тома торчала закладка. Я взял его и сразу же раскрыл на 422-й странице. Скомкав закладку, я бросил ее в медную пепельницу на журнальном столике. Один из абзацев был помечен карандашом. С него я и начал:

«Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что̀ он м о ж е т сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что̀ он д о л ж е н сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан уже выдвинутыми им доктринами и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, в большей или меньшей мере случайного, состояния условий производства и обмена, а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения. Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что̀ он м о ж е т сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что̀ он д о л ж е н сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно...»

Захлопнув книгу, я вспомнил своего недавнего собеседника, наш с ним ночной спор.

Я улетал из Кабула на следующее утро. Оно было жарким и удушливым. Белое солнце принялось обжаривать город спозаранку, и, когда я добрался до аэропорта, воздух уже дрожал над его раскаленными взлетно-посадочными полосами. Я бросил свой чемодан близ трапа, ступеньки которого вели в небо. С другой его стороны, в тенечке, беседовали майор Новиков и подполковник Леонов, с которыми две недели тому назад я познакомился под Южным Багланом. Новиков протянул мне термос с кофе, но я, прежде чем сделать глоток, подозрительно осмотрел его, попытавшись открутить дно.

— К чему такая предосторожность? — поинтересовался Леонов.

Я рассказал историю про термос с пластитом, найденный в блиндаже Южного Баглана, и все мы рассмеялись.

До Афганистана Леонов служил в Белоруссии. Его семья и сейчас там. Прошлым летом он ездил туда в отпуск. И хотя на дорогу даются одни сутки, почти три первых дня проторчал в Душанбе: билетов, как всегда, не было.

— Сижу в ресторане,— Леонов размял пальцами сигаретку,— вместе с заместителем командира полка. Он меня спрашивает: «Ты че, Петрович, все крутишься?» А я: «Да сзади кто-то крадется». Он улыбнулся: «Так то официант. Перевоевал ты, брат...» По Душанбе, помнится, иду и замечаю, что машинально обхожу сторонкой все зеленые насаждения. Домой приехал, первые две ночи глаз не сомкнул: не спится, и все тут, хотя знаю, что чертовски устал. А когда на третьи сутки близ военного городка начались учебные стрельбы, заснул в один миг. Как убитый. Ну, как водится, у каждого по сотне вопросов ко мне. Я даже решил на карточках написать ответы типа: «Да, думаю, что скоро», «Нет, его я не знаю», «Хреново», «Да отвяжись ты!..» Чтобы показывать их и не трепать лишний раз языком. Отпуск хорошо провел. Только вот всякие мелочи отравляли настроение. Вроде бы на родной земле, целовать ее хочется, а тут вдруг из-за какого-то авиабилета до дому так намаешься, хочется послать все к... Билет до Москвы на черном рынке в Душанбе стоит 200 рублей. Да подавитесь вы этими двумястами, дайте только жену поскорей увидеть!

— В Ташкенте не лучше.— Новиков глубоко затянулся папиросой.— Бронь моя на билет до Харькова оказалась недействительной — хоть плачь посреди вокзала! А тут рядом, прямо за диспетчерской такси, группка гражданских — стоят, шепотком переговариваются. Подхожу, руки воронкой сложил, как гаркну: «Граждане спекулянты! Кто может предложить билет до Харькова?» Через секунду один подбегает, слюнявым ртом в ухо шепчет: «Не так громко, товарищ майор, ведь после постановления о нетрудовых доходах та́к рискуем...» Тут я не вытерпел: «Это ты-то, лазури́т твою мать, рискуешь?» Он весь в комок сжался. Жаль его стало. Какой смысл спорить с ним про риск... Сунул я ему сотню, зато через восемь часов уже стучался в дверь дома.

Наш разговор прервал рокот «транспортника».

— Похоже, это за вами,— сказал я.

Мы пожали друг другу руки. Вскоре Новиков и Леонов смешались с группой других военных, ожидавших отлета этим же рейсом. Минут через десять самолет был уже высоко над Кабулом. Глядя, как тает в небе маленькая точка, еще недавно рокотавшая на весь город своими двигателями, я сел на одну из ступеней трапа.

Я думал о всем том ворохе стойких подсознательных ассоциаций, которые вывозит человек из Афганистана. Смотришь в магазине, как вентилятор на потолке вяло месит лопастями летний, душный воздух над мясным прилавком, и чувствуешь, как что-то мелькает в памяти, чего-то явно недостает. Ну, конечно, лопастям не хватает звукового сопровождения—дробного рокота вертолетных двигателей.

Или вдруг предрассветную московскую тишину разорвет яростная очередь пулемета. Вернешься из далекого афганского сна, протрешь глаза и лишь тогда сообразишь: да нет же, успокойся, старик, это просто-напросто мотоциклист, так его и растак, гоняет без глушителя. Совершенно отлично от твоих родных ты будешь воспринимать слова «зеленка», «цинк», «ягоды», «кефир» [1]... Афганистан украдет их у тебя. Появятся десятки новых слов, об истинном значении которых не догадается никто, кроме тех, у кого всегда в нагрудном кармане лежит невидимый членский билет фронтового братства. Афганистан навечно заберет у тебя и такие мирные, казалось бы, слова, как «пчела», «шмель», «стриж», «грач», «веселый», «слон», «чайка», «молоко», «сметана», «консервы»... Афганистан переместится в твое подсознание и оттуда будет преследовать тебя днем и ночью. Какая-нибудь совершенно безобидная деталь (ну хоть тот же треск мотоцикла) потащит за собой целую бездну воспоминаний и ассоциаций, словно хвост удушливых выхлопов, видимых лишь тебе, но никак не твоей очаровательной спутнице.

Или в твою дверь позвонит соседкин сын.

— Дяденька, смотри,— скажет он и протянет маленький черный тюльпан,— ботаничка сказала нам поставить цветок в чернильницу на ночь — вот что получилось!

Но восторга впитавший в себя чернила цветок у тебя не вызовет.

Временами Афганистан опять будет для тебя явью, а окружающий мир — лишь иллюзией, сном. В Москве еще до командировки в Афганистан я познакомился с одним летчиком, работавшим в ДРА на «граче», имевшим за спиной более 150 боевых вылетов, награжденным двумя орденами Красной Звезды. При ходьбе по московским бульварам он очень внимательно смотрит себе под ноги, точно чего-то ищет. Я долго не мог понять, в чем дело, тоже пристально разглядывал тротуар, но ни у него, ни у себя под ногами ничего не замечал, кроме фантиков от конфет, луж и кисших в них листьев. Вскоре все выяснилось. Зацепившись за ориентир (например, окурок), он мысленно просчитывает точку ввода истребителя в пикирование с таким расчетом, чтобы марка прицеливания лежала над окурком и был получен единственно верный угол атаки. Кроме того, объяснял он, необходимо точно выбрать правильный момент для сброса бомб. Это занятие долгое время поглощало все его внимание, а родичей и жену здорово нервировало.

Летом ты поедешь отдохнуть с женой в Крым. Но при виде Карадага мозг твой, помимо воли, сам определит наиболее выгодные позиции для пулемета.

А однажды, когда ты окончательно и бесповоротно запутаешься в лабиринте детективного романа, как когда-то в кишлаке Малян-Гулям, тебя (я не смеюсь!) потянет на поэзию: достанешь с полки первый попавшийся томик. Окажется Пушкин. На сон грядущий начнешь читать с середины:

> ...Кони снова понеслися;
> Колокольчик дин-дин-дин...
> Вижу: **духи** собралися
> Средь белеющих равнин.

Но лишь напорешься на слово «духи», воображение мигом заменит несущихся коней на БТРы, колокольчик — на лязг их гусениц, белеющие равнины — на желтые пески. Ты захлопнешь книгу, отбросишь на кровать: Пушкина теперь у тебя тоже нет. По крайней мере этого стихотворения.

Ты поднакопишь денег, пойдешь в магазин и купишь наконец-то «Зенит». Но нажав в первый же раз спусковую кнопку новенькой фотокамеры, совершенно искренне удивишься, что нет отдачи.

А по ночам ты будешь просыпаться с ощущением спускового крючка на указательном пальце. Но если тебе повезет, через месяцев пять-шесть ты научишься смотреть на все это спокойно, без лишних эмоций.

---

[1] По условной терминологии, принятой среди советских военнослужащих в ДРА, приведенные далее слова обозначают: «зеленка» — местность, покрытая зеленой растительностью, где обычно прячутся душманы; «ягоды» — люди; «кефир» — дизельное топливо; «пчела» — вертолет «МИ-8»; «шмель» — вертолет огневой поддержки; «стриж» — «СУ-17»; «грач»—«СУ-25»; «веселый»—«МИГ-21»; «слон» — танк; «чайка» — машина; «молоко» — керосин; «сметана» — бензин; «консервы» — мины; «черный тюльпан» — одна из служб тыла.

Стасис Красаускас.

Алла КИРЕЕВА

ПОСЛЕДНИЙ Р
СО СТАСИСОМ

Кусок черной мраморной лестницы ведет в никуда, чуть поодаль по другой почти такой же лестнице на невысокий кладбищенский холм поднимаются посетители. Они смотрят вниз на странные обрубленные ступени и спрашивают: «А это как понять? Это что такое?..»

Это фрагмент памятника на могиле выдающегося литовского графика Стасиса Красаускаса, который умер десять лет назад, не дожив до пятидесяти.

— Ну, почему только фрагмент? — недоумевают посетители. — Что еще будет на могиле?..

— Там будет скульптура... Но ее еще не успели сделать.

Не успели... Я вспоминаю, как много успевал в своей жизни Стасис Красаускас! Сейчас даже трудно поверить, что один и тот же человек мог создавать великолепные гравюры и петь в профессиональной опере, воспитывать молодых литовских графиков и сниматься в кино, быть чемпионом Прибалтики по плаванию и рисовать карикатуры для юмористического журнала. А еще — много ездить по стране, петь народные песни, встречать друзей, интересоваться новинками литературы, шутить, спорить и очень доказательно отстаивать свои взгляды на жизнь и на искусство.

Он был глубоко национальным художником, воспитанным на прекрасных своеобразных традициях литовской графики, и в то же время был художником интернациональным, по-настоящему советским.

За несколько дней до смерти он позвонил мне из больницы и спросил: «Ты еще не раздумала написать статью об одном знакомом художнике? Приходи, будем говорить, у меня до полного выздоровления теперь много свободного времени...»

Я пришла в больницу с магнитофоном, и мы разговаривали почти три часа. Точнее, говорил он сам. И говорил замечательно. Статью я потом написала. У меня остались пленки, которые до сих пор хранят больной, надломленный голос. Но даже в этом, немного чужом голосе чувствуется вера художника в жизнь и невероятная увлеченность этой жизнью.

Я хочу предложить читателю разговор со Стасисом Красаускасом. Разговор, который состоялся десять лет назад...

— Что ты больше любишь иллюстрировать: поэзию или прозу?

— Поэзию. Думаю, что как художник я и начался с любви к поэзии. В ней я всегда находил больше пространства для выражения своих эмоций, своих мыслей и позиций да и всего мировоззрения в целом.

Мне нравится та поэзия, которая дает работу не одному лишь сердцу, а заставляет трудиться еще и мозг. И потом, в ней всегда есть музыка. Музыка самого стиха, смена его интонаций.

Стихи для меня немыслимы без ритма точно так же, как немыслима без ритма графика. Даже если поэзия опирается не на ритм, а на аритмию, в ней все равно есть организованность. Это — как синкопа в музыке, где аритмия только подчеркивает ритм...

Для того чтобы по-настоящему понять тишину, надо ее нарушить. А потом снова прислушаться к тишине. И почувствовать в этой неожиданной смене ритм.

Мне нравится, когда рифмованные стихи сменяются нерифмованными, белыми стихами. Помню, я читал поэму Юстинаса Марцинкявичюса «Кровь и пепел». Она сначала идет спокойно, в классическом размере, а потом — трагическая шестая глава, белый стих, свободный размер. Он сразу дает такую экспрессию, такое пламя, что ты кричать готов. И вся эта динамика выплескивается в финал поэмы. Как это здорово и как органично!..

— Но ведь так бывает только в талантливых вещах?

— Конечно. Неталантливые вещи иллюстрировать бессмысленно. Да для меня уже и не существует такого понятия, как иллюстративная графика.

— Но это понятие существует вне тебя. Ты его уже давно перерос...

— Не только потому, что перерос. Я вообще считаю, что книжная графика — это отдельный вид искусства, который входит в книгу вовсе не для того, чтобы лишь сопровождать литературу. Мне этот вид только тогда интересен, когда он самостоятелен.

— Значит, иллюстрация для тебя — ругательство?

— Нет, для меня ругательство — иллюстративность. Механический перевод текста в зрительный ряд.

Он должен не только что-то объяснять, но и заставлять тебя думать, в чем-то продолжать стихи, показывать какие-то новые грани произведения. От этого книга становится только глубже.

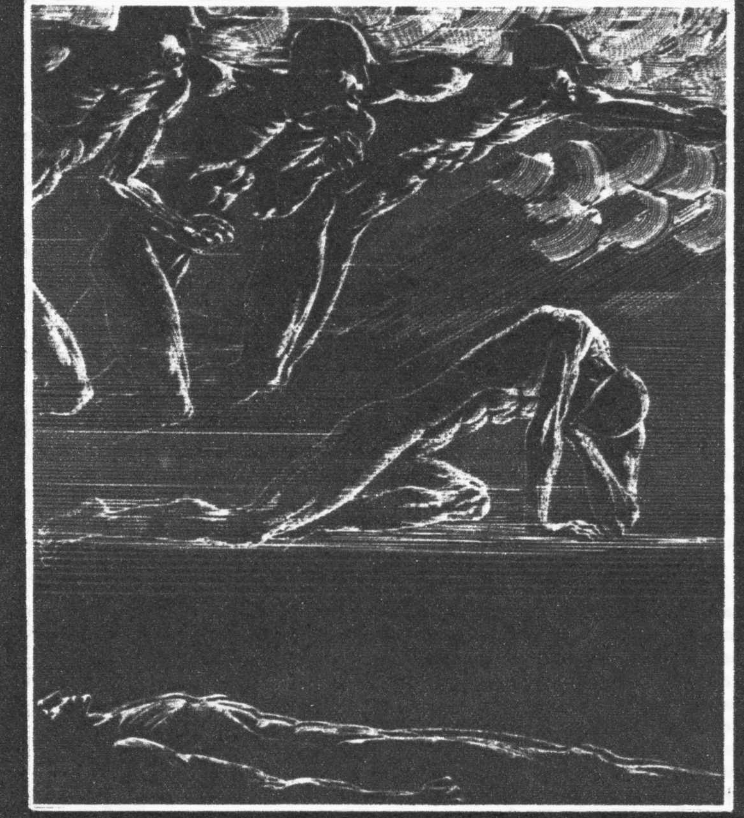
Однако для художника такая работа чрезвычайно трудна. Ведь сначала нужно в полной мере ощутить дух поэта, до конца понять его и при этом иметь с в о й взгляд на ту же тему, найти пластический язык, который бы не слишком далеко расходился с видением автора и все-таки был бы неожиданным, в чем-то дополнял, углублял видение поэта.

У книги должны быть как бы два автора, но сама книга ни в коем случае не должна разрываться на две части — в главном эти авторы должны быть обязательно е д и н ы!..

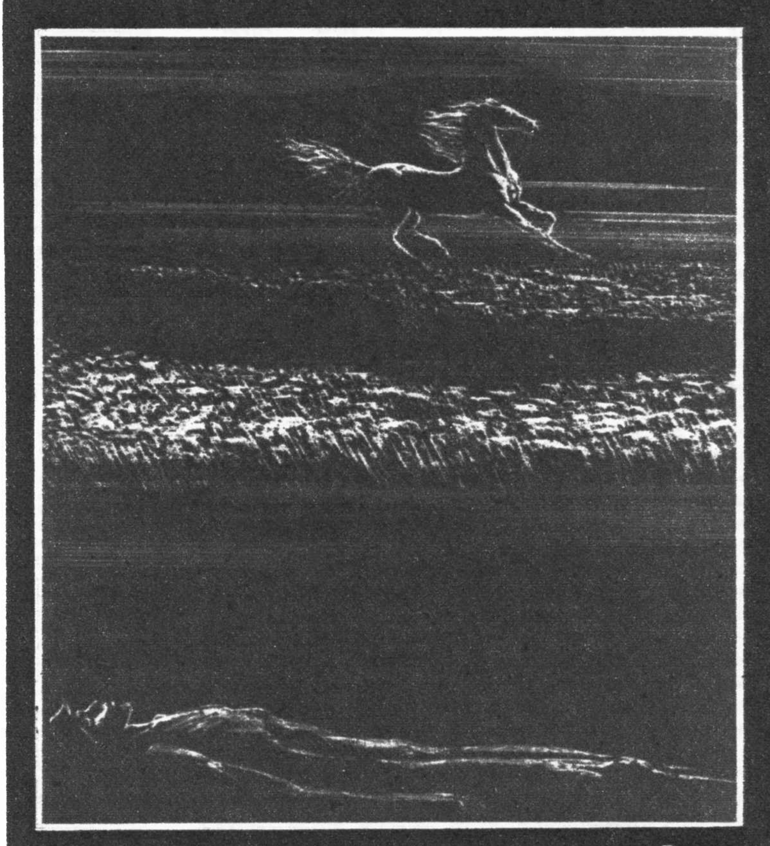
— Они должны один дом строить...

— Да. Только разными способами: один — словом, а другой — штрихом, линией...

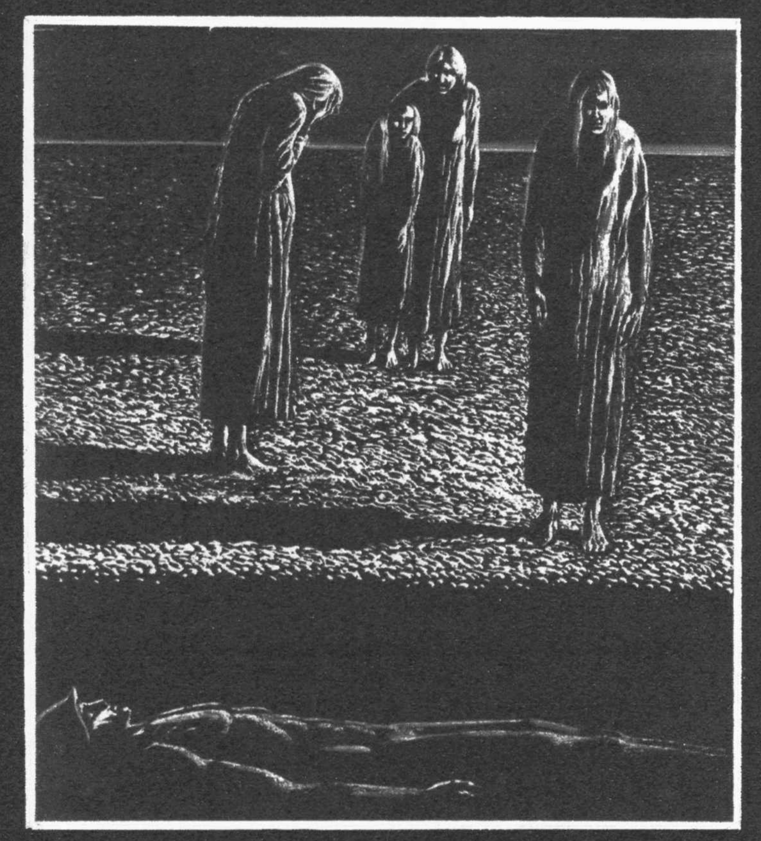
Работая над текстом, я то углубляюсь в него, то спорю с ним, то специально от него отхожу для того, чтобы взглянуть на произведение с разных сторон и даже с разных позиций, проследить рождение

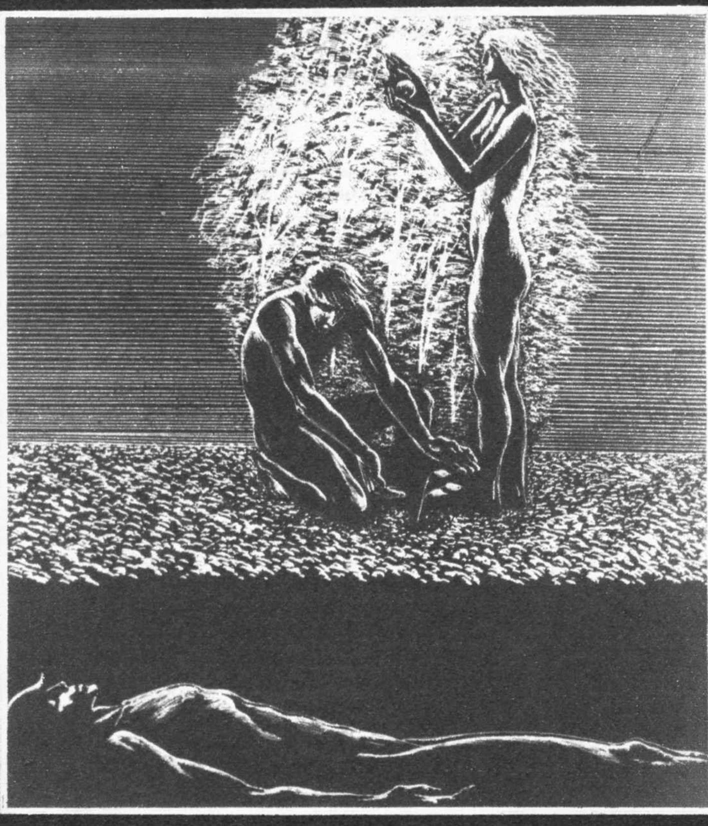
Из цикла «Вечно живые»: Борьба.

Грезы.

Память.

Жизнь.

АЗГОВОР КРАСАУСКАСОМ

какой-то конкретной мысли поэта, зрительно увидеть ее, повернуть, рассмотреть, прикинуть так и эдак... И вот здесь есть интересный момент: если мысль неординарная, глубокая, то я целиком отдаюсь ей, начинаю не только все глубже и глубже понимать ее, но и чувствовать, видеть все ее ответвления и тропинки, причем видеть сначала смутно, а потом все явственнее. Я иду по этим тропинкам и вдруг встречаюсь с чем-то совсем новым, необычным, не имеющим уже отношения к книге, над которой я работаю. Неожиданно приходят решения тех вещей, тех замыслов, о которых я когда-то давным-давно мечтал, но не знал, как к ним подступиться. И новые замыслы возникают. И все это странным образом перепутано, переплетено, перемешано и в то же время очень ясно. Тут только успевай рисовать...

У меня часто спрашивают: как и когда родилась та или иная гравюра? Я даже не знаю, что отвечать. Миг рождения, миг начала я почему-то всегда упускаю. Не могу его определить... Дальше-то все ясно. Дальше идет привычная работа, идет развитие темы, тут уж я замечаю и помню все...

— Как ты относишься к вдохновению? Что это такое?..

— О, это нечастое, но потрясающе прекрасное состояние души! Состояние какой-то особой возвышенности. Время как бы сжимается, спрессовывается, а ты чувствуешь себя просторнее, могущественнее... Удивительные минуты!

Но я заметил, что вдохновение никогда не приходит просто так, ни с того ни с сего. Оно появляется как продолжение твоей занятости, твоей работы. Появляется как новая ступень этой работы, качественно новая ступень.

Ну, а почвой для вдохновения все-таки является реальность. И даже самые фантастические, самые поэтичные, самые условные идеи художнику подсказывает реальная жизнь.

— Скажи, а вот если у человека есть талант, то может ли этот талант кончиться, иссякнуть?

— Думаю, что может. Более того, убежден: каким бы огромным ни был талант у человека, его обязательно нужно пополнять. Причем, пополнять из реальной жизни. Сюда я отношу и все виды искусства: театр, кино, живопись, архитектуру, литературу, конечно. Впечатления от всего этого как допинг. К примеру, прекрасная книга, прекрасный фильм и прекрасная музыка для меня — допинг...

Талант должен быть голоден, он обязан быть емким, ненасытным, жадным! Он должен жаждать знаний, должен проникать в какие-то явления, быть своеобразным локатором, улавливать новое, искать связи. Талант должен постоянно двигаться в пространстве и во времени и чувствовать пульс этого огромного организма, который называется миром, жизнью. Мне кажется, что по-настоящему талантливые люди все время держат пальцы на пульсе событий, на пульсе общества...

— Ты доволен своими гравюрами?

— Мне мало что нравится. Из каждого цикла по нескольку работ. Пожалуй, нравятся те, которые прошли какое-то испытание временем. Бывает, что я сижу в своей мастерской, роюсь в старых папках, натыкаюсь на свои давнишние работы и начинаю их из любопытства рассматривать...

— Все бы сделал по-другому?

— Конечно! Смотрю, головой качаю: это плохо, это плохо, а это — еще хуже. Закрываю папку и закидываю ее куда-нибудь подальше, чтобы на глаза не попадалась, настроения не портила...

Открываю другую папку, смотрю на какой-то старый лист и вдруг понимаю, что его я еще не перерос. И что лучше не сделал бы и сегодня. По-другому бы смог сделать, а лучше — нет. Хотя опыта прибавилось. Да и форму я сейчас понимаю полнее...

— Сейчас много говорят о технике гравюры...

— Да, в моем жанре вроде бы начинается период особо сложного техницизма. Это очень интересно для специалистов, для профессионалов. Работают так, что даже не сразу понимаешь, как сделана гравюра. И многие художники изо всех сил напирают на это самое «как». А вот что — для них уже не имеет значения. То есть сводится на нет сама идея. Нет мысли. Нет боли. Есть только «как».

С этим я согласиться не могу. И всегда иду от «что». Это для меня очень важно. «Что» — изначально, только оно должно диктовать «как».

— А как ты относишься к популярности, известности?

— Думаю, что это очень нужная вещь. Необходимая для работы. Нечто вроде морального гонорара... А дальше все уже зависит от индивидуума, от личности художника.

Если он не умеет критически относиться к собственной персоне, не умеет время от времени посмотреть на себя со стороны, то популярность, известность очень быстро могут стать врагами его творчества.

А вообще-то популярность, известность — это своеобразная духовная ласка для художника. Она гораздо выше многих других наград. Самое дорогое, когда ты видишь, чувствуешь и понимаешь, что нужен людям. Нужен! Это ни с чем не сравнимо...

...И продолжается жизнь. Все правильно. Но так и не завершен памятник на могиле Стасиса Красаускаса. Так и не появился здесь его бюст. Хотя уже десять лет прошло.

Еще помню: была когда-то идея установить для студентов-графиков Вильнюсского художественного института, в котором учился и преподавал С. Красаускас, стипендию его имени. «Да-да,— говорили тогда художники,— это надо сделать! Обязательно надо!..» Однако не сделали. То ли вопрос оказался слишком сложным, то ли времени не хватило, то ли еще чего...

Помню и весьма ответственного товарища, который (а было это семь лет назад!), говорил: «Осенью откроем в Старом городе зал, где будет постоянная выставка работ Красаускаса. Это наш долг перед ним...» Такого зала, такой выставки до сих пор нет. Впрочем, ответственного товарища я тоже винить не стану. Думаю, что тогда он все это говорил совершенно искренне. И верил в то, что говорит. Но потом, наверное, у него появились более важные дела, более насущные проблемы. И забыл человек, запамятовал, с кем не бывает?..

А ведь десять лет назад шли разговоры и о том, чтобы именем художника даже какой-нибудь корабль назвать. Представляете, как было бы здорово, если бы уходил на работу в море, плавал бы по морям-океанам, а потом возвращался к родным берегам трудяга-корабль «Художник Стасис Красаускас»! Однако нет такого корабля. И тех, кто когда-то говорил об этом, а потом перестал говорить, тоже можно понять: у них своя жизнь, свои дела. А тут надо писать письма в вышестоящие инстанции, просить, обосновывать просьбу, звонить, интересоваться, доказывать и т. д. Одним словом, морока!..

И только друзья Стасиса по спорту, пловцы, вместе с которыми он когда-то в молодости упрямо «пахал» воду в бассейнах, без громких обещаний организовали в Каунасе уже традиционный Мемориал Красаускаса — соревнование для молодых пловцов. Спасибо им за это!

Но получается парадоксальная вещь: выходит, что память о спортсмене Красаускасе живет до сих пор, а вот с памятью о художнике Красаускасе дела обстоят неважно...

Хочу сразу же уточнить: самому Стасису Красаускасу вот уже десять лет как ничего не нужно — ни памятников, ни выставок, ни кораблей, ни соревнований — абсолютно ничего!

Это нам, живым. А еще нашим детям и внукам.

Это мы будем человечнее, богаче, больше, глубже, значительнее, если, произнося слова о памяти, станем воплощать эту самую память в реальные дела.

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

* * *

Как будет — так будет.
И я не пытаюсь угадывать.
Пустая затея —
Хоть кажется, будто легко...
Вот если кого-то
Сегодня ты можешь обрадовать —
Не вздумай откладывать:
Завтра — еще далеко.

Как ты ни гадай —
Положенье твое не упрочится,
Да, видимо, не в многознании
Счастья залог...
Увидеть бы снова,
Как в сини березы полощутся,
Как сизые тучи
Плывут над сплетеньем дорог.
Как будет — так будет.
Давай не гадать, а надеяться...
Вперед не заглядывать
И не грозить кулаком.
Мы знаем, что время
На горе и радость не делится,
Все вместе в нем мелется,
Так и бери — целиком.

Увидеть бы снова:
Березами светится рощица,
Над озером сонным
Предутренний стелется пар.
...Безумной была не случайно
Кассандра-пророчица:
Кому он под силу —
Предвиденья тягостный дар!..

* * *

Друг на друга кивая,
Повторяем вразброд:
Жизнь — игра роковая,
Как кому повезет...

Все от счастья зависит,
Все, мол, случай решит:
То оценку завысит,
То ударить спешит.

Жизнь — то зубья, то иглы,
Жизнь — то лента, то плеть...
Есть же ровные игры:
В них — лишь надо уметь!..

Жизнь — то пусто, то густо...
Только что говорить:
Жизнь — уменье, искусство
И любить, и дарить,

Птице радуясь вешней,
Улыбаться с утра...
...Ну, а впрочем, конечно,—
Роковая игра...

* * *

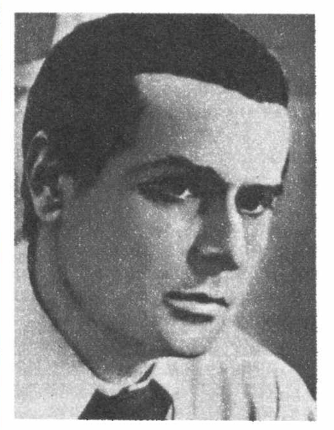
С годами подъемы все круче,
И все напряженнее спуски,
И все тяжелей перегрузки,
А сердце — все зорче и кротче...
Прощенья все проще и проще,
Прощанья все чаще и чаще,
Все чище весенние рощи,
И ранние зори все слаще.
Дороги все круче и круче,
А слезы — все так же горючи...

СЕГОДНЯ

Как хорошо рифмуется *в ч е р а*!
Лишь взмах пера!
И все тебе доступно!
И солнце с неба хлынуло с утра,
Все в мире озарило — совокупно.
С е г о д н я—не рифмуется ни с чем,
И к *з а в т р а* рифму свежую
найду ли?..
Дождь моросит.
А лес и глух и нем.
Нас обманули, предали, надули,
Уверив, что уже пришла весна,
Что прибыл день,
А март — весною света
Был назван испокон... Да правда ль
это —
Когда исчезла вся голубизна?
Дождь моросит.
И все заволокло.
Мосточки над песком — как будто
сходни
Над морем, что сверкает, как стекло...
Хохочут чайки, их не меньше сотни,
Летают все шумнее, все свободней...
Дождь моросит...
Пускай!.. И на ходу
Я думаю: рифмуется *с е г о д н я*,
И к *з а в т р а* рифму, может быть,
найду.

КРУГ

Привычный круг забот,
Священный круг друзей.
И дней круговорот,
Как цирк, как Колизей,
Открытый всем вокруг,
Кто вышел за порог,—
На север и на юг,
На запад и восток...
Нам чертит круг судьба,
Ареной — циферблат...
Круг — зрелище, борьба,
Натянутый канат.
По кругу — стрелок бег,
По кругу — ночь и день,
По кругу — дождь и снег,
По кругу — свет и тень...
Кружит целебный дух
Ромашки луговой...
Ты знаешь цену, друг,
Поруки круговой!..
Округлы блин и корж,
Срез годовых колец...
Плывет по кругу ковш
На пиршестве сердец...
Становимся мы в круг
И водим хоровод.
Плывет старинный струг,
Гладь режет теплоход...
Вопрос — ответ — вопрос:
Кружение колес,
А мир многоголос,
Он полон грез и слез.
Швыряем день за днем,
Как гальку в водоем,
Жизнь — словно взмах руки,
И по воде круги...

Егор САМЧЕНКО

ТЕЛЕФОН

Над одиночеством реки
Лежу-лечу, куда
Рука ведет, из-под руки
Гляжу на города.

Во мне плывет далекий сон,
Я вижу телефон,
Что к механизмам неба он
Давно уж подключен.

И от небесного огня
Упругий и сухой
Мой шнур змеится вкруг меня,
Сплетается с рукой.

Я протыкаю пальцем свет
До золотой каймы,
Я набираю номер лет,
Я слушаю холмы.

Не может быть, что смерти нет
Там, за чертой реки.
Но лишь подземный гул в ответ
Да длинные гудки.

ВДОВА КЕДРИНА

«Жизнь сгорела напрасно.
Я не знаю своего читателя».
Из записной книжки.

Прекрасно ошибся,
А значит — бесстрашно,
Как может только поэт!
Ошибся? Расшибся —
Весь,
Как есть,
Поскольку всегда в России ценился
Тот черный небесный хлеб.

А в самом расцвете лет
Не изловчился,
Не научился —
Это вам ясно
Иль нет?

Суши сухари, пока я дышу,
Молчанием знаменит!
Слезу смахну, засмеюсь, погляжу,
Куда она полетит.

Все больно, а будет еще больней.
Подумаю и назову
Ее, разговорчивую вдову,
Сестрою жены моей.

Сверкает слеза, и не видно мрака,
Куда я ни погляжу.
А как, умирая, он жил, однако,
Литфонд, я тебе расскажу:

Был дом, и хоть был населен
сторожихой,
А все же не было тихо —
Не часто, а все же ходил ходуном,
И дрался сосед топором.

И кухня в два шага квадратных была,
И в две керосинки хотя цвела,
И все же ни разу, а все же ни разу
Не заслужила твой гнев!

А на террасе, о, на террасе
Был расположен хлев.

А он в это время перо поднимал
И твердо спиной молчал.
И за занавеской ситцевой этой,
Которая чуть тяжелее света,
Ты знаешь, что он писал.

Тоскою-вдовою все это проветрено,
Пойду-ка я погулять.
Куда? А на улицу Дмитрия Кедрина,
В Черкизово, в дом номер 5.

И гулко, и мысленно шаг раздавался,
Мой шаг у ее окна.
За то, что при жизни он намолчался,
Наговорится она.

Я славой закончу стихотворенье!
Коснусь головой травы —
Не знаю прекраснее посвященья,
Чем долгая жизнь вдовы.

* * *

В субботу, на исходе дня,
Вселился светлый дух в меня.

Я глянул радугою слез
В огонь небес — и началось
Очей моих единоборство
С очами солнца.

Я помню, вспомнил я не сразу
О высохших слезах моих.
У солнца есть два круглых глаза,
Холодно-голубых.

Я, как дитя, смотрел, а ведь
Его нельзя пересмотреть
И взрослым детям, извините.
Вы не поверили? Рискните.

Мой на закате светлый час
И я — предупреждаем вас:
Смотреть на солнце — не опасно,
А вспомнишь эту пару глаз,
И страшно почему-то, страшно.

В. Д. БУБНОВА. 1886—1983. ПОЛЯ ПОД ФУДЗИЯМОЙ. 1936.

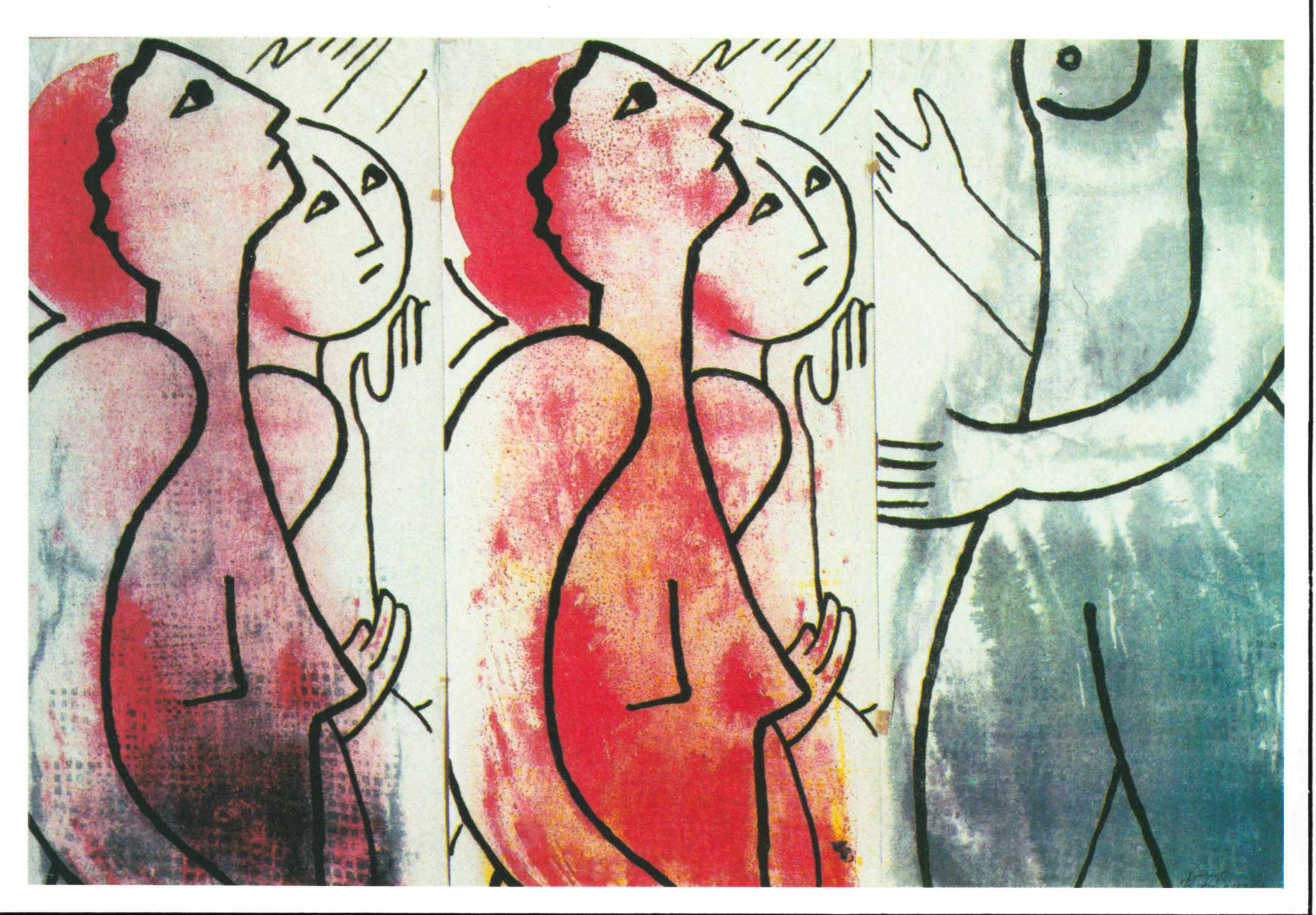
«ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СТРАНЕ РОДНЫМ...»

Ирина **КОЖЕВНИКОВА**

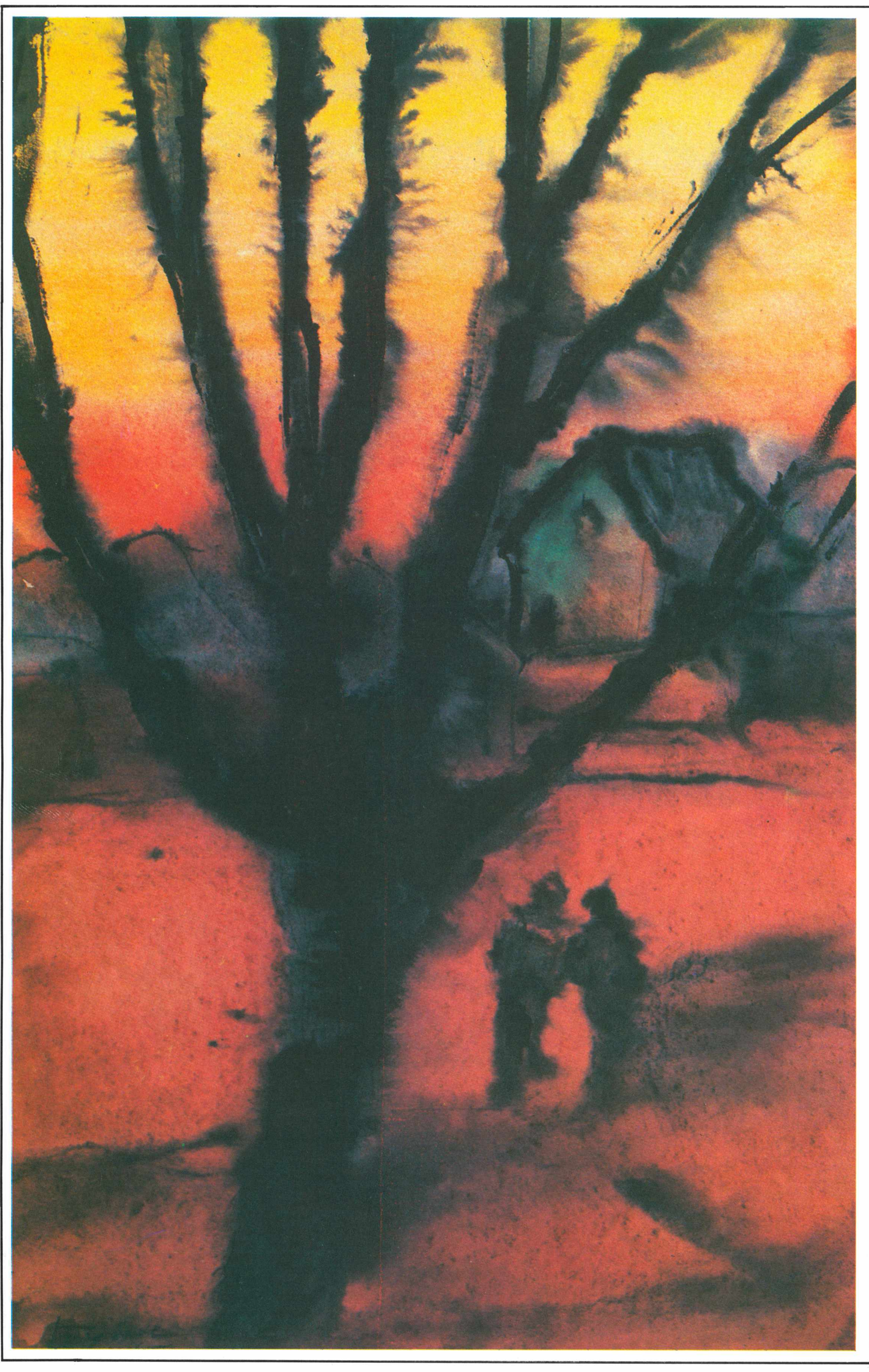
В 1958 году в приморском парке Сухуми, в том его уголке у впадения реки Бесклетки, где растут высокие платаны, каждый вечер стала появляться невысокого роста пожилая женщина. Она вынимала из сумочки блокнот и начинала делать наброски.

Часто встречали ее с Марией Дмитриевной Бубновой, педагогом Сухумского музыкального училища, и скоро узнали, что это ее сестра Варвара Дмитриевна, художница, много лет прожившая в Японии и недавно вернувшаяся.

Как попала она в Японию? Младшая из трех сестер Бубновых скрипачка Анна в 1915 году познакомилась с японцем-вольнослушателем Петроградского университета. Когда ему пришлось возвращаться домой, Анна с русской неоглядностью уеха-

РИТМ. 1931.

СУХУМИ. ВЕЧЕР. 1965.

ла с ним. А когда у нее родился сын, она попросила сестру приехать. Это было в 1922 году.

Варвара Дмитриевна думала погостить у сестры год-два. Ей было тридцать шесть лет.

Но цифра оказалась фатальной — именно столько лет она провела в Японии. «Хорошо, что человек не знает своих сроков»,— напишет она в старости.

В той Японии, в которую она попала, европейская культура была известна куда меньше, чем теперь.

И здесь она начала новую жизнь. У нее за плечами было детство, полное стихов и музыки. Петербург, где она родилась и училась. Просторы тверских краев — там было Берново, имение ее дедов Вульфов. И ощутимое прикосновение к Пушкину — он гулял по аллеям берновского парка, жил в малой гостиной, которая с тех пор называлась «пушкинской», играл, по семейным преданиям, в горелки с прабабками сестер Бубновых. Мать водила дочерей на берег реки Тьмы — поэт назвал его «берег, милый для меня», и на Наташин омут— он навеял ему замысел поэмы «Русалка».

Академию художеств она окончила в 1914 году. Многое там казалось Варваре Дмитриевне устаревшим — она была человеком ищущим и, как многие молодые художники того времени, чувствовала витающие в воздухе перемены. Но «академическая закваска» осталась, по ее словам, на всю жизнь.

Академия подарила Варваре Дмитриевне и встречу с Владимиром Ивановичем Ма́твеем — так на русский манер было переиначено его латышское имя Вальдемар Янович Матвейс. Художник, теоретик искусства, один из организаторов «Союза молодежи» — объединения молодых петербургских художников, он вошел в историю русского авангарда 1910-х годов.

Ма́твей открыл Варваре новый мир: импрессионистов и кубофутуристов, диспуты о путях нового искусства — на одном из них она услышала молодого, еще никому не известного Владимира Маяковского. Вместе с Матвеем она участвовала в выставках «Союза молодежи» — в них принимали участие такие художники, как Ларионов, Гончарова, Малевич, Матюшкин, Филонов, Татлин.

Матвей раздвинул перед молодой тогда Варварой Дмитриевной новые горизонты. Он подарил ей великое счастье любви. И он же положил ей на плечи бремя необратимой утраты, когда она осталась «вдовой, не будучи женой»,— Матвей умер в одночасье, незадолго до окончания академии.

Через много лет она скажет: «После утраты можно выжить только тогда, когда перед тобой есть дело жизни. У меня было мое искусство, работы Матвея».

Потом увлечение русской миниатюрой на страницах старинных книг. Исторический музей в Москве, где она работает палеографом.

В Москве Бубнова встречает Октябрьскую революцию. Она включается в бурную жизнь первых послереволюционных лет. О том времени она потом писала:

«Мы не считаем года, мы отмечаем события. Все меняется, все летит вперед. Стабильны лишь голод и холод. Это тяжело и унизительно, но это не главное. Главное — участие во всеобщем движении, стремление понять и вобрать все новое, что вырвалось из тисков старого, неподвижного».

В голодной и холодной Москве Бубнова устроила выставку иллюстрированных древних рукописей — публики пришло на удивление много. Она рисует портреты маслом, выставляется на государственных выставках, занимается в мастерской художника В. Д. Фалилеева, в это время он сделал ее портрет: ищущие глаза, молодая окрыленность. Она думала и искала, мучилась и дерзала. Ей хотелось отразить кипучий дух эпохи, она искала формы, чтобы ее выразить. Варвара Дмитриевна участвует в работе Инхука (Института художественной культуры), в который входили Кандинский, Татлин, Удальцова, Родченко...

...И вот она в Японии. Первое время все здесь кажется ей странным после кипучей московской жизни. Она чувствует себя представителем Инхука. Вскоре после приезда публикует статью «О новых течениях в современном русском изобразительном искусстве», рассказывает о конструктивистах, печатает репродукции их работ. Варвара Дмитриевна изучает технику японской печати: собирается, вернувшись на родину, внести свой вклад в развитие эстампа, считает это своим гражданским долгом — в отличие от картины, написанной маслом, сделанной в единичном экземпляре, эстамп и гравюра кажутся ей «демократичнее». Подлинные по своей художественной ценности, они, в силу массовой печати, дешевле и, по ее словам, «сами идут к народу, а не покоятся лишь в музеях». Бубнова осваивает литографию — в то время в Японии этим способом печатались открытки, виньетки, денежные знаки. Но она видит в литографии неиспользованные художественные возможности.

Маленькая, хрупкая женщина делает тяжелую мужскую работу, сама травит, сама печатает. Вскоре ее работы получают признание. Средствами литографии она научилась передавать «нотан» — тот переход тонов от густо-черного до чуть сероватой дымки, который старые японские мастера школы тушевой живописи «суйбоку-га» передавали нажатием кисти. Русская художница становится лучшим литографом Японии — ее имя вошло в историю современного японского искусства. Она становится членом самых представительных объединений японских графиков, с успехом проходят ее персональные выставки.

«Какая чистота и тонкость художественной манеры! Какая высокая человечность! Я преклоняюсь перед правдой ее творчества»,— писал о работах Бубновой прославленный Мунаката Сико, один из самых известных японских художников.

Варвара Дмитриевна жила в Японии не как турист. Она не пленилась экзотикой, не впала в стилизацию. Она изображала будни Японии, ее беды. Изображала с симпатией к японским труженикам. С необыкновенной силой передавала страдания, вызванные войной. Писала пейзажи, цветы, бытовые сценки. Они выразительны, полны жизни. В них ее глубокая страстность и русская душа. Она осталась русской художницей, верной принципам своей художественной школы.

Материальные обстоятельства заставили Бубнову взяться за преподавание русского языка и литературы. И художница садится за книги. «Чтобы учить, мне пришлось учиться самой, литература не была моей специальностью». Но трудное время, которому, по ее словам, пришлось уделять свободные часы дня и тяжкие часы ночи, вознаграждено. Прикосновение к русской литературе, к Пушкину стало для нее на чужбине душевной опорой.

Но как сделать, чтобы иноязычный читатель смог почувствовать сердцем дух русской культуры, музыку пушкинского стиха?

Несоответствие самого строя языков — труднопреодолимый барьер, особенно для поэзии. «Бесподобный по своей поэтичности роман «Евгений Онегин» в японском переводе, как говорят, очень точном, кажется японскому читателю скучным, и высокая его оценка нами, русскими,— непонятной»,— с горечью писала Бубнова. Она считает, что, поняв Пушкина, иностранец поймет дух русского языка, русской культуры, ему откроется русский характер. И на занятиях со студентами словно заговорил сам Пушкин: она просто читала, как правило, наизусть его стихи, объясняя труднопонятные места.

Она читала Пушкина с благородной простотой, стараясь донести до слушателей каждое слово. У Варвары Дмитриевны были от природы глубокий звучный голос и безукоризненная дикция. От матери-музыкантши она унаследовала чувство ритма. Ее чтение, ее любовь к Пушкину, сквозившая в ее глазах, преодолели преграду чужого языка. Лекции профессора Бубновой о «Евгении Онегине» стали событием. Студентки плакали, слушая письмо Татьяны. И, по словам японских русистов, многие из тех, кто до сих пор умозрительно понимал величие Пушкина, по-настоящему, сердцем почувствовали пушкинскую поэзию только тогда, когда услышали, как читает Варвара Дмитриевна. Из ее учеников вышли многие известные ныне переводчики и исследователи Пушкина. Шесть имеющихся сейчас переводов «Евгения Онегина» сделаны ее учениками или близкими друзьями. С ее участием вышел первый в Японии перевод пушкинской лирики. Варвара Дмитриевна часто была для своих студентов первым русским человеком. По ее душевным качествам они судили о ее родине.

«Мне кажется, что русская культура прекрасна, если она создала такой тип человека. Ее пример — мне наука». Так сказал профессор Кимура Сёити. Его перевод «Евгения Онегина» считается в Японии лучшим.

Ни признание ее как художника, ни любовь и уважение русистов не могли заглушить в душе Бубновой стремление вернуться домой.

Она писала:

«Смысл привычных нам слов — родина и чужбина — лучше всего поймет тот, кто надолго был разлучен с родиной. Сами корни этих слов раскрывают их глубокий смысл, не всегда доходящий до нашего сознания: чувствовать себя в стране родным, несмотря на испытания, которым она нас подвергает, или чувствовать себя в стране чужим, несмотря на все хорошее, что она нам предлагает. Свою жизнь в Японии я могла бы назвать счастливой, если бы не мысли о Родине, к которой меня так тянуло, что каждый пароходный гудок или свисток поезда пробуждал острую тоску».

В 1958 году после тридцатишестилетнего отсутствия Варвара Дмитриевна снова на родине. Ей 72 года.

Вскоре абхазскому писателю Георгию Гулиа пришло письмо из Москвы от Константина Симонова.

«В Сухуми приехала из Японии искусствовед и график, прекрасный человек Варвара Дмитриевна Бубнова,— писал Симонов.— Она в свое время там нам очень помогала, а я ей помогал вернуться на родину. Она живет в Сухуми у сестры и вообще пишет, что все хорошо, ее и в Союз художников уже приняли и т. д. Но так как она не из плакальщиц, то я думаю, а вдруг не все так уж хорошо, но только не пишет...»

Гулиа навестил Варвару Дмитриевну. Все было, как она писала Симонову: вступила в Союз художников, выставляется, к своему восьмидесятилетию стала заслуженным художником Грузии.

Но с жизнью души было сложнее. Вернувшись, она не нашла в живых почти никого из своих друзей и родных — сестра Мария тяжело болела и вскоре скончалась. Уезжая в Японию, она отдала в Исторический музей свое главное богатство — рукописи Матвея, найти их не удалось. Не удалось обнаружить и ее собственные литографии и акварели, посланные в Москву через ВОКС. Ее искусство сразу принято настоящими ценителями — первая персональная выставка Бубновой состоялась в Тбилиси в 1960 году, на нее восторженной статьей отозвался Ладо Гудиашвили. Но на выставках, где еще царствует парадный портрет, оно кажется инородным. Ей кажется, что ее работы никому не нужны...

Но отсветы этих чувств проявлялись только в строгом, порой трагическом выражении лица на автопортретах. В жизни она была мягче и улыбчивее. Лучистые глаза внимательно и доброжелательно смотрят на собеседника. Вокруг нее много людей: она нужна, нужен ее спокойный разговор, энциклопедические знания, атмосфера подлинной духовности, ведь дефицит ее обнаружился не сегодня. Она одинаково приветлива к маститому писателю и начинающей художнице. Молодых и старых привлекает ее дом — гнездо подлинных интеллигентов, где быт не главное, а на первом месте — ценности иные.

Писатель Фазиль Искандер, знавший Варвару Дмитриевну в дни своей молодости, очень точно сказал о ней: «Тихий голос, мягкие движения и твердый взгляд, иногда загорающийся юмором,— это покоряло».

Два с лишним десятилетия, которые Бубнова прожила после возвращения (а часы ее жизни отбивали восемьдесят, восемьдесят пять, девяносто...), не доживание. Это интеллектуальный всплеск, подготовленный ее долгой жизнью.

Она удивительно современна. На ее глазах в Петербурге вместо конки проводили трамвай, и многим это казалось ненужным новшеством, а она откликается на полет Гагарина, освоение атома. Ее занимает расщепление ядра — об этом она ведет длинные разговоры с физиками, местными и приезжающими в Сухуми,— она им интересна, интересен ее неординарный ум, своеобразие мышления. Она делает портреты Курчатова, Марии Кюри, Эйнштейна.

Она спешит «привести в порядок дела»... дарит все, что считает ценным: свои лучшие работы — художественным музеям, издания Пушкина со своими иллюстрациями — пушкинским музеям Москвы и Ленинграда, свои зарисовки Бернова академической поры — Берновскому музею А. С. Пушкина. При восстановлении вульфовского особняка она была главной советчицей.

Варвара Дмитриевна много пишет — воспоминания, теоретические статьи. Она считает это своим долгом и перед Матвеем, и перед молодыми художниками. Она верит, что ей есть что им сказать. «Я чувствую себя хранителем сокровищ,— полушутя-полусерьезно говорила она.— Я должна отдавать свои знания молодым». Ее не останавливает, что статьи не печатаются. Не в силах помочь такие авторитеты, как К. М. Симонов, М. В. Алпатов и А. Т. Твардовский, который писал: «Рад сообщить Вам, что статью Вашу прочел «одним дыхом». Я — невежда в том, что Вы делаете кистью и т. п. орудиями, но в том, что (и как!) Вы пишете пером, позволю себе думать, кое-что соображаю. Это великолепно: умно, изящно, немногословно и ясно».

Ее не обольщают похвалы. «Ты сам свой высший суд»,— говорит она словами Пушкина, его портрет всю жизнь висит над ее письменным столом. Она не позволяла себе падать духом при неудачах, а их в ее жизни было немало. К обидчикам относилась с мудрой снисходительностью. Горечь приправляла юмором. В любом настроении садилась за работу.

«Только наши труды,— записала она,— дают нам скромное, но устойчивое счастье».

В поисках утраченного времени

ЧТО ЧИТАТЬ!

Да простят нам редакторы журнала «Молодая гвардия», что заглавие для этих заметок мы взяли взаймы у автора заграничного. Речь-то все равно пойдет о делах и проблемах домашних. И о том, что все мы дети времени, а порой — разных времен...

Недавно, когда из угрюмых глубин начала всплывать публика, с гапоновским рвением призывающая честной народ строиться под хоругви общества с добрым именем да неустоявшимся характером, вдруг увиделось, как многие призывы «Памяти» эхом отдаются в сочинениях отдуманных и речах неслучайных. Сказанное станет понятнее, если прочесть статью заместителя главного редактора журнала «Молодая гвардия» Вячеслава Горбачева «Перестройка и подстройка» в только что увидевшем свет седьмом номере ежемесячника.

Статья не содержит и тени полемичности, она переполнена такой обозленностью, что больно читать. Журнал выступает с позиции, традиционной для себя, но по нынешним временам особенно непристойной — групповой, и, судя по тону — доведен до отчаяния, а судя по аргументам — готов на все.

Это очень серьезно. Особенно теперь, когда мы во многом разбираемся заново, сплачивая здоровые силы общества для борьбы за нелегкую и такую высокую цель, стремясь реализовать решения XXVII партийного съезда. Ведь когда читаешь упомянутую статью Вячеслава Горбачева, все время хочется поглядеть на обложку, убедиться, что это не ошибка — журнал вправду отпечатан в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, после январского и июньского Пленумов ЦК, сегодня. Автор статьи глаголет будто из минувшей эпохи, навешивая свои ярлыки. Где ему до аргументов — он формулирует: «...Само понятие партийности литературы и искусства исчезло со страниц «Огонька», «Огонькy» с его развлекательными шоу и гала-публикациями не подняться, не осилить обыкновенную правду простого человека из глуши, из провинции...», «Огонек», мол, задался целью «деидеологизировать духовную жизнь, потрафляя западным веяниям и нашему культширпотребу». И так далее...

Зачем это? Кому дорог весь этот ярлыковый пафос, демонстративное непонимание того, что происходит сегодня в нашей стране и ее культуре? Впрочем, в разговоре о прошлом оказался аспект, где статья куда более раздумчива, зовет разобраться, не обвинять до полного выяснения: «Если взять годы репрессий, предшествовавшие культу Сталина, то какова его лично вина и вина, допустим, Ежова, а позднее Берия или других членов ЦК в нарушении социалистической законности?» Здесь, мол, выяснять и выяснять еще...

Вдумчивость, с которой редакция хочет разобраться в ответственности за репрессии политические, на современный литературный процесс не распространяется. В нем «Молодой гвардии» все раз и навсегда понятно. Редакции не нравится, кого, куда и где назначают, редакция колотит в набат, извещая, что «давно пора говорить не о тенденциях и противоречиях процесса, а о той возможной опасности, которая наметилась с приходом нового руководства в такие общественно-политические и литературно-художественные издания, как «Огонек», «Советская культура», «Московские новости», «Неделя». В следующей фразе хорошо информированный журнал ЦК ВЛКСМ мужественно объединяет немилые ему издания в понятии «дочерних филиалов» еще более немилой ему «Литературной газеты». (Напомним, что пять упомянутых изданий являются органами пяти разных ведомств. Над утверждением журнала можно задуматься, а можно и пожать плечами, ответив советом Максима Горького: «Грамотность совершенно необходима для всех людей, а в особенности для тех, которые занимаются литературой».)

Впрочем, то, как выстраивает свои мысли Вячеслав Горбачев, если и можно назвать неграмотностью, то хорошо продуманной, особого рода. Вычерчивая собственную схему развития советского общества «с двадцать четвертого года, то есть сразу после Ленина», автор прослеживает линию на некое мистическое почти противостояние «бюрократов» и «народа», уже не пытаясь анализировать роль и судьбу партии в этом процессе. Для руководителя комсомольского журнала автор не шибко информирован о решениях не то чтобы партийных, но даже комсомольских съездов, происшедших «с двадцать четвертого года», а значит, и анализ его скорее похож на подгонку сложнейших вопросов под традиционные для журнала решения и ответы. Автор цитирует дорогие ему стихи, призывая «не ворошить старые могилы» и «отвечать за мирозданье», а надо бы ему помнить и «Коммунисты, вперед!», трогая темы, связанные с исторической судьбой народа, того самого, чьи дни и дела неотделимы от истории партии. Делая свое «народолюбие» общим местом, не слишком ли усердствует журнал, избегая четких классовых определений в случаях вполне конкретных. Позиция?

Если по многим позициям статья, так сказать, дремуча, то это дремучесть принципиальная. Групповщина «Молодой гвардии» давно существует, как принцип, выстраданный в десятилетиях. Проследите, как четко сортируются в статье «свои» и «чужие», сколачиваются когорты «борцов» и «отступников». Правда, в течение времени некоторые колебания случались. Например, когда сегодня руководители «Молодой гвардии» где надо и не надо кличут себе в союзники покойного Александра Трифоновича Твардовского, то лучше перечитали бы они в № 30 «Огонька» (того самого «старого») за 1969 год статью, подписанную нынешним главным редактором «Молодой гвардии» Анатолием Ивановым, Петром Проскуриным, Сергеем Викуловым и рядом других писателей и названную «Против чего выступает «Новый мир»?», где возглавлявшийся А. Твардовским журнал одергивали, окрикивали да учили уму-разуму. Причем аргументы этой борьбы были во многом те же, что выдвигаются «Молодой гвардией» и сегодня, но уже против сразу нескольких газет и журналов. В прошлый раз сработало...

Автор статьи в «Молодой гвардии» активно ратует за перестройку. Однако, что и как необходимо перестраивать, он понимает весьма своеобразно. Так, по его мнению, литература в перестройке, видимо, не нуждается, ибо «и в застойные годы советская литература не являлась конъюнктурной,— речь лишь о той ее в известной мере незначительной элитарной части...». Оказывается, именно эта часть «за право эстетствовать и «иметь лишнее» платила тем, что оправдывала в глазах общества идеологию застоя, бюрократизма, двойственности личности...».

Но год от году не легче. Недавно В. Горбачев на Брянщине услышал от серьезного собеседника такой прогноз:

«— Посмотрим, как вы в Москве договоритесь. А то читаешь некоторые газеты, журналы и думаешь, что партийному слову ходу вообще не дают, гонят одну набоковщину...

Да-а, наблюдательный человек мой собеседник,— замечает В. Горбачев,— вон как припечатал: гонят набоковщину! Обидно, но отчасти он прав. Многовато не так Набокова, а именно набоковщины — стремления повальяжничать с перестройкой, подставить ей ножку, завалить набок, сделать своей подстилкой».

Вот так В. Горбачев (и не только здесь) перепевает горячо отвергаемые им доводы и лексику «рапповской групповщины»! Так ведь и слышится: «Ударим по пилатчине!»...

Ностальгия по-старому — от «старого «Огонька» до старых методов административного руководства культурой — нескрытно выпирает из статьи заместителя главного редактора «Молодой гвардии», кстати, автора восторженного вступительного слова к собранию сочинений А. Софронова, редактора «старого «Огонька».

Закавычивая эти «старые» и «новые», пользуемся разделительной терминологией руководителей молодежного журнала, постоянно прибегающего к методам, памятным по другому календарю, тянущимся в милые сердцу «Молодой гвардии» времена зубодробительных постановлений сорокалетней давности, когда политические наветы могли решать судьбы людей и журналов. Порой спорить не о чем, потому что как, если не провокацией, можно назвать слова из статьи в июльском номере «Молодой гвардии», где «новый «Огонек» обвиняется в «отказе от ленинских принципов, партийности искусства» и даже «отказе от ордена Ленина». Ведь автор этих доносительских ярлыков отлично знает, что лжет, но на его календаре еще такой год, где наветы действуют безотказно.

Ведь как им обидно, наверное. Такой отработанный метод, столько раз помогал, а теперь не всегда срабатывает. Вот и задумался журнал, искренне задумался, как сказано в цитировавшейся статье заместителя его главного редактора, «всматриваясь в несколько затуманенное прошлое страны хотя бы довоенного периода...».

Атмосфера искренности хороша тем, что в ней невозможно спрятаться, трудно даже временно отсидеться за многозначительными личинами. Приходится раскрываться, приходится не казаться, а быть — даже рискуя. На ответственнейшей встрече год с небольшим назад, в канун восьмого съезда писателей СССР, многолетний главный редактор журнала «Молодая гвардия» А. Иванов в приливе откровенности объявил, что, мол, если нам что сегодня и необходимо, так это нечто подобное давнему постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград», вычеркивавшему из литературы не только М. Зощенко или А. Ахматову, но сам дух того, что зовется сегодня гласностью, творчеством, демократией. Никто не удивился, потому что удивляются поступкам непонятным и неожиданным.

Отношения между человеком и временем, человеком и его окружением должны быть определенны и логичны. Исходя из этого, вполне объясним факт, что редактор «Молодой гвардии» получил на прошлогодних выборах руководящих органов Союза писателей СССР больше всего голосов против — практически каждый третий делегат последнего съезда писателей вычеркнул А. Иванова из списков правления. Так сказать, откровенность за откровенность, тем более что репутация журнала «Молодая гвардия» и его руководства не сегодня сложилась. Ежемесячник, по названию и назначению молодежный, твердо держится на позициях, которые в политических словарях определяются как «стойкий консерватизм».

Вряд ли в стране есть издание более групповщинное и более последовательное в однажды определившихся личных связях и симпатиях. Любой мало-мальски квалифицированный читатель скажет вам, кого поименно из писателей известных «Молодая гвардия» признает, славит и публикует, а кого — никогда, ни за какие пряники. Что касается молодых, то, увы, вряд ли вы назовете имена, основательно вошедшие в литературу сквозь нынешнюю «Молодую гвардию», журналу не до них. Впрочем, это уже другая история.

Сейчас откровенно и убедительно говорится о необходимости единства во имя общей цели, о том, что все мы, участники перестройки, «должны сверять часы». С нынешней «Молодой гвардией» надо бы не часовые стрелки, а календари сверять — столь странны бывают у журнала представления о духе времени.

Симптоматично появление статьи в июльском номере «Молодой гвардии». Сколько в ней боли по ушедшему времени, сколько опыта, накопленного именно в тех, ушедших десятилетиях.

Сегодня важнее всего сплотиться во имя перестройки. Но важно и знать, кто не хочет перемен к лучшему. Очень больно читать клевету. Очень важно, что прошли ее лучшие времена. Мы еще многое обсудим, о многом поспорим. Уходя в трудный, поколениями выстраданный и завоеванный путь, хорошо знаем, что каждый шаг будет сложен. А кто сказал, что победа, вымечтанная Лениным и оплаченная столькими жизнями, дается легко?

* * *

Недели за три до статьи в «Молодой гвардии» редакция «Огонька» получила серию анонимных писем-ультиматумов, где от имени «истинно русских патриотов» от нас требовали публикации провокаторских «протоколов сионских мудрецов» и нескольких хвалебных рецензий на произведения, которые в июльском номере «Молодой гвардии» были поименованы как эпохальные. В противном случае «истинные» угрожали расправой, уверяли, что «за нами дело не станет». Никак началось?

Юрий РОСТ **СВЕТОТЕНЬ**

ОДИН ИЗ ПАРНОГО ПОРТРЕТА

Более шестидесяти лет тому назад Борис Кустодиев написал парный портрет. На нем двое молодых ученых — ученики знаменитого физика А. Ф. Иоффе: один — с трубкой, другой — горбоносый.

Картина побродила по выставкам, размножилась в тысячах альбомных оттисков и стала известна всем любителям живописи, физики и химии.

Едва ли художник предполагал, что пишет портрет, на котором изображены два будущих нобелевских лауреата — Петр Леонидович Капица (с трубкой) и Николай Николаевич Семенов.

Картина эта и по сей день висит в доме Капицы, а самого его нет. В доме Семенова нет и копии ее...

В прошлом году в канун девяностолетия Николая Николаевича, взяв камеру, я отправился на Фрунзенскую набережную, совершенно не предполагая создать изображение, которое конкурировало бы с кустодиевским полотном. Просто хотелось сделать снимок человека, достойно прожившего на земле жизнь и создавшего теорию цепных реакций.

Жаль, что работал он в области химической физики, а не в сфере человеческих отношений. Цепные реакции взаимопонимания, сострадания, добра... Может быть, теоретическое обоснование их помогло бы найти кратчайший путь к воспламенению любви человека к человеку и взрыву душевной щедрости. Впрочем, мечты... Одному даже с дюжиной учеников и последователей еще, быть может, под силу помочь всем, но, увы, не по силам каждому...

Академик сидел за столом в строгом темно-сером костюме и работал. У стены, рядом со столом, стоял стул. На стуле, наделенный отдельной самостоятельной ролью, висел пиджак, отяжелевший под грузом многочисленных наград хозяина.

Семенов перехватил мой взгляд, отрицательно качнул головой и сказал: «Пусть стоит». Он сел на стул рядом, посмотрел на пиджак-монумент, как на прошедшие с пользой годы, и отвернулся.

Я перехватил его взгляд и увидел на стене картину, на которой Николай Николаевич Семенов был изображен без своих сверстников и учеников, один. Совсем один...

Виктор ДЕМИН,
секретарь правления Союза кинематографистов СССР

НАШ ФЕСТИВАЛЬ...

ЗАМЕТКИ ПО ОКОНЧАНИИ

Дороти Удварош и Федерико Феллини с наградами кинофестиваля. Фото Александра Награльяна

Жюри конкурса художественных фильмов присудило Большой приз фильму «Интервью» режиссера Ф. Феллини (Италия). Специальный приз поделили фильмы «Курьер» (СССР) и «Герой года» (Польша). Лучшей исполнительницей женской роли названа Д. Удварош (Венгрия, фильм «Целую, мама»), приз за лучшую мужскую роль получил Э. Хопкинс (Великобритания, фильм «Чаринг кросс роуд, 84»).

В соревновании фильмов для детей победила американская картина «Путешествие Нэтти Ганн». Серебряных призов удостоены ленты «Вундеркинд» (Польша), «Говори смело» (Италия), «Бах и Брокколи» (Канада).

В конкурсе короткометражных лент почетный Золотой приз присужден советским кинематографистам — участникам создания фильмов о Чернобыле. Серебряные призы вручены авторам фильмов «Мозамбик. Штрихи к портрету» (Мозамбик) и «Автобиография» (ЧССР).

Вопрос о том, быть или не быть Московскому международному кинофестивалю, решался в 1958 году. Тогда не было недостатка в нововведениях. Вопрос лишь в том, как их, эти «введения», задумывали. Рраз!— и введены совнархозы, руководство которых обречено болтаться между экономическим всесильем ведомств и государственной властью на местах. Рраз!— и введен Московский фестиваль, всем на диво, нам во славу, потомкам — в радостное изумление. Задуманный как самый масштабный, самый прогрессивный, самый представительный. Обреченный не столько быть творческим соревнованием художников, сколько своим итогом возвещать миру неминуемое торжество самых дорогих нам, самых главных идей.

В эти же годы Михаил Ромм для новой редакции «Ленина в 1918 году» вырезал, как ему казалось, «весь культ», что составило пару сотен метров пленки. Смеясь, рассказывал он о директоре группы, который не знал, что делать с этим аппендиксом. Выбросить его он не решался. «Отвезем в Госфильмофонд, в Белые Столбы! Может быть, историкам понадобится!» «Каким там историкам!»— веселился Михаил Ильич.

Сегодня видно невооруженным взором, кто был прав в споре. Замечательный режиссер искоренял из своего творчества «культ» вполне по-культовски. Тут и убежденность, что историю вполне можно подчистить, а такая, какой она была на самом деле, она никому не понадобится. Тут и уверенность, что весь «культ» сводится к фигуре Сталина на экране, а на остальных кадрах не останется печати, что они сняты в 1938 году. Тут и слишком легкое разграничение творческого труда на истинный и не истинный, а как бы кем-то продиктованный, как накладные расходы к остальному.

Все мы были тогда таковы. Отчаянно хотели нового и утверждали его по-старому.

Фестиваль получил девиз «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!».

Была попервоначалу надежда, что в Москву станут съезжаться со всей земли только политические единомышленники, пусть на широкой идейной платформе.

Заманчивая, но вполне утопическая надежда. Во-первых, потому, что кинематограф и хотел бы да не может в реальном своем существовании пренебрегать товарной стороной процесса функционирования. Фильм становится фильмом тогда, когда его смотрят: недополучив чьих-то копеек на билете, машина проката начинает крутиться себе в убыток и может вовсе остановиться, если не сменит репертуар.

Казалось сомнительным, во-вторых, что при планируемом масштабе фестиваля он закрыл бы к себе дорогу добротным образцам «нейтрального» в политическом смысле кино или даже типичным буржуазным жанрам, вроде мелодрам, вестернов, триллеров, если они оказываются примечательными в художественном отношении.

Наконец, следует учесть: наступали годы необычного расцвета как раз «политического» кино. Наш же кинематограф, как нарочно, именно в эти годы постепенно отходит от собственно политических или собственно социальных проблем — они становятся редкостью.

Поначалу, впрочем, все было радужно. В 1959 году Главный приз был отдан «Судьбе человека», прочитанной Сергеем Бондарчуком по рассказу Михаила Шолохова драматично, трагично, с пронзительным чувством одиночества и тоски по близким, унесенным ураганом войны. В конкурсной программе 1959 года он возвышался над всеми эпическим своим дыханием, аскетичной строгостью рисунка, простотой многозначных решений.

Через два года тоже повезло: фестиваль взорвался еще одним шедевром под названием «Голый остров». Однако шедевр был из далекой Японии. Ни к борьбе за мир, ни к социальному прогрессу он отношения как будто не имел. А фестиваль был молодой, традиции его только складывались. И в дополнение к «Голому острову» мы приставили к Главному призу «Чистое небо», вполне достойную картину Григория Чухрая, с волнующими сценами, с остропублицистической проблематикой, но все-таки никак не шедевр, в особенности для мирового кино.

Так началось. Взамен отсутствовавшей традиции объективности крепла другая — нашему фильму незримо добавлялись очки, у остальных незримо отнимались.

Столкновение решительное и очевидное произошло на III фестивале, в 1963 году, когда в Москву приехал Феллини. До сих пор досконально не выяснено, как это случилось. Ни один его фильм не был еще у нас в прокате, только «Дорогу» показали в дни Недели итальянского кино. Еще совсем недавно в наших газетах его поругивали — за бульварность сюжетов, за отвлечение от социальных бед. Цитировали итальянского критика, назвавшего Феллини «убийцей неореализма». Впрочем, и наши не стеснялись в выражениях. Забавно было следить за эволюцией одного из них, весьма маститого. После «Ночей Кабирии» он писал: это что-то ужасное, нравы окраины, проститутки, сутенеры... После «Сладкой жизни»: даже в «Ночах Кабирии» что-то было, симпатии к простому люду, чаплинский мотив затравленного маленького человека, но теперь — просто любование растлением, распадом, общественным гниением... После «Восьми с половиной» он догадался, что и в «Сладкой жизни» что-то было — ерничество, гротеск, издевательство над богатыми бездельниками, тогда как новая картина того же режиссера — «параноический бред», не имеющий ровно никакого смысла и потому названный порядковым номером.

Существует легенда, что приехать в Москву Феллини уговорила Джульетта Мазина, много более левая по своей общественной позиции, чем муж. Художник размышлял: молодой фестиваль, пока что весьма престижный по своим потенциям, а громких имен там не много...

Отборочная комиссия не решилась отвергнуть картину, хотя в ней не было ни слова про борьбу за мир. Оргкомитет — тоже. «Звезды» нам были нужны, остро нужны. Нужны как участники. А как победители?

О фильме «Восемь с половиной» сейчас написаны горы литературы. Андрей Тарковский не раз приводил его в качестве образца кинорежиссуры. После одной своей лекции в Центральном лектории в Москве он показал три части из «Андрея Рублева» и «Восемь с половиной» целиком. Может быть, лучшая работа Феллини, горькая, очень печальная, смешная, разом предельная исповедь и насмешливый, полукарикатурный автопортрет («Карикатура предполагает моральный взгляд на вещи»,— говорит Феллини), этот фильм сегодня высится среди самых высоких, самых знаменитых вершин истории мирового кино. И во всех справочниках можно прочесть — «Гран-при Московского международного фестиваля, 1963 год». Но это неверно. Фильм премии у нас не получил. Премию получил Феллини — «за творчество, в котором...» и так далее. Среди этих хвалебных строк фильм, ставший поводом, даже не упомянут.

Я помню минуту в гостинице «Москва», когда будущего триумфатора только что доставили из Шереметьева. Сорокатрехлетний, начинающий грузнеть, уже с большой залысиной, он повел по толпе глазами, обведенными черной полосой, и сверкнул ими на меня так, что я, по пословице, прирос к полу. Картина еще не была ОФИЦИАЛЬНО ДОПУЩЕНА в конкурс, он чувствовал ка-

кую-то возню вокруг нее, но знал, хорошо знал, какую бомбу он привез и сколько она способна смести на своем пути замшелых предрассудков.

Очень многие. Однако не все.

Где и как ковалось наше ответное оружие? Была повесть Вадима Кожевникова под названием «Знакомьтесь, Балуев!», как мне кажется, совсем не лучшее произведение маститого прозаика... И был фильм, на скорую руку отснятый театральным режиссером, впервые вошедшим в съемочный павильон. Фильм не просто средний, не просто слабый, не просто, как говорят, «никакой». Фильм ужасающий по профессиональной беспомощности, фальши, деланности, а также скуке. И руководитель нашего кинематографа смело бросил его в турнирный поединок, неколебимо убежденный в нашей победе: с их стороны, как он рассуждал, муки стареющего творца, запутавшегося между женой и любовницей, с нашей — трогательный пример благородного прораба, знающего, как от подчиненных добиться своего.

Он был слеп, тогдашний руководитель нашего кинематографа, можно ли об этом сказать хотя бы четверть века спустя?

Лет через пять я буду беседовать с этим человеком об эстетике в кино. Ее там нет, скажет он. А есть Большая Политика.

— И «Гамлет» — политика? — спрошу я.

— Конечно. Большая.

— И «Мне двадцать лет»?

— А это как раз эстетика. Потому эта картина никого и не интересует.

— Меня, например, она очень интересует.

Он взглянул на меня поверх очков и веско произнес, чтоб запомнилось:

— А кого, собственно, интересует, что это вас интересует?

Запомнилось. Потому что многое объяснило.

Парадокс с картиной Феллини состоял в том, что сторонники ее действовали во славу, на счастье, на процветание Московского фестиваля. Те же, кто бдительно пекся о Большой Политике, делали, по сути, все, чтобы фестиваль терял престиж. Получи главный приз «Балуев», «лавочку» можно было прикрывать. Двойственное решение, принятое в тех обстоятельствах, означало, что фестиваль ранен очень тяжело, хотя еще не смертельно.

Художник всегда античиновник. Открытое в порыве вдохновения не соответствует параграфам и уставам. Если мы не хотим уставных опер, живописи по инструкциям или, как еще говорят, «секретарских» романов, мы должны признать самостоятельное значение искусства, пусть даже «в известной мере». Фестиваль, где некому было заступиться за искусство, со всей определенностью разживался чертами благостной показухи и казенного мероприятия для галочки.

Невиданная многочисленность жюри, что вовсе, оказывается, не укрепляет его объективность. Редкая протяженность конкурсной дистанции — пятнадцать дней. Радость, что к нам приехало 98, 106, 114 стран, отчего число конкурсных картин вырастает, например, до 46... Кто, когда может все это посмотреть? Учтем еще, что рядом с игровым фестивалем в то же самое время проводятся еще два — документальных и детских фильмов. До документалистов, до детского кино дело всерьез, как правило, не доходило. Съезжались и разъезжались первоклассные мастера, многие из них — люди фантастической судьбы, делавшие свои фильмы под пулями врага, познавшие застенки и прозябание на чужбине, а мы лишались всего этого, оно проскакивало мимо нас по одной только физической невозможности объять необъятное.

Но кто-то все это планировал? И планирует раз за разом?

В Карловых Варах каждый фестивальный день у гостиницы играет оркестр на радость горожанам. Конкурсные фильмы там смотрят все вместе: и жюри, и пресса, и публика, заполняющая примерно половину зала. Никаких швейцаров у дверей, и подростки носятся по этажам, добывая автографы у кинозвезд. Фестивалем живут все, весь город — нет ни одной витрины в магазине, в кафе или в парикмахерской, где не красовались бы кадры из фильмов и красивые, крупные, цветные плакаты.

Это фестиваль домашний, уютный, человечный, главное на нем — общение.

Фестиваль в Западном Берлине деловит, строг, собран. Портретов и флагов немного, фанфарами не злоупотребляют. Зато в пресс-центре журналистов и всех желающих поджидает лавина справочных материалов. Помимо «независимой газеты фестиваля», вдрызг высмеивающей все и вся, ежедневно выходит пухлый бюллетень на немецком и английском, совершенно бесплатный, с разделом юмора и огромным количеством иллюстраций. Здесь все буднично: сидят в плащах, член жюри получает билет на место, как любой другой зритель... Но здесь бурные пресс-конференции, дискуссии на «вольной трибуне» охватывают новейшие явления мирового кинематографа, и необъективное решение о распределении призов могут дружно ошикать, освистать.

Лицо нашего фестиваля — лицо хлебосольного, покладистого весельчака-хозяина, который по рассеянности то и дело забывает, зачем он пригласил гостей.

Покойный критик Юрий Ханютин уверял, что формула фестиваля: «Собрать всех знакомых, чтобы у них на глазах раздать подарки себе и своим родственникам». Пусть с некоторым преувеличением, но шутка хорошо подметила уязвимость фестивального комплекса мероприятий в их самом важном пункте: творческое соревнование постепенно уходило, и тем, естественно, ослаблялся момент творческий. Призов было много, слишком много, к официальным добавлялась череда неофициальных, чуть ли не от обувной фабрики, — так утешали безнадежных неудачников. В общем, после десятого приза уже неясно да и неважно было, кого за что выделяют. Отсюда возможность не то чтобы злоупотреблений, а как бы «доброупотреблений». Важное государство третьего мира, с которым только-только установлены дипломатические контакты, — как не почтить его картину на благо общего дела мира? Вопрос о призе тут решался без упоминания искусства, которым картина не баловала. А что касалось Главного приза...

В 1987 году на Каннском фестивале жюри, куда входил Элем Климов, присудило Гран-при французской картине.

Предыдущий такой случай был там двадцать три года тому назад.

Мы тоже порадовали кинематографию рекордом. В этом году советская картина не была удостоена Гран-при в Москве и даже не поделила его. Предыдущий такой случай — снова с Феллини — произошел двадцать пять лет назад...

В этом была элементарная чиновническая логика — могут спросить: как, есть, значит, лучше фильмы, чем в нашем кино?! Тогда чем же вы, дорогой, занимаетесь?

Когда положение стало совсем смешным, решили... нет, не изменить его, а официально увековечить. Главный приз был торжественно отменен. Вместо него вводились три равноправных золотых приза и три таких же равноправных серебряных. Полная, столь желанная обезличка. «Выиграла дружба!»

Над этим посмеивались, пожимали плечами, иностранцы не жалели ехидных вопросов. Даже Союзу кинематографистов, если б он и захотел выразить свое мнение о ставшем ведомственным недоразумением фестивале, и то нелегко было бы добиться права быть выслушанным. Но он, к общему спокойствию, и не хотел.

Бурный пятый съезд кинематографистов все расставил по местам. Не будем сбрасывать со счетов и критический обстрел, под которым находилось Госкино до нашего съезда, всю зиму и весну.

Фестиваль вызвал злую и обширную критику в числе всех остальных явлений нашей жизни. И вот что странно — никто не заступился за фестиваль. Покладисто и безо всяких обид Госкино СССР уступило по всем пунктам. Жюри слишком многочисленны? Уменьшим количество членов. Протяженность фестиваля в днях велика? Сокращаем. Неловко, что один и тот же советский режиссер руководил игровым жюри четыре или пять раз? В руководители жюри выбираем иностранцев. И сократим конкурсную программу полнометражных картин до двадцати двух (в конце концов их оказалось 27, но ведь не полсотни же!). А то, что не взято на конкурс по соображениям художественного уровня, если оно все-таки интересно хоть какой-то частностью, скажем, актерской игрой, или малоизвестным историческим эпизодом, или экзотической природой, отправим в информативную программу «Панорама», и пусть любуются зрители первыми шагами развивающихся кинематографий!

О, если б вы проникли на заседание фестивального Оргкомитета! Вот бы познакомить нас всех с этой работой, которая начинается задолго до того, как взорлят праздничные горны! Сколько служб заняты интенсивной, никому не видимой деятельностью, чтобы все состоялось и прошло как надо! Растет количество заявок на участие — надо расширить гостиничный резерв. Выделяют трайлеры, в них уже следуют в Москву свежие овощи, специально в те отели, где будут расположены делегаты и гости. Особое указание: никаких очередей при оформлении. Наконец, надо предусмотреть и специальный инструктаж горничных, коридорных, официанток...— плохо у нас по части сервиса.

Стало быть, надо учесть и это.

А в Союзе кинематографистов рассуждали о своем вкладе в фестивальный праздник. Мы согласились, что главная беда фестиваля — разобщенность. У входа в «Россию» всегда толпа любопытных — бравые юноши с повязками не позволяют человеку без бляхи аккредитации проникнуть за металлические барьеры. Жалко зрителей, увидевших кинозвезд только сквозь решетку. Но разве кинозвезды не страдают от той же самой разъединенности? Их регулярно возят на так называемые «встречи со зрителями», но это пятиминутная речь перед фильмом и затем поклон с букетом в руках. Всемогущая «галочка»!

Смешно, но и профессиональное, творческое общение между съехавшимися гостями тоже не было предусмотрено. Штабом желанного общения мог бы стать пресс-центр. Но слово «центр», имеющее как раз оттенок пункта сбора, места ежедневных встреч, в нашем случае употребляется условно — расположен наш пресс-центр в какой-то щели, под лестницей, там едва можно развернуться пятерым. Есть еще «пресс-бар», рассадник злачных слухов и тревожных легенд. Это огромное, как ангар, но насквозь прокуренное помещение, где можно танцевать до утра или пытаться перекричать громыхание джаз-оркестра. О таком ли общении мечталось? Неуютно, неинтересно, дорого, словом... Скорее приманка для солидных, седеющих фарцовщиков, удовлетворенных уже тем, что смогли прикурить у самого Жерара Депардье!

Секретариат Союза признал: идеал свободного общения зрителя и профессионалов пока, в этом году, недостижим. Что же, сделаем первый шаг — улучшим, насколько это возможно, общение между собою зрителей и отдельно художников.

Зритель получил «Горизонт». В этом кинотеатре собрались руководители и активисты киноклубов со всей страны, вплоть до Дальнего Востока. Подкованный зритель, так сказать, «зритель-специалист», — наша главная надежда во всех прогнозах на будущее проката. Общество «Друзей кино», которое способно объединить все киноклубы в единую сеть, — это, по сути дела, второй, альтернативный прокат. Простейшие примеры: фильм Александра Рехвиашвили «Грузинская хроника XIX века» получил четыре приза на международном кинофестивале в Мангейме, но был выпущен в нашем прокате смехотворным тиражом — в 34 копии. Республиканские конторы могли показать картину, областные — не каждая. Что делать мне, рядовому любителю кино из Мелитополя или Чебоксар, чтобы увидеть фильм? В одиночку я бессилен перед монопольной властью кинофикаторов. Объединиться! Тогда мы сила, тогда мы можем требовать!

«Горизонт», вне всякого сомнения, дал ощущение этой могучей силы. Сеансы заполнялись единомышленниками, людьми единой страсти — совершенно непередаваемое ощущение! Специальные анкеты, очень удобные в обращении, сделали весь зал коллективным жюри. Особое жюри собралось из президентов крупнейших киноклубов. «Клуб киноклубов» дал свои оценки всем конкурсным и всем просмотренным внеконкурсным картинам. Бесстрастный компьютер фиксировал на дисплее итоговый результат. Еще 16 июля на первом месте было «Жертвоприношение» Андрея Тарковского. Но 17-го посмотрели «Интервью», и фильм Феллини был оценен еще выше. В этом пункте разночтений с Большим жюри не оказалось.

Теперь о том, что получили кинопрофессионалы. К их услугам был ПРОК — Профессиональный киноклуб кинематографистов, участвующих в фестивале. Группа энтузиастов наскоро переоборудовала Белый зал Дома кино, задрапировали стены, перегородили фойе занавесками на колесиках, разместили экспозиции молодых художников и фотографов Москвы, пригласили для выступлений рок-группы и фольклорные ансамбли... И что еще надо, чтобы общение было как можно свободней и непринужденней? Любой мог достать из кармана видеокассету, показать ее в специальном зале и услышать мнения о своей работе. Желающим показали фильм наших молодых режиссеров. Добавьте фильмы кинематографистов-женщин, подборку документальных «шоковых», «сенсационных» лент. Добавьте пресс-конференции по каждой из областей кинематографического нашего хозяйства.

Тут было и объявлено о создании добровольной, внеполитической общественной организации «Американо-советская инициатива». Группа энтузиастов с советской и американской стороны взяла на себя трудную заботу, чтобы экран не был стеной, разделяющей наши народы, а стал мостом, по которому было бы налажено наше сближение. Речь идет о борьбе со «стереотипами ненависти» — теми бездарными штампами, с помощью которых мы часто изображаем друг друга. Речь идет о широкой системе консультаций, о помощи в работе над общими темами. Речь идет об обмене студентами и преподавателями, кинорежиссерами и киноинженерами. Речь идет о совместных постановках и о сотрудничестве на любых уровнях.

Вопросы из зала: француз, югослав спрашивают, возможно ли присоединение к «инициативе» со стороны третьих, четвертых стран? Да, возможно! Журналист из Африки роняет с укоризной: в совместных постановках не только деньги и техника могут представлять интерес, есть другие, культурные ценности... Его адресуют к творческому плану, составленному в Госкино.

Один такой могучий день с гулом всепланетного, отчасти сенсационного отклика больше сделал для расширения культурного обмена, нежели несколько московских фестивалей старого типа.

Недаром разнеслось по Москве, что одновременно проходят два фестиваля — в «России» и в Доме кино, причем неизвестно, какой интереснее.

Московский международный сделал первый шаг, чтобы стать соразмерным современности.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ ЕСЕНИНА

ВЕСЕННЕЙ ГУЛКОЙ РАНЬЮ

Бывает драгоценный житейский сор, бывают в нем находки первостепенной важности.

Такой находкой явилась хранящаяся ныне у ветерана Великой Отечественной войны кандидата технических наук М. Н. Митропольского фотография с неизвестным автографом Сергея Есенина, подаренная поэтом в 1913 или 1914 году неизвестной доселе его знакомой. На обороте фотографии записаны незамысловатые юношеские стихи, может быть, экспромт:

На память Полине.

Юность

Мечты и слезы,
Цветы и грезы
Тебе дарю.
От тихой ласки
И нежной сказки
Я весь горю.
А сколько муки
Святые звуки
Наносят мне?
Но силой тертой
Пошлю все к черту.
Иди ко мне.

Е. С.

Сбоку от этих строчек чуть заметна чья-то надпись карандашом: Полина Ивановна Рович.

Сама фотография была уже опубликована. Очевидно, Есенин заполучил у фотографа несколько отпечатков и дарил их друзьям и близким. Фотография эта датируется 1914—1915 годами, а в некоторых изданиях только 1915 годом. Но подробное знакомство с хроникой жизни и творчества Есенина позволяет внести поправку в упомянутые даты. Дело в том, что такую фотографию Есенин послал из Москвы в Спас-Клепики своему очень близкому, больному другу Грише Памфилову, и тот получил ее, очевидно, в январе или начале февраля 1914 года, увы, всего за несколько дней до своей смерти. Значит, фотография могла быть сделана, если и в 1914 году, то только в самых первых его числах, но скорее всего, еще раньше. Может быть, одновременно также с известной, где с отцом и дядей Есенин снят в рубашке с широким воротником и большим бантом-галстуком.

Однако кто же такая Полина Рович?

Юность поэта была согрета и обласкана многими добрыми, умными людьми. В воспоминаниях его родственников и современников часто и всегда добрым словом упомянут также священник села Константиново Иван Яковлевич Смирнов. Почти каждый год бывала в Константинове родственница Смирнова В. В. Сардановская с детьми — сыном Николаем и двумя дочерьми.

В воспоминаниях Н. Сардановского о Есенине есть запись о том, как в 1914 году, когда Ока была запружена Кузьминскими шлюзами и ее глубина значительно увеличилась, а ширина достигла почти семисот метров, Есенин с приятелями задумали переплыть реку. Плыли втроем: «Костя Рович — московский реалист, Сергей и я...— пишет Сардановский.— Подвиг решили «воспеть». Есенин написал на дверной притолоке того дома, где наша компания проживала, стихотворение, кажется, из трех строф в тяжеловесном стиле греческой поэмы. Я помню последнюю строфу:

Сардановский с Сергеем Есениным,
Тут же Рович Костюшка ухватистый,
По ту сторону, в луг овесененный,
Без ладьи вышли на берег скатистый».

Итак, Полина Рович могла быть сестрой Кости Ровича.

Это предположение подтвердила племянница Полины и Кости Ровичей Галина Владимировна Труевцева, которую не без труда мне удалось найти в Москве. Она же любезно дала для публикации фотографию Полины Рович, сделанную примерно в те годы, когда они дружили с Сергеем Есениным. Галина Владимировна с увлечением рассказывала то, что помнила из своего раннего детства.

К священнику Смирнову в те годы каждое лето приезжал из расположенного ближе к Рязани Коростова заготовитель сена, степенный, деловитый Иван Алексеевич Рович, отец большого семейства, дед Галины Владимировны. С ним в Константинове обязательно был кто-нибудь из его семерых детей. Младшие Сардановские и Ровичи были друзьями Сергея Есенина. Каждый вечер они и другие молодые люди собирались в доме Смирнова, играли в крокет, ставили сцены из пьес, звучали фортепьяно, песни, Сергей читал стихи.

В 1914 году Косте Ровичу было семнадцать лет, а Полине двадцать один год: она начинала карьеру врача в родном Коростове, но вскоре умерла от тифа, а Константин стал агрономом, преподавал в сельскохозяйственном техникуме и дожил до 1972 года.

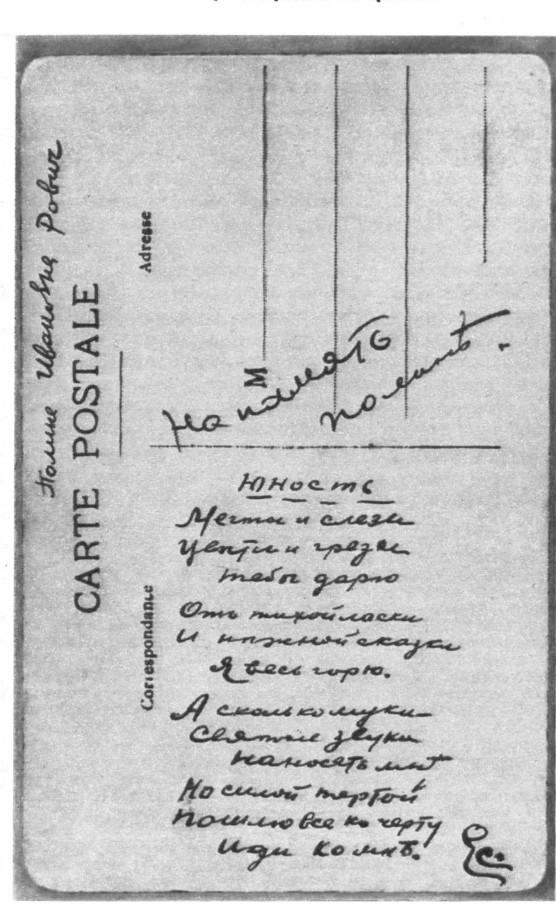
После юношеских встреч на Оке Константин Рович, по свидетельству Галины Владимировны, не поддерживал отношений с Есениным. Он очень ревновал друга детства и юности к его «богемным» знакомым.

Публикуемое теперь стихотворение носит чуть иронический характер, именно так в те годы молодые люди часто писали девушкам в альбом. Конечно, стихотворение не говорит о каких-либо сильных привязанностях Есенина к Полине Рович. Да и не могло их быть. Надо учесть, что Есенин в это время был романтически увлечен Лидией Кашиной. А у Полины в 1914 году уже был жених, которому она писала на фронт трогательные, проникнутые большой любовью письма.

Михаил **ПОСПЕЛОВ**

Сергей Есенин. 1914 г. (!)

Полине Ивановне Рович

CARTE POSTALE

Adresse

Correspondance

На память полине.

Юность

Мечты и слезы
Цветы и грезы
тебе дарю
От тихой ласки
И нежной сказки
Я весь горю.
А сколько муки
Святые звуки
наносять мне
Но силой тертой
Пошлю все к черту
Иди ко мне.

Е. С.

Автограф-стихотворение «Юность». Публикуется впервые.

Полина Рович. Публикуется впервые.

НЕ НОНСЕНС, А ПОДВИГ!

Дорогой Володя!

Твоя жизнь потрясла меня. Твоя творческая жизнь — это подвиг. Твоя ежесекундная борьба стоит многого и достойна поклонения.

Л. Г. Таубэ, балетмейстер

Казань.

Я увидел Плетнева на Всесоюзном конкурсе и запомнил этого артиста на всю жизнь. Можно находиться на сцене долго и незаметно, можно коротко и ярко. Второе — это судьба Плетнева.

Народный артист СССР Михаил Лавровский

После публикации очерка «Pas de deux» в редакцию пришло много писем, суть которых можно определить двумя словами — Плетневым восхищены. Однако было и другое письмо. Его текст мы приводим здесь почти дословно:

«В 10-м номере журнала «Огонек» за текущий год появилась пространная публикация «Pas de deux» о нашем товарище Владимире Плетневе. Такое событие всегда приятно, если бы данная статья была объективной. Однако статья полна беспочвенных оскорблений и наветов на коллектив азербайджанского балета.

Злая судьба вывела нашего товарища, солиста балета Владимира Плетнева из строя. Из-за болезни кровообращения ему ампутировали обе ноги. В расцвете творческих сил артист стал инвалидом. Трагедия? Да, трагедия. Руководство театра и балета сделало все для того, чтобы облегчить судьбу своего товарища. Его оставили в коллективе репетитором балета с окладом 200 рублей, помимо пенсии. Во время его несчастья вся труппа поддерживала его морально и материально. Танцовщик со средними данными, но одаренный эмоционально и сценически, он снискал популярность среди руководства и балетмейстеров, которые с удовольствием выдвигали его на ведущие партии в балетах. Несмотря на безмерное тщеславие, он был безотказен в работе, и это качество покрывало его недостатки. За 10 лет своей работы в театре Владимир Плетнев стал заслуженным артистом, лауреатом Государственной премии Азербайджанской ССР, народным артистом республики! Последнее звание было дано Плетневу по настоянию руководства балета именно затем, чтобы поддержать моральный дух попавшего в страшную беду человека. Он получил квартиру в самом центре, рядом с театром, в одном из лучших домов города Баку. Чем же недоволен Плетнев?! Почему он поливает грязью тот коллектив, который сделал для него все возможное в данной ситуации? Статья изобилует безадресными, голословными обвинениями. Тенденциозно описывается история солиста балета Димы Гаджиева. Его история такова: связавшись с плохой компанией, Дима Гаджиев стал потенциальным алкоголиком. Театр посылал его на принудительное лечение, но из этого ничего не вышло. Уйдя из театра по собственному желанию и не работая в нем несколько лет, он окончательно спился и погиб, покончив с собой. В статье журналиста Лиханова говорится: «...У него было много друзей и еще больше загримированных под друзей завистников, нравственных мутантов, табунами пасущихся возле чужой славы. Это именно они лобызали Диму иудовыми поцелуями...» И дальше: «...Плетнев помешал серостям, как помешал им погибший танцовщик Дима и многие другие. Талант, ведь он для серостей главная опасность...»

Коллектив балета категорически протестует против таких обвинений в свой адрес! С бакинским балетом работали такие балетмейстеры, как Юрий Григорович, Константин Сергеев, Петр Гусев и многие другие известные хореографы. Наши спектакли дважды удостоены Государственной премии СССР, наш балетный коллектив неоднократно и с успехом гастролировал в Европе, Азии и Африке. Во Франции мы были награждены Почетным дипломом Парижской академии танца. Но в статье Плетнев все эти успехи приписывает только себе, ничего не оставляя «серостям», окружавшим его. Да, профессия репетитора физически трудна и обязывает его наглядно показывать танцевальный текст исполнителям. Репетитор без ног — это нонсенс! И, конечно, есть жалобы. Но это не значит, что Плетнева собираются срочно убирать с должности.

Убедительно просим вас разобраться во всем. Мы вам пишем для того, чтобы вы и читатели вашего журнала смогли узнать сущую правду о нас. Смыть с нашей репутации пятно — наша задача. Тем более теперь, в условиях широкой гласности.

С уважением

Алмасзаде Г. — художественный руководитель балета, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР; Абдуллаев Р. — народный артист Азербайджанской ССР, лауреат премии Ленинского комсомола республики; Ахундова Р. — секретарь парторганизации театра, народная артистка Азербайджанской ССР; Баташов К. — народный артист Азербайджанской ССР, лауреат Государственной премии СССР» и другие — всего 14 подписей.

Редакция ознакомила с содержанием этого письма балетную труппу театра имени М. Ф. Ахундова, от чьего имени выступили авторы письма. Примечательно, что о его существовании, как выяснилось, сама труппа ничего не знала.

«Мы, артисты балета, знаем Владимира Николаевича Плетнева по его работе на должности педагога-репетитора. Этот человек фанатично предан своему театру, и мы благодарим судьбу, что Плетнев, репетитор высочайшего профессионализма, работает именно у нас... Мы не мыслим себя без Владимира Николаевича и театр без него. Кто хотя бы раз видел Плетнева на сцене, не в силах забыть этого зрелища до конца жизни. В самые горячие дни руководство театра доверяло только Плетневу репетиции самых ответственных балетов.

Плетнев возобновил балет Григоровича «Легенда о любви». Этот балет давно покинул репертуар, а многие артисты балета, танцевавшие в этом спектакле, ушли из театра по возрасту. Сколько стоило труда и сил, чтобы вспомнить и передать забытый спектакль молодым артистам, вновь пришедшим в нашу труппу. Всем этим мы обязаны только Плетневу. А как он работал с Виталием Ахундовым, готовя его на Всесоюзный конкурс в Москву. Ведь именно после репетиций с Плетневым он стал лауреатом Всесоюзного конкурса и получил серебряную медаль.

Бывают такие дни, когда Владимир Николаевич с утра до самого вечера не уходит из театра, в работе он остается верен себе до конца. Уходят одни артисты, приходят другие, меняются расписания репетиций, лица, лишь он один остается неизменно. Мы, артисты балета, преклоняемся перед его мужеством, силой воли, выдержкой и полной самоотдачей труду. Он всегда был, есть и будет с нами!!!»

Коллектив балета Азербайджанского государственного академического театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова: Закиров, Бляхин, Папшев, Бабкин, Синицына, Фрейман, Алиева — всего 41 подпись.

Артисты и представители общественных организаций театра имени М. Ф. Ахундова обвиняют журнал в тенденциозности и в качестве примера приводят историю трагедии бывшего солиста балета Д. Гаджиева, о котором рассказывалось в очерке. Мол, сам во всем виноват, связался с дурной компанией. Но это их точка зрения. Выслушаем же и другую. Вот что написала в своем письме жена погибшего танцовщика Э. Гаджиева:

«Я долго и мучительно собиралась написать вам, прочитав очерк в «Огоньке» о творческой судьбе В. Плетнева. Этот очерк навеял горькие воспоминания о трагической судьбе моего мужа Димы Гаджиева.

Он мечтал о сыне и желал назвать его Поладом в честь первой своей роли в балете «Девичья башня». Мы были счастливы: у нас родился сын. Через два года после рождения сына Министерство культуры нашей республики по рекомендации руководства балетом направило Диму на двухгодичные курсы педагогов-репетиторов при Московском хореографическом училище, мотивируя тем, что Азербайджан нуждается в грамотных педагогах как в училище, так и в театре.

Какой же удар и душевная боль ожидали его по возвращении из Москвы! По указанию главного балетмейстера Г. Алмасзаде он потерял главные партии. Более того, Диму перевели с положения ведущего танцовщика в кордебалет. Дима попытался возмутиться. Тогда главный балетмейстер предложила написать ему заявление об уходе. Сгоряча он написал этот роковой для него документ.

Несколько дней Дима жил в ожидании, что его позовут и что он еще нужен искусству Азербайджана. Но мог ли он предположить, насколько это решение главного балетмейстера серьезно и окончательно. Он растерялся. Я вынуждена была, видя его душевное страдание, обратиться с просьбой лично к Алмасзаде о пересмотре ее решения. В назидание другим непокорным она отказалась вернуть заявление, хотя не истек даже недельный срок с его подачи.

Не имея иной специальности, Дима оказался без средств к существованию. Он остался без любимого дела. Это и послужило началом его личной трагедии.

Каждый день он приходил к театру, с тоской поднимал взгляд к окнам репетиционного зала, все еще веря в справедливость, веря, что его позовут... Но его не только не позвали, но по указанию именно «загримированных под друзей завистников, нравственных мутантов» Диму не пустили даже на порог театра и вообще запретили впускать его в театр. А о трагической развязке читатели «Огонька» знают из очерка.

Вот и вся правда.

Эльмира Гаджиева».

И все же объективности ради мы решили показать первое письмо из театра имени М. Ф. Ахундова специалистам, профессиональным балетным критикам. Ибо кому, как не им, судить о ситуации, сложившейся в театре, о правомерности тех или иных высказываний. Вскоре пришел ответ:

«По роду своей деятельности нам не раз приходилось встречаться как с балетной труппой Азербайджана, так и с отдельными ее представителями. Именно поэтому нам, быть может, более, чем кому-нибудь другому, понятны и природа конфликта, и мотивы, вызвавшие к жизни письмо из азербайджанского театра. Неблагополучность психологической атмосферы в коллективе точно обозначена в статье Д. Лиханова, а, видимо, такая гласность не устраивает некоторых деятелей бакинской труппы.

И все же обратимся к фактам. В числе других художественный руководитель азербайджанского балета Г. Алмасзаде обвиняет В. Плетнева в недоброжелательности к своим товарищам, в необъективности оценок. Но о какой недоброжелательности в отношении самой Г. Алмасзаде может идти речь, если совсем недавно именно В. Плетнев написал и опубликовал прекрасную книгу, посвященную ее многолетнему творчеству?! Или, например, по отношению к К. Баташову? Да будет известно старейшине бакинского театра, что статья о нем в «Советском балете» «Полвека на балетной сцене» вышла в свет не без участия В. Плетнева.

Одновременно в своем письме его авторы пытаются убедить нас в том, что В. Плетнев был посредственный танцовщик с ограниченными данными, личность художественно неяркая, однозначная. Но как быть с высказываниями этих же товарищей, немного оглянувшись назад? В то время оценки их были совсем другими, ровным счетом противоположными. Так когда же они кривили душой — тогда или сейчас?!

Существуют свидетельства и другого рода — восторженная пресса тех лет, ведущее положение В. Плетнева в труппе, прекрасные отзывы о его творческих свершениях крупнейших деятелей советского и зарубежного хореографического искусства. Или это только награда за трудолюбие?!

И, наконец, у него есть звания народного артиста Азербайджанской ССР и лауреата Государственной премии этой республики. По мнению авторов письма, это результат чьей-то жалости. Но не ясно, за что было жалеть В. Плетнева — ведь он тогда еще танцевал, и в указах о присвоении званий точно это сформулировано.

И последнее. Касаясь работы В. Плетнева в качестве педагога-репетитора, авторы письма пишут: «Репетитор без ног — это „нонсенс!» Оставим в покое такие гуманистические понятия, как милосердие, элементарная порядочность и тактичность... Но как быть с таким фактом, когда на V Всесоюзном конкурсе артистов балета в Москве подопечный В. Плетнева Виталий Ахундов получил II премию и серебряную медаль. Сегодня В. Ахундов в числе хулителей В. Плетнева, а в 1984 году он публично заявлял, что успеху на конкурсе он прежде всего обязан своему учителю. Недолгая же память у молодого солиста азербайджанского балета.

Нет, нынешняя деятельность В. Плетнева в театре — это не нонсенс, а подвиг. Беспримерный подвиг мужества, воли, достоинства, сознательная победа человека над слепыми силами роковых обстоятельств, неодолимая сила художника, подлинного творца прекрасного. И не уважать все эти качества личности — своеобразное преступление, попрание социалистической морали, высочайших нравственных принципов советского общества.

С уважением

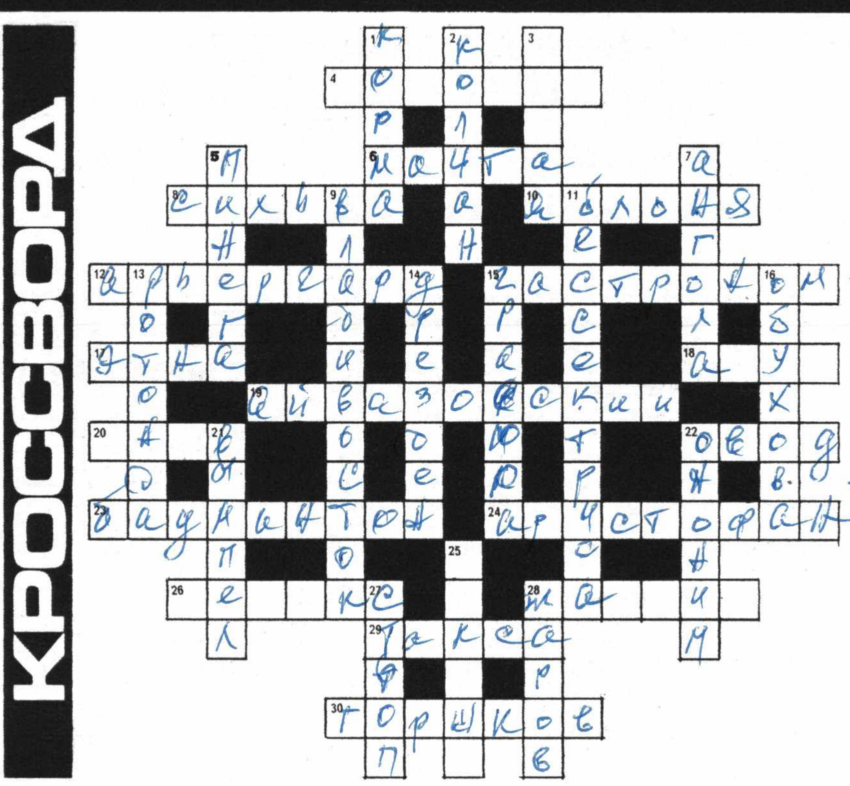
Ю. П. Тюрин, редактор журнала «Советский балет», Б. А. Львов-Анохин, народный артист РСФСР».

ОТ РЕДАКЦИИ. Как видим, мнение деятелей бакинского балета резко отличается от мнения общественности, и прежде всего от мнения самой балетной труппы. О чем это говорит? В первую очередь о необъективности оценок, которые авторы письма, прикрываясь лозунгом гласности, пытаются выдать за «правду в последней инстанции». Кстати, среди авторов письма есть и такие, кто лишь косвенно причастен к делам и проблемам балетной труппы, а значит, не имеет морального права делать какие бы то ни было заявления от ее имени.

Именно по этим причинам мы расцениваем это обращение в редакцию как очередную попытку очернить дела и имя мужественного танцовщика Владимира Плетнева. К слову сказать, после публикации материала «Pas de deux» в квартире Плетневых стали раздаваться анонимные ночные звонки, его цинично оскорбили, в его адрес злословили.

Надеемся, что Министерство культуры Азербайджанской ССР примет все необходимые меры к разрешению конфликтной ситуации, сложившейся в театре, а Владимир Плетнев получит возможность полнокровно и плодотворно работать.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Писатель, автор сборника рассказов «Морская душа». 5. Вертикальная конструкция на палубе. 8. Оперетта И. Кальмана. 10. Фруктовое дерево. 12. Часть войск, находящаяся позади главных сил. 15. Продуктовый магазин. 17. Действующий вулкан в Италии. 18. Дальневосточная промысловая рыба. 19. Живописец, автор картины «Черное море». 20. Приток Десны. 22. Роман Э. Л. Войнич. 23. Спортивная игра. 24. Древнегреческий поэт-комедиограф. 26. Южное созвездие. 28. Персонаж романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 29. Небольшая охотничья собака. 30. Адмирал Флота Советского Союза.

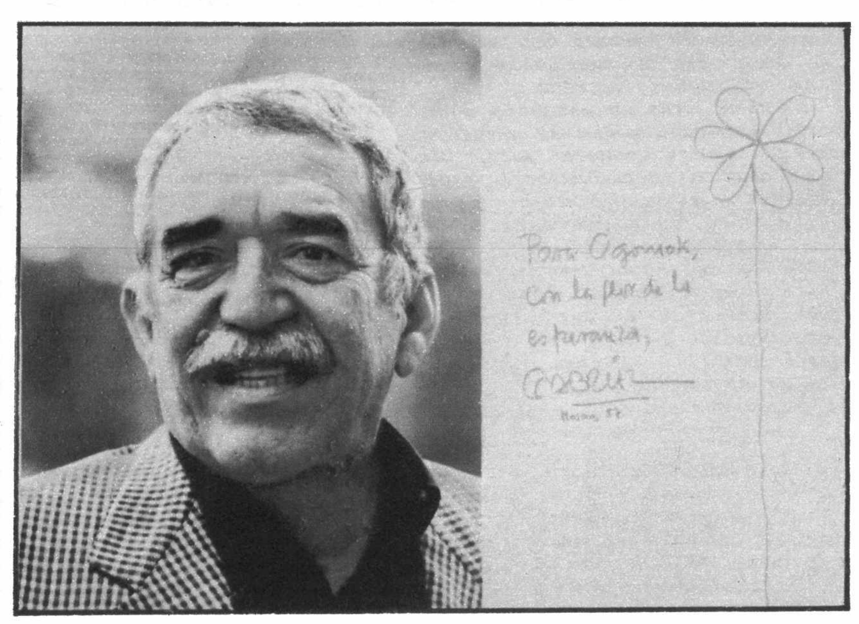
По вертикали: 1. Часть судна. 2. Футляр для стрел. 3. Промысловая рыба семейства карповых. 6. Приток Камы. 7. Государство на западе Африки. 9. Центр Приморского края. 11. Прямая линия, делящая угол пополам. 13. Круглая постройка с колоннами и куполом. 14. Город в ГДР. 15. Вид изобразительного искусства. 16. Певица, народная артистка СССР. 21. Флаг военного корабля в плавании. 22. Слово, однозвучное с другим, но отличное от него по значению. 25. Лесная птица, обитающая в Сибири и на Сахалине. 27. Трос парашюта. 28. Народный артист СССР, выступавший в Малом театре.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 5. Курако. 7. Турнир. 8. Линолеум. 10. Каракуль. 11. Унжа. 12. Горн. 13. Темп. 14. Коносамент. 16. Рассольник. 19. Юкон. 22. Алоэ. 24. Изол. 25. Смольный. 26. Ахромеев. 27. Ковпак. 28. Санеев.

По вертикали: 1. Купино. 2. Сароян. 3. Прокат. 4. Диплом. 6. Ожешко. 7. Турман. 9. Мусоргский. 10. «Карманьола». 14. Каюр. 15. Трек. 17. Ачинск. 18. «Икарус». 20. Комкор. 21. Нэлепп. 22. Арманд. 23. Оберек.

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

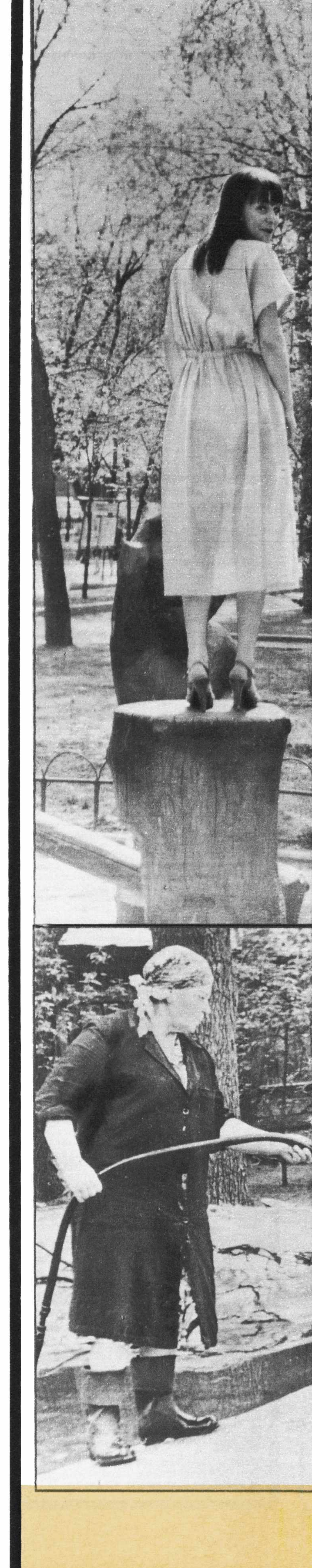

Габриэль Гарсиа Маркес — всемирно известный колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии, автор широко известных в Советском Союзе произведений «Сто лет одиночества», «Осень патриарха», «Полковнику никто не пишет» — приехал в Москву на международный кинофестиваль. Он выразил желание посетить нашу редакцию.

Рассказ об этой встрече и интервью с Маркесом корреспондента «Огонька» Феликса Медведева читайте в одном из ближайших номеров журнала.

Романы Лазаря Карелина «Землетрясение», «Змеелов», «Последний переулок» пользуются успехом у читателей. В № 31 мы начинаем печатать его новый роман «Даю уроки-2».

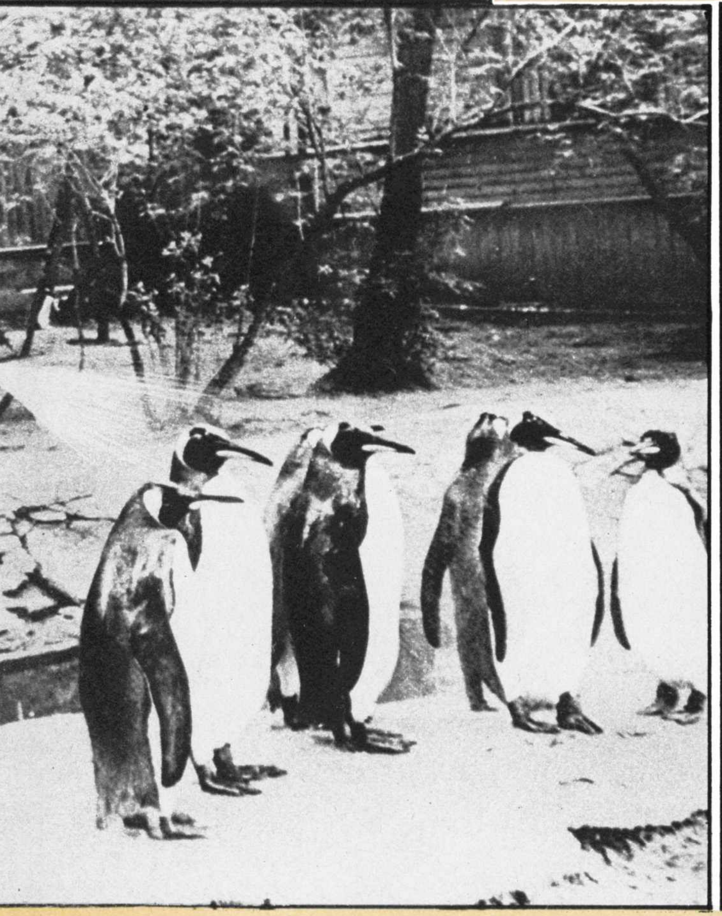
Схватка не на жизнь, а на смерть с подпольными изготовителями наркотиков и с распространителями дурмана, оказывающими растлевающее влияние на молодежь,— вот что находится в центре повествования. Здесь действуют те же герои, что и в романе Л. Карелина «Даю уроки», опубликованном нами в прошлом году.

Фотообъектив улыбается

Шутливое настроение. Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА

●

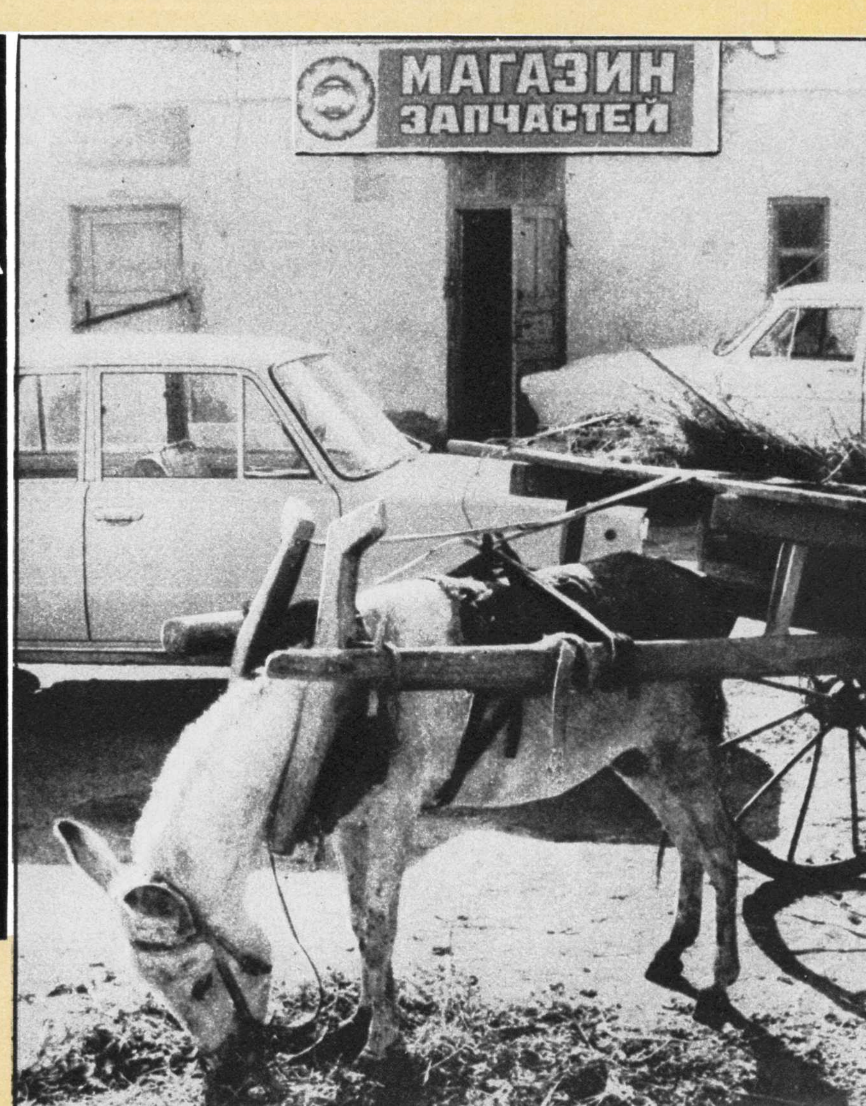
Спортивный дуэт. Фото Андрея ФИЛАТОВА

●

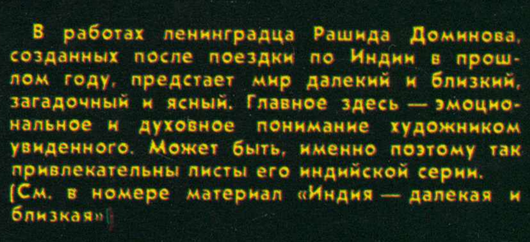
Водные процедуры. Фото Владимира СЕМЕНОВА

●

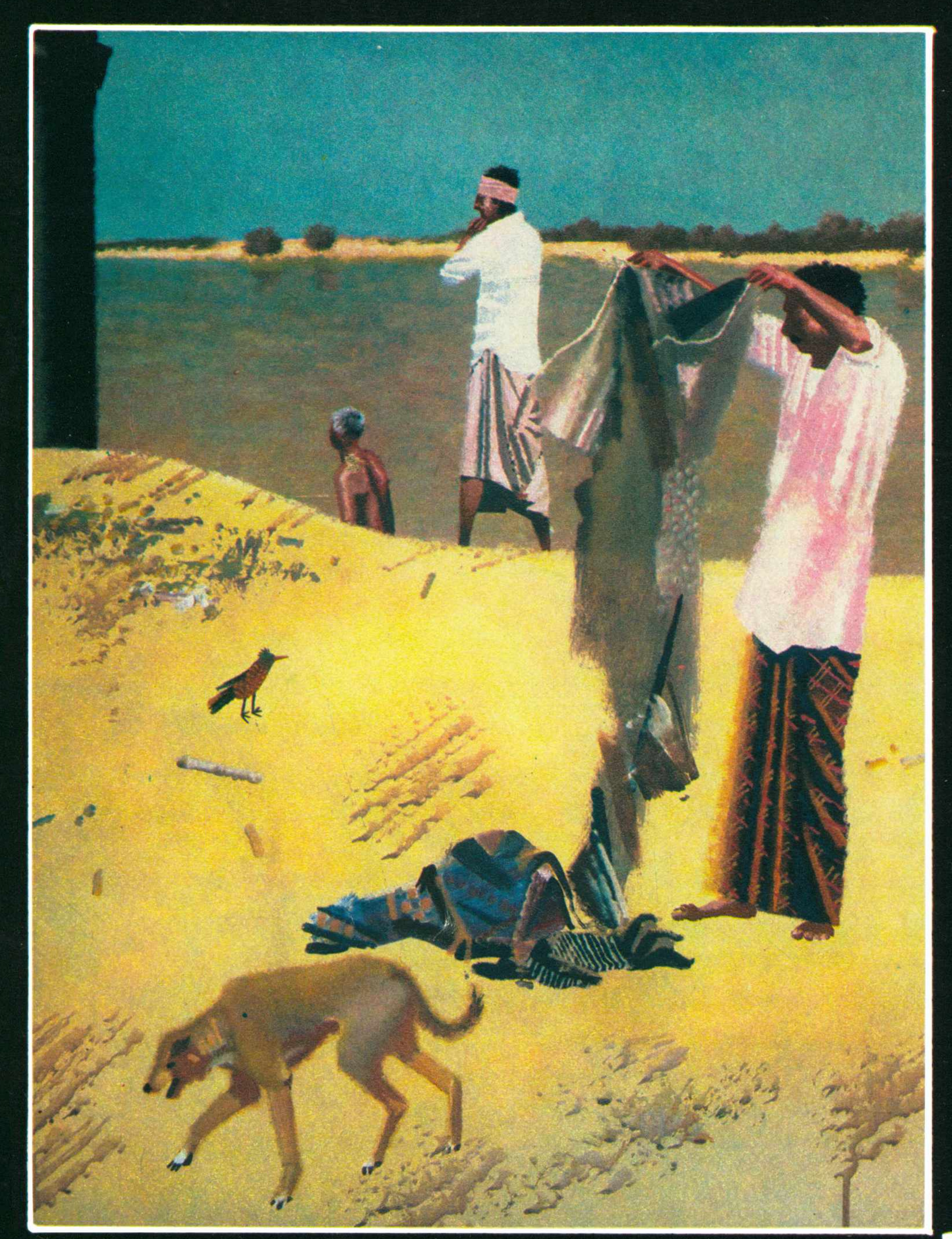
Магазин запчастей. Фото Игоря ЯКОВЛЕВА

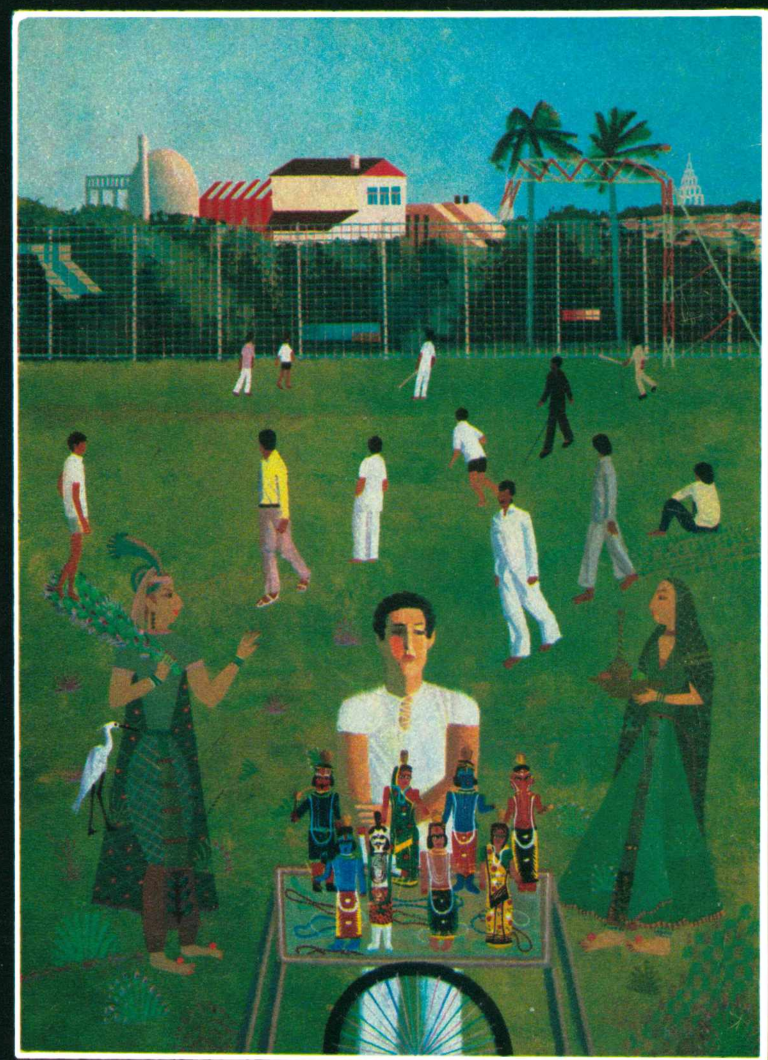

В работах ленинградца Рашида Доминова, созданных после поездки по Индии в прошлом году, предстает мир далекий и близкий, загадочный и ясный. Главное здесь — эмоциональное и духовное понимание художником увиденного. Может быть, именно поэтому так привлекательны листы его индийской серии.
(См. в номере материал «Индия — далекая и близкая»)

ИЗ СЕРИИ «ПО ИНДИИ».

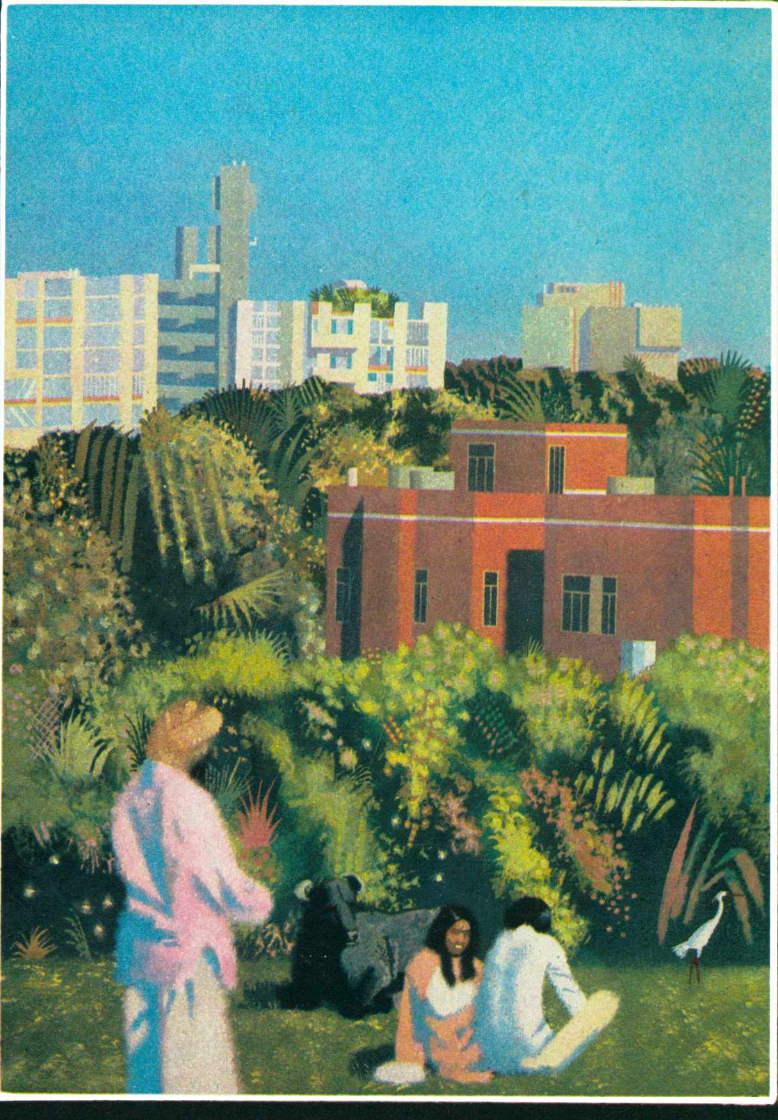
У ГАНГА.

СУВЕНИРЫ БОМБЕЯ.

НОЧЬ.

НОВЫЙ ДЕЛИ.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663